

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВ

ПОРТРЕТ МИНИСТРА

В КОНТЕКСТЕ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ:

СЕРГЕЙ СТЕПАШИН

ДОСЬЕ

«Досье»

Александр Михайлов

**ПОРТРЕТ МИНИСТРА
В КОНТЕКСТЕ СМУТНОГО
ВРЕМЕНИ:**

Сергей Степашин

Москва
«ОЛМА-ПРЕСС»
2001

ББК 66.1(0)
М 69

Исключительное право публикации книги А. Михайлова «Портрет министра в контексте смутного времени: Сергей Степашин» принадлежит издательству «ОЛМА-ПРЕСС».

Выпуск произведения или его части без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

Михайлов А. Г.

М 69 Портрет министра в контексте смутного времени: Сергей Степашин. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. — 351 с.: илл. (Досье).

ISBN 5-224-03252-0

Любые революции и демократические преобразования выводят на политическую арену новых людей. Однако динамика развития общества приводит к неизбежной и стремительной ротации людей во власти. Прошедшее десятилетие выдвинуло целую плеяду молодых и энергичных политиков, многие из которых не выдержали испытания медными трубами, ушли в политическое небытие.

Сергей Степашин, пришедший во власть в 90-м году, не просто сохранился в системе государства, но и на каждом посту, который он занимал, оставил яркие воспоминания. От рядового депутата через должности директора ФСБ, министров юстиции и МВД он дошел до поста председателя правительства.

Судьбе этого человека посвящается данная книга. Автор попытался проанализировать личность героя через призму взлетов и падений, иллюзий и разочарований в них.

ББК 66.1(0)

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ, ИЛИ НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ ЭКС-ПРЕМЬЕРУ

— *Каковы доли случайности и закономерности в том, что вы, «человек из народа», поднялись до своего положенка?*

— Говорить о закономерности было бы нескромно, а о случайности наивно. Наверное, в том, что я, как вы говорите, «человек из народа», достиг нынешнего положения, есть доля и того и другого. Сами понимаете, что хоть и каждый солдат мечтает стать генералом, но не каждый генерал допускает мысли, что может стать министром, тем более премьером. Кстати, и к своим прошлым должностям, будь то директор ФСБ, или министр юстиции, или министр внутренних дел, я относился и отношусь исключительно как к высокому доверию, которое накладывает огромные обязательства. Естественно, на этом посту хочется сделать больше, так как времени для людей такого ранга, как показывает практика, не так уж много.

— *Эпизоды, характеризующие, на ваш взгляд, различные периоды вашей жизни.*

— Вся жизнь состоит из эпизодов. В детстве мечтал стать моряком. (А кем может мечтать стать сын морского офицера, родившийся в

Порт-Артуре?) Даже поступил в военно-морское училище им. Фрунзе. Но о карьере моряка пришлось забыть. Зрение подвело. Однако идею стать офицером не оставил. Поступил в военное училище. Служил. В составе спецчастей МВД СССР бывал в горячих точках... В Баку был комендантом района. Наверное, там впервые осознал ту ответственность, которую взяли на себя люди в погонах. Как бы их ни ругали и ни хаяли сегодня, глубоко убежден, что они делали и тогда и сейчас все, чтобы не лилась кровь, не гибли люди, не множилась армия сирот...

Может, тогда подсознательно и возникла мысль заняться политикой. Ведь именно политики отдают приказ, и от их мудрости многое зависит. Правда, реализовали эту мысль мои товарищи, мои курсанты, с которыми я и прошел через горячие точки, с которыми видел и смерть, и горе людей. Именно они организовали мою избирательную кампанию, что и привело меня впоследствии в Верховный Совет России. Разве можно не оправдать это доверие?

Не хочу теперь говорить о Чечне, но был бы нечестен, если бы о ней не упомянул. Наверное, те два тяжелейших года (1994—1995. — *Авт.*) во многом сформировали мои нынешние подходы к жизни. Понял, что покорное молчание при принятии ответственного решения, касающегося жизни людей, не всегда лучшая иллюстрация «демократического централизма». Больше не буду ничего говорить... Вы сами понимаете все.

— *Семейные предания, истории с вашими родичами, наиболее для вас значимые.*

— Особых нет. Что касается истории с моими родными, то, наверное, это романтическое знакомство молодого лейтенанта (моего отца Вадима Дмитриевича) и матери — юной медсестры Людмилы Сергеевны. Неделя знакомства в Ленинграде, свадьба, отъезд оттуда на Дальний Восток. Началась война в Корее. Через год мать едет к отцу и в поезде изучает фотографию, чтобы узнать его на вокзале среди встречающих. Затем Порт-Артур, где я и родился. Родители вместе живут уже более 50 лет, отметили золотую свадьбу, а мы с женой серебряную.

— *Кем вы хотели стать в 10, 18, 30 и 40 лет?*

В 10, как и в 18 лет, — офицером флота. В 30 лет, чтобы сложилась карьера офицера, полагал заниматься преподавательской работой. В 40 лет я был председателем Комитета Верховного Совета по обороне и безопасности и заместителем министра безопасности — должностей достаточно.

— *Что вы цените в себе, в людях?*

— В людях ценю порядочность, искренность и надежность. В работниках — профессионализм. Стараюсь этому следовать сам. Стремлюсь критически оценивать свои поступки, признавать свои ошибки и, главное, не предавать, не «сдавать» тех, кто тебе верит.

— *Есть ли у вас противники? В чем они противостоят вам?*

— Безусловно, есть. В чем противостоят? Скорее всего, в принципах, подходах к жизни.

Как вы определяете смысл вашей жизни?

— Постараться сделать больше полезного. Но это кратко. Над смыслом жизни билось не

одно поколение философов. Мне далеко до них.

— *Кто ваши друзья? Что вас связывает?*

— Безусловно, дружба крепится единством взглядов, подходов к жизни. Если вас интересует их социальный статус, то могу вас разочаровать. Друзья приобретаются в юности. С годами их приобретать труднее. Поэтому самые теплые отношения, безусловно, связаны с давними годами. Школьный друг Сергей Лобов живет в Санкт-Петербурге, уволился из внутренних войск. К сожалению, в силу разных причин встречаемся редко, но от этого наши чувства не тускнеют. Наверное, это и есть настоящая дружба. Она не определяется должностным, социальным или имущественным положением.

Если говорить о новых друзьях, то у меня добрые отношения с Е. Примаковым, Ю. Батуриным, В. Михайловым, С. Филатовым, П. Крашенинниковым, В. Кулаковым, О. Басилашвили, В. Шульцем, Г. Хазановым, А. Пискуновым, да много с кем.

— *Партийная принадлежность в настоящее время. Изменение вашей партийной ориентации в различные периоды жизни.*

— Сейчас беспартийный. Ни в партиях, ни в движениях не состою. Был членом КПСС, вышел 19 августа 1991 года. Что касается партийной ориентации, она была и остается одна — быть честным человеком, не лукавить перед собой и людьми. Наличие партийного билета ничего не определяет. Всем известно, сколько грязи иногда скрывалось за личиной партфункционера, партбосса. Кстати, многие из них предали свою партию.

— *Начало вашей политической деятельности.*

— Если по-крупному, то, безусловно, выборная кампания в Верховный Совет РСФСР 1990 года. Сама атмосфера того времени была какой-то особой. А уж об азарте, с каким мы взялись за избирательную кампанию, и говорить не приходится. Да и соперники были в избирательном округе достойные. Упомяну только одного — начальника Ленинградского управления КГБ генерал-лейтенанта Анатолия Куркова. Что я, подполковник из спецчастей МВД, перед ним? Само название КГБ в те годы приводило в трепет. Справедливости ради скажу, что он был не только соперник, но и человек в высшей степени достойный. Умный, эрудированный. На своем месте был человек. У нас, кстати, с ним сохранились хорошие отношения. Но август 1991 года многим жизнь изменил... Победить такого противника на выборах стоило многого.

— *Эпизоды, характеризующие, на ваш взгляд, различные периоды вашей жизни после 1985 года.*

— 1987–1989 годы — выполнение задач в горячих точках: Нагорный Карабах, Ереван, Баку, Сухуми.

1990 год — председатель Комитета Верховного Совета РСФСР по вопросам обороны и безопасности, начальник Ленинградского управления Агентства федеральной безопасности.

1992 год — заместитель министра безопасности.

1993 год (октябрь) — 1-й заместитель министра безопасности, работа в Белом доме.

1994 год — директор ФСБ.

1994–1995 годы — Чечня, Буденновск, отставка.

1996 год — комиссия по урегулированию кризиса в Чечне. Назранские соглашения, их срыв.

1996 год (6–10 августа) — я в Грозном, нелепая капитуляция.

1997 год — министр юстиции. «Борьба» за передачу ГУИН. Новое лицо Министерства юстиции.

1998 год — Министерство внутренних дел.

1998 год (май) — Дагестан на грани новой войны — удалось приостановить.

1999 год — принятие бюджета, встречи с Клинтонем, Гором. Отставка. Снова депутат. Союз с «Яблоком».

2000 год — новый этап, Счетная палата.

— *Ваше отношение к радикальной экономической реформе.*

— Любой радикализм опасен. В экономике тем более. В конце концов кто для кого? Экономика для людей или люди для экономики? Последствия неразумного радикализма мы не раз пожинали. Вспомните хотя бы шахтеров. Дети радикальных реформ, они сами добивались создания акционерных обществ, затем стучали касками, чтобы стать самостоятельными. Потом стучали касками, требуя вмешательства государства в их самостоятельность. Сначала стучали касками, что голодно. Затем — что холодно. А кто перекрывал дорогу к ГРЭС? Кто не пропускал туда топливо?

Для любых реформ надо созреть и никогда не использовать принцип партийного гимна

«до основанья, а затем...». Вот это «затем» может просто не наступить...

— *Отношение к особому пути России и политике.*

— Особый путь России должен определяться многовековой мудростью предков. И эту мудрость на основе знания истории мы должны взять на вооружение. В противном случае весь особый путь России будет сродни русской национальной игре — при наступлении на грабли.

— *Какой вид правления более всего приемлем для России (демократия, авторитарный режим, монархия и т. д.)?*

— Вспомним древнюю мудрость — в одну реку нельзя войти дважды. Монархии и авторитарный режим мы проходили. Но если о монархии мы знаем по учебникам, то уж авторитарный режим — это наша недавняя и достаточно памятная история. Увы, кое-кто сейчас пытается вспомнить жестокую руку. Но это из той серии, когда мы выбираем эту руку не для себя, а для соседа... Голосуем не по принципу «за», а по принципу «против». «Пусть им будет хуже». Вот вам и особый русский характер...

Что касается демократии, то это разговор особый. Мы сами избрали этот путь. Сами за него сердцем проголосовали. Но создать ее значительно сложнее, чем просто проголосовать. И отвечая на ваш вопрос, попробую сформулировать ответ так: я за авторитарную демократию. Но авторитарность должна заключаться в верховенстве не конкретной личности, а закона.

— *Какие страны являются, на ваш взгляд, приближенными к идеалу?*

— Швеция.

— *Какие встречи в вашей жизни оставили наибольшее впечатление?*

— Май 1990 года — Ленинград — Б. Ельцин.

Январь 1991 года — Чехословакия — Дубчек.

Март 1995 года — Турция — Демирель.

Апрель 1997 года — Афганистан — А. Масуд.

Апрель 1998 года — Сирия — Х. Асад.

Июнь 1998 года — Кельн, «Большая восьмерка».

— *Ваше участие в коммерческой деятельности.*

— Никакого.

— *Входите (входили) ли вы в какие-либо клубы, общества, общественные организации?*

— Являюсь членом общества «Динамо» много лет. Пусть это выглядит символически, но, наверное, это связующая нить «между прошлым и будущим». Болею за этот клуб, хотя, как петербуржец, делю симпатии между ним и «Зенитом».

Что касается модных элитных клубов, то на них нет времени, хотя провести час-другой в компании хороших людей не прочь.

— *Правительственные награды, государственные (или другие) премии, общественные награды.*

— Орден Мужества. Медали «За отличие в воинской службе» I и II степени, «За отличную службу по охране общественного порядка» —

это за горячие точки. Остальные юбилейные — 7 или 8 штук.

— *Считаете ли вы, что ведете здоровый образ жизни? Сколько длится ваш рабочий день?*

— Вот с этого и надо начинать разговор о здоровом образе жизни. Разве он может быть здоровым, когда рабочий день длится 14–16 часов? Хотя стараюсь форму поддерживать. Люблю плавание. Не курю. К спиртному — как придется. Раньше активно занимался спортом — бегал средние дистанции. Являюсь мастером спорта.

— *Гурман ли вы, что предпочитаете?*

— Скорее, нет.

— *Ваше хобби?*

— Спорт — футбол, легкая атлетика. Книги, научная работа (я доктор юридических наук). Очень люблю театр, но, увы, нет времени.

— *Какие журналы, газеты читаете, выписываете, что предпочитаете?*

— Не хочу никого из журналистов обижать, скажу так: читаю все, что интересно. Не люблю лжи на страницах печати, чернухи и откровенного экстремизма. Газеты читаю (просматриваю) почти все.

— *Какие теле-, радиопередачи предпочитаете?*

— Смотрю программы новостей, спорт, политические передачи. Люблю, когда есть возможность посмотреть старые фильмы — добрые, светлые. Как нам порой не хватает таких. Надоели боевики, «мыльные оперы» без конца и начала.

— *С какими регионами, странами поддерживаете наиболее тесные отношения?*

— За последние годы судьба связала меня с Северным Кавказом. Естественно, и люди, ко-

торые там работают, стали моими друзьями. И соответственно мой родной Питер.

— *Семейное положение.*

— Женат. Супруга Степашина Тамара Владимировна — профессиональный банкир, с 20-летним стажем работы. Сын Владимир окончил Санкт-Петербургский университет экономики и финансов, работает в банке, одновременно хочет за три года получить юридическое образование в Юридической академии. Свободно владеет английским.

— *В чем выразались традиции родительской семьи?*

— В поддержке друг друга и не только в трудную минуту. В хлебосольстве.

— *Кто из ваших предков служит для вас примером?*

Тесть — Герой Советского Союза, сапер-разведчик, доктор экономических наук.

Отец — флотский офицер. А маму я просто очень люблю. Она много для меня сделала, как и бабушка.

— *Ваше отношение к религии.*

— Философское, я крещеный человек. Считаю, что каждый человек имеет право на веру.

— *Как вы относитесь к выражению Чехова «Русские любят прошлое, ненавидят настоящее и боятся будущего»?*

— Да, мы любим прошлое. Но если мы ненавидим настоящее, если в нем не видим ничего светлого, доброго, гуманного, то зачем жить? А бояться будущего не надо — каким его сделаем сами, таким оно и будет.

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО

Умные нам не надобны. Надобны верные.
А. и Б. Стругацкие.
«Трудно быть Богом»

Степашин был взбешен.

Еще неделю назад силовики докладывали ему, что ситуация на границе Дагестана и Чечни контролируется. «Да, обстановка непростая, да, на границе возникает напряжение, но...»

Премьер не мог не верить, потому что не мог ставить под сомнение информацию лиц компетентных и ответственных.

Не одна светлая голова думала над проблемами Северного Кавказа, опираясь на информацию, поступающую из ведомств. Но, судя по всему, просчитались... Как просчиталась и военная разведка, которая в последнее время стала активно работать и внутри России — в горячих точках. В распоряжении силовых ведомств было все — агентура, закрытые и открытые источники, разведанные из-за рубежа, аналитика, как наша, так и иностранная, и конечно, данные радиоперехвата.

И что же? Просчитались?

Если это можно назвать так.

Премьер не мог не верить, а по большому счету не хотел признать истинными и в полной мере объективными утверждения Магомедали

Магомедова — главы Госсовета Дагестана. Последнее время тот, что называется, нагнетал, сгущал краски.

В мае 1998 года ему пришлось пережить немало тревожных минут и часов — захват здания Госсовета, его разгром и разграбление. Тогда он проявил невероятную энергию и неподдельное мужество, лично прибыв на место, не испугавшись войти в разъяренную толпу. Бросил все дела в Москве и немедленно вылетел в Махачкалу. Один, без охраны, он приехал на площадь. Один, без охраны, вошел в здание Госсовета, где орудовали провокаторы и хулиганы. Более того, крепко по-мужски ответил одному крикуну, который по-петушиному наскакивал на главу республики. «Вах!» — выдохнула толпа, когда этот крикун улетел в глубокий нокдаун.

А потом без тени испуга Магомедов сел за стол переговоров с организатором беспорядков. Это выглядело достойно. Прибывший на следующий день министр внутренних дел России С. Степашин увидел решительного и спокойного, словно ничего не произошло, главу республики.

В июле же 1999 года отдельные заявления Магомедова казались паническими. Впрочем, паника, возникшая в коридорах Госсовета Дагестана, носила комплексный характер. Точнее, внешний — возможное вторжение боевиков, и внутренний — активная деятельность оперативно-следственной бригады во главе с зам. министра внутренних дел России генералом Колесниковым. Острословы ерничали: «Скоро в Госсовете не останется кворума».

Большие «шишки» опали с дерева власти прямо в камеры следственного изолятора.

Все это происходило на фоне возрастающей напряженности внутри Дагестана. Экономическое положение, в котором оказалась республика, усугублялось, и на фоне этого активизировались силы, оппозиционные нынешнему руководству.

Местная знать смотрела на Магомедова, взывая — «доколе терпеть беспредел Колесникова?»

Низы — «доколе терпеть беспредел местной власти?!» Люди выстраивались в очередь у гостиницы, где проживал Колесников, и требовали довести дело (дела) до конца. Десятки заявлений о коррупции в органах власти Дагестана становились объектами изучения. Местная милиция и республиканский прокурор только руками разводили: не проходило и дня, чтобы Колесников не требовал очередных санкций на выемку, обыск или задержание. И каждый обыск заканчивался изъятием целых арсеналов оружия и взрывчатки, огромных, астрономических для республики сумм, неведомо как оказавшихся в руках скромных чиновников.

Примечательно, что одним из результатов работы группы Колесникова в Махачкале был рост доверия к центральной власти и правоохранительным органам. Практически с нуля их рейтинг соответственно возрос до 40 и 95 процентов. В ряде мечетей прошли благодарственные молебны.

Расследование 1998—1999 годов по делам о взрывах в Махачкале выходило за пределы

криминальных убийств. Все чаще выдвигались исключительно экономические версии. Было ясно, что весь бизнес, вся экономика Дагестана поделены между собой могущественными криминальными кланами, которые нет-нет да и посягали на чужую долю пирога.

Даже власть становилась предметом коммерции. Один из высокопоставленных на тот момент министров, в какой-то миг оставшийся без портфеля, сетовал автору и просил поддержки: «У меня нет столько денег, чтобы заплатить за должность». Однако следственная бригада скоро доказала обратное. Особняки, машины, наличность в немереных объемах... Помощники Колесникова и следственная бригада просто дымились от многочисленных проверок по сигналам, от которых волосы вставали дыбом.

Колесников был упрям и последователен. Магомедали упрям и настойчив. Магомедали понимал, что одно неосторожное движение — и ситуация может взорваться межнациональным конфликтом. Колесников понимал, что спровоцировать такой конфликт могут только коррумпированные преступники, стремящиеся выйти из-под действия закона.

Искры летели от этой схватки до самой Москвы. Спецкоммутатор по очереди соединял министра внутренних дел России Степашина то с Колесниковым, то с главой Госсовета. Степашин говорил правильные слова, успокаивал, но хранил нейтралитет, предоставляя возможность следствию самому разобраться в ситуации. Принимать ту или иную сторону он считал неэтичным, всегда выступая за незави-

симось следствия, полностью полагаясь на компетенцию следственной бригады.

Тревога Магомедова в июле 1999 года в отношении ситуации в горах — создания «опорных пунктов» боевиков в Карамахи и Чабанмахи — казалась премьеру если не надуманной, то местами субъективной. Об этом не раз заявлял и начальник Генштаба Анатолий Квашнин, ранее возглавлявший Северокавказский военный округ. Особенно когда речь шла о необходимости наведения порядка там силами федералов. Глава Госсовета понимал, что легче эту ситуацию разрулить чужими руками, не втягивая в конфликт местную милицию. Последствия этого он мог предугадать заранее... Взорвать Дагестан изнутри? На это он пойти не мог.

Степашин не мог пойти на другое. Отправить на бойню российских мальчишек? Даже умудренным в политике и в военном деле командирам бывает сложно пройти между Сциллой и Харибдой внутренних конфликтов. А когда дело касается боевых действий... В любой схватке бывают жертвы. Жертвы с обеих сторон. А кому отвечать? Кому отвечать перед родителями солдат, кому отвечать перед родственниками погибших сельчан, если дело дойдет до схватки? Эффект был бы такой же. Только взрыв был бы сдетонирован из России.

Взвешивая все «за» и «против», оценивая ситуацию в мятежных селах и вокруг них, премьер все-таки склонялся к тому, что «не посмеют, не решатся»... Он еще верил президенту Чечни А. Масхадову, хотя тот уже мало что мог

решать, реально контролируя только часть столицы Чечни.

Не хотелось верить, что люди в горах, на которых делали, по оперативным данным, ставку боевики и с которыми он встречался в горах несколько месяцев назад, нарушат свои обещания.

И тем не менее в душе росла тревога. Ему ли не знать Кавказ, ему ли не помнить все предшествующие события, некоторые из которых не шли из головы, лишая покоя и сна.

6 августа 1999 года состоялось то, что должно было состояться. И об этом премьер узнал еще в Ульяновске. Даже не очень качественная связь аппарата ВЧ, по которому ему позвонил глава Госсовета Дагестана Магомедали Магомедов, не могла скрыть его волнения. Уже по первым словам Степашин понял, что тот близок к панике. Он призывал, требовал, умолял сделать все возможное, чтобы прекратить продвижение банд в глубь Дагестана. Он вновь, как и было ранее, требовал ввести федеральные войска в Дагестан. Сегодня у него были аргументы. Степашин слушал молча, по мере возможности короткими фразами пытаясь успокоить своего старого друга.

Все, что произошло, было тем более странно, так как несколько месяцев назад именно этому были посвящены учения в том регионе, на которых отрабатывалось взаимодействие всех силовых ведомств. Войска продемонстрировали и выучку, и готовность отразить любое нападение. За последние несколько месяцев была существенно увеличена численность органов милиции в республике...

Но факт оставался фактом — значительные силы боевиков перешли границу Дагестана и заняли несколько сел. Милиция, как могла, оказывала сопротивление, неся потери. Если верить докладам с мест, то зона влияния боевиков расширялась. Почти не встречая сопротивления, они продвигались в глубь Дагестана. И форпостами этого продвижения были, как и предсказывала контрразведка, села Карамахи и Чабанмахи.

Звонок начальнику Генерального штаба еще более запутал картину. Анатолий Квашнин держался спокойно. «Сергей Вадимович, Магомедов сгущает краски. Ситуация сложная, но не смертельная. Мы сейчас бандитов там вычистим...» Вычистить бандитов можно было только вместе с селами. Пехота и танки в горах могут применяться ограниченно, а артиллерия и авиация не разбирает, где свои, где чужие. Опустить Кавказские горы ниже уровня моря не значило «вычистить».

Степашин связался с президентом России, изложил ситуацию и свое видение разрешения проблемы, в том числе и военными средствами. Тот выслушал и одобрил. Впрочем, это не было странным. Для Ельцина судьба Степашина уже была предрешена, и на столе президента уже лежал Указ об отставке премьера. Полетит Степашин в Махачкалу или нет, ему было все равно. При случае всю ответственность можно будет возложить на Степашина, если, конечно, «прижмут». А впрочем, Ельцин уже давно не прислушивался к чужому мнению. Что ему судьба премьера, если со своей еще предстояло разобраться...

КАРАМАХИ

Симптомы проявились давно. Карамахинцы занимали по многим вопросам особую позицию, их заявления и высказывания как в адрес власти Дагестана в лице главы Госсовета, так и в адрес органов исполнительной власти носили ярко выраженный агрессивный характер. Причин было несколько, и, наверное, одной из них был промысел, которым занимались карамахинцы и чабанмахинцы, — извоз. Практически каждая семья имела по одному, а то и по два КамАЗа. Владельцы ходили в дальние рейсы, а по большому счету были единственными жителями Дагестана, имеющими постоянный и стабильный заработок. Они давно не ждали помощи ниоткуда, целиком полагаясь на собственные силы. Впрочем, говорить о сверхдоходах от этого промысла можно было с натяжкой. И это понятно — амортизация транспорта, его ремонт, топливо и прочие проблемы, связанные с эксплуатацией. Кроме того, было и другое, что так возмущало жителей этих сел, — поборы сотрудников МВД республики. ГИБДД, по их мнению, было неким Соловьем-разбойником,

который сидит на каждой дороге, свистит и собирает дань.

Впрочем, несмотря на то, что в самих селах преступность была ниже самого низкого порога (ничего удивительного в этом нет — каждый человек на виду), невинными овечками их называть было нельзя. Кроме того, наверное, самым возбуждающим фактором была их религия, отличающаяся от традиционного ислама. Да и внешне в силу этого они отличались. Их так и называли — бородачи.

19 мая 1998 года над селами Карамахи и Чабанмахи взвилось зеленое знамя Аллаха. На въездах в села были поставлены блокпосты, которые проверяли все въезжающие машины. Насильственным путем была изгнана исполнительная власть, закрыто отделение милиции, а на дороге был установлен щит: «На данной территории действуют законы шариата». Что это такое, мало кто знал, но...

В села зачастил с визитами вежливости, как к себе домой, известный бандит Эмир Хаттаб. Он демонстрировал свою поддержку карамахинцам, вместе с Басаевым заявлял, что готов помочь им в случае «агрессии со стороны России (Дагестана)». Более того, Радуев заявил, что если к независимым горцам из Карамахов будет применена сила, то его «Армия Дудаева» придет на помощь. Это был почти ультиматум.

Это был вызов, нанесший оскорбление дагестанскому народу. Тогда министру внутренних дел России Степашину стоило больших трудов, чтобы удержать горячих горцев от кровопролития. Не было практически ни одного человека в Центральном Дагестане, кто не го-

ворил бы об этой форме «самоопределения» с возмущением. Еще более их возмущало то, что Радуев, которого иначе, как палачом, после кизлярского вторжения, не называли, вновь замаячил на горизонте.

Об этом знали в Махачкале, знали и в Москве. Пресса, увидевшая здесь очередную сенсацию, стала подогревать настроения противостояния... В села зачастили журналисты, в том числе и иностранные. Страницы газет запестрели пророчествами о новой кавказской войне. Карамахинцы преподносились как вестники свободы, готовые в любой момент взорвать Кавказ. Подробности происходящего смаковались, что не могло не вызывать изжоги не только в Махачкале, но и в Москве. Ежедневно на стол министра внутренних дел России ложились пухлые папки с оперативными сводками, характеризующими ситуацию в Дагестане.

В 1997 году появилась книга дагестанца М. Тагаева «Наша борьба, или Повстанческая армия имама». На титульном листе стояли выходные данные издательства «Наука» (Киев). Киевляне категорически отказывались. Но факт остается фактом — своеобразное пособие по борьбе с российским империализмом для народов Северного Кавказа получило свое идеологическое обеспечение.

В предисловии от редактора говорилось: «М. Тагаев зовет к национально-освободительной борьбе против русского ига в каждой части своей книги.

Автором продуманы вопросы государственного управления не только перед войной, во

время войны, но и после войны на достаточно длительный период».

То, что книга пришла на Кавказ именно с Украины, не удивляет. Практически всю войну 1994–1996 годов в армии генерала Дудаева были представители украинской националистической организации УНА УНСО. Они отличались особой жестокостью и цинизмом при обращении со своими жертвами — единоверцами. Теперь выпуском книги М. Тагаева они желали бы взорвать Дагестан.

Книга и ее идеи четко ложились на ситуацию, складывающуюся в так называемых вахабитских селениях.

Все это происходило на фоне весьма напряженных событий, связанных со злодейским убийством в апреле 1998 года Верховного муфтия Дагестана С. Абубакарова. Жители Хасавюрта и Кизилюрта требовали возмездия. Массовые митинги там могли перерасти в неуправляемый процесс. Причину гибели (и не без оснований) видели в мятежных селах. Погибший муфтий был яростным противником вахабизма, выступал против всех форм его проявлений. Это был не просто риск. Это был риск смертельный. Впрочем, сам он это понимал, но сознательно шел на обострение.

Взрыв его машины стал реализацией звучащих в его адрес угроз. «Волга», в которой сидел муфтий, была разорвана на две части. От взрыва в центре Махачкалы осталась воронка более тридцати метров в диаметре.

После теракта обстановка накалилась настолько, что возникла угроза открытой войны

между сторонниками убитого муфтия и жителями мятежных сел.

В один из майских дней 1998 года глава Госсовета Магомедали Магомедов вынужден был лично вмешаться для разрешения почти прорвавшегося конфликта. В назначенный для переговоров с сепаратистами день он выехал в Карамахи, но вынужден был вернуться, потому что в Кизилюрте страсти приобрели угрожающий характер и с минуты на минуту могли наступить непредсказуемые для Дагестана последствия.

Страсти удалось притушить, но только притушить.

Сотрудники внутренних дел Дагестана скрипели зубами и сжимали кулаки. Одна команда — и от этих сел останется лишь воспоминание. Но команды не было.

Все смотрели на министра внутренних дел России Степашина. Тот взвешивал про и контра.

Для него Кавказ уже однажды стал тем, чем он был для русских офицеров в начале прошлого века. И ссылкой, и местом боя, в котором не бывает победителей. Ему еще снились ночи в пылающем Грозном 95-го, грязь и кровь на раскисших от весенней распутицы дорогах Чечни. И, куда бы он ни переходил на службу, чеченский след тянулся за ним повсюду.

Чиркнуть спичкой сегодня было легко, тушить пожар пришлось бы мучительно долго.

Необходимо было волевое решение.

Местные власти требовали, убеждали, умоляли — терпеть больше нельзя. Нужны жесткие, а может, и жестокие в отношении мятежных сел меры. Дальше будет поздно.

И возможно, такое решение было бы принято, если бы буквально накануне приезда Степашина в Махачкалу с карамахинцами не был достигнут компромисс.

Досье

ПРОТОКОЛ

встречи Председателя Государственного совета Республики Дагестан с представителями джамаатов с. Карамахи и с. Чабанмахи и других районов республики

г. Буйнакск

01.09.1998 г.

В целях снятия напряженности во взаимоотношениях между органами власти и местного самоуправления и джамаатами с.с. Карамахи и Чабанмахи стороны пришли к следующему соглашению:

1. Подтвердить, что жители с.с. Карамахи и Чабанмахи отказываются от антиконституционных действий, признают и оказывают содействие деятельности органов местного самоуправления и других госорганов.

2. Органы власти Республики Дагестан согласились со следующими предложениями, поднятыми руководителями джамаата:

Сохранить за джамаатом конституционное поле в вопросах проповедования ислама.

Не использовать в официальном лексиконе слово «вахабизм», в т. ч. в государственных средствах массовой информации.

Рассмотреть совместное с представителями джамаатов предложение к Народному собранию о толковании и соответствии Конституции РФ и РД закона РД «О свободе совести, вероисповедания и религиозных организациях».

Принять меры к недопущению незаконного преследования членов джамаата по надуманным мотивам только потому, что они члены джамаата.

Обеспечить выход на телевидение представителей джамаата в установленном порядке.

*Министр по
делам национальностей
и внешним связям
ГУСАЕВ М. М.*

*Председатель комиссии
по переговорам
ДЖАНГИШИЕВ М. З.*

*Министр
внутренних дел РД
МАГОМЕДТАГИРОВ А. М.*

*Глава администрации
Буйнакского района
АЛХЛАЕВ М-Р. А.*

*Представитель с.с. Карамахи
и Чабанмахи
АТАЕВ М. Д.*

Удивительно, но акция примирения между властью Дагестана и мятежными селами не заинтересовала центральные СМИ. Как будто ничего не произошло, как будто снятие продолжительного противостояния угрозы войны — не информационный повод. На недоуменный вопрос автора — почему не было этой информации на экране, корреспондент РТР В. Карташков ответил просто: «Когда я спросил руководство (РТР — государственный канал! — *Авт.*), надо ли перегонять картинку в Останкино, мне был задан вопрос: «Сколько трупов?» Когда я ответил, что все разрешилось мирно, мне сказали, что такая информация не нужна».

Конфликт между властью Дагестана и мятежными селами был притушен. Но он мог вспыхнуть в любой момент, грозя самыми тяжелыми последствиями.

Прибывший 3 сентября 1998 года в Дагестан министр внутренних дел России Степашин решил изучить ситуацию сам. Это было тем более важно, так как находившийся в розыске зачинщик и активный участник беспорядков в Махачкале в мае 1998 года Надир Хачилаев мог серьезно усугубить ситуацию. Надир Хачилаев — лидер Союза мусульман России — был весьма влиятельной фигурой. Даже многие политики России его знали и уважали. От него многое зависело, так как в его окружении находилось немало нукеров, представлявших осязаемую силу, в том числе и вооруженную. Проведенный в его доме обыск — яркое тому подтверждение. Было изъято большое количество стрелкового оружия, среди изъятого правоохранительные органы обнаружили и тяжелое — гранатометы и огнеметы.

Влияние Хачилаева было достаточно высоко, а лишение его депутатской неприкосновенности вывело бы его за рамки сторонников власти. Он скрывался в горах и возбужденно реагировал на призывы Колесникова сдаться в руки правосудию. В какой-то момент он мог стать неформальным лидером и возглавить мощный очаг сопротивления. А это снова кровь.

Министр внутренних дел это знал. Еще до событий он принимал в здании МВД России Хачилаева как лидера Союза мусульман России и депутата Госдумы.

Степашин тоже был влиятельной фигурой. И он тоже мог воздействовать на ситуацию. Но сам и без посредников. Он должен был пощупать ситуацию своими руками. Это был его принцип.

В январе 1995 года директор ФСК Степашин рванул из Моздока в Грозный. Он ворвался на КП Льва Рохлина, развернутый на развалинах консервного завода. Позже он первым попытался проехать на поезде из Грозного в Гудермес. Эта поездка чуть не закончилась трагически, так как дорога была перекрыта местными жителями и боевиками. Почему он остался тогда жив — загадка. Тысячи людей, многие из которых были вооружены, демонстрировали свою ненависть. Один выстрел... Но Степашин не испугался, вышел на насыпь из вагона и сказал все, что хотел... Все-таки тогда Кавказ уважал мужество.

Чуть позже, уже в Афганистане, куда Степашин вылетел с грузом гуманитарной помощи, он по горным дорогам, через позиции талибов пять часов добирался до ставки Ахмад-шах Масуда, чтобы посадить за стол переговоров непримиримых противников. Потом еще три часа ждал, чтобы заставить пожать руки генералов Дустума, Ахмад-шах Масуда и Рабани. Тогда он добился компромисса... Компромисса в объединении усилий афганских лидеров в борьбе с движением талибан.

Снова требовался компромисс. Но компромисс скорее правового характера. Для начала было решено «включить» в ситуацию старшего брата Хачилаева. Магомед, бывший заместитель министра сельского хозяйства и продовольствия, к тому времени был арестован и находился под следствием. По мнению Магомедова, его освобождение могло снизить накал. Более того, как старший брат он мог (и обещал это) обратиться к Надиру, чтобы тот сдался вла-

стям. Это было бы не просто эффектно, но и способствовало бы решению ряда политических проблем.

На кратком совещании у М. Магомедова с участием В. Колесникова, зам. Генерального прокурора России В. Устинова Степашин выслушал точки зрения сторон. Речь шла не о прекращении уголовного дела по факту массовых беспорядков в Махачкале, а об изменении меры пресечения брату Надира Хачилаева.

По мнению Магомедова, это могло сыграть свою положительную роль.

По мнению Устинова, это было правомочным.

По мнению Колесникова, «вор должен сидеть в тюрьме».

Впрочем, Колесников свою точку зрения не выражал — она была хорошо известна. Он сжимал кулаки и выразительно смотрел на своего министра. Профессиональный сыщик принципиально не желал мешать криминал с политикой. Или наоборот — делать криминал предметом большой политики. Он с открытым забралом шел к цели, которая была простая и ясная, — очистить Дагестан от криминального элемента. Во всяком случае, максимально очистить... Для этого он и прилетел в Дагестан несколько месяцев назад.

Для коррупционеров и бандитов он был врагом номер «раз». Неоднократно на него безуспешно организовывали покушения, закладывали на трассе фугасы, нанимали килеров. Но и это не повлияло на его решимость. Не желал поступаться принципами он и в этот раз.

Решение было принято. Местная прокуратура вынесла постановление об изменении меры пресечения лидеру лакского народного движения «Кази-Кумух» Магомеду Хачилаеву. Тот в свою очередь должен был обеспечить явку для дачи показаний Надира.

На этом же совещании было принято решение о поездке в Карамахи. Как ни уговаривали Степашина не делать этого, он был непреклонен. Видеть своими глазами все, что требует внимания министра внутренних дел, было его принципом. Зам. секретаря Совета безопасности России Вячеслав Михайлов его поддержал.

Степашин не посчитался с тем, что поездка была сопряжена с серьезной опасностью. Впрочем, некоторую паузу для обеспечения безопасности поездки министр внутренних дел Дагестана Адельгирей Магомедтагиров выторговал. Было решено осуществить выезд на утро следующего дня. Но ни время, ни маршрут не оглашались. Даже члены делегации не знали обстоятельств. Два боевых вертолета были доставлены на аэродром Махачкалы, силы милиции приведены в полную готовность.

Но перед выездом Степашин решил выполнить скорбную миссию — принести свои соболезнования отцу убитого муфтия С. Абубакарова. От этого посещения глава Госсовета дипломатично уклонился. Степашин вместе с Вячеславом Михайловым выехал на окраину Махачкалы, где проживал отец погибшего. Миссия была действительно трудной. В адрес муфтия не раз звучали угрозы. Об этом знали все. Знали и правоохранительные органы, которые, к сожалению, так и не смогли предуп-

редить теракт. Сопровождавший Степашина министр внутренних дел Дагестана Адельгирей Магомедтагиров под благовидным предлогом постарался избежать встречи. В какой форме старый человек, убитый горем, примет соболезнования, он знал. Отец возлагал вину за гибель сына, который неформально был вторым лицом в Дагестане, на местные власти. «Не уберегли, проигнорировали угрозы... Не приняли мер». Степашин слушал молча, изредка роняя ничего не значащие фразы. Да и что он мог сказать? Чем помочь? Министр знал, что Колесников уже вышел на след преступников. Ну поймаем, осудим... Человека не вернешь.

Журналистов на эту встречу не пустили. Даже картинку не дали снять. Было бы кощунственно из этой непростой встречи делать акцию ПР.

Завтрак прошел в армейском режиме. Как только Степашин появился на крыльце, все пришло в движение. Сопровождавшие и охрана бросились к машинам, радиоэфир огласился командами.

Кортеж машин, выехавший из резиденции, неожиданно свернул не в сторону аэропорта, а направо, и стремительно ворвался в суету махачкалинских улиц. Привыкшие к приезду Степашина (в Махачкалу он летал как на работу) милиционеры держали движение. Аэропорт стал стремительно удаляться. Странно!

Хотя улицы города не были приспособлены для скоростной езды, стрелка спидометра не опускалась ниже ста. Колеса бились о выбои-

ны в асфальте, гремели карданы и рычали движки. Голова кавалькады рвалась вперед, а хвост мучительно отставал. Милицейские машины не могли состязаться с лимузинами руководителей.

Через некоторое время колонна растянулась, и к предгорью машина, в которой находился автор этих строк, подъехала в гордом одиночестве. Ни кортежа, ни машин сопровождения... Мрачный водитель выжимал из старенькой «Волги» все ее хилые лошадиные силы. Она захлебывалась от нехватки кислорода в горах, ревела, периодически отстреливая несгоревший бензин, и, гремя карданом, взбиралась по серпантину.

Мы переглянулись между собой. Никто из сидящих в машине не видел, в какую машину сели министр внутренних дел и заместитель секретаря Совета безопасности Вячеслав Михайлов. По горной дороге мы взбирались одни. Почему-то в голову стали лезть мысли о засадах и заложниках. Оказаться таковыми было раз плюнуть. Да и водитель в силу угрюмости доверия не вызывал.

Рубя лопастями воздух, над нами просвистели три вертолета.

«Шеф полетел», — подумал я.

Однако на площади Ботлиха, куда мы наконец вкатили, нас ждали все. Степашин по-домашнему, в рубашке с расстегнутым воротом, Михайлов, озабоченно поправляющий на переносице очки, министр внутренних дел Адельгирей Магомедтагиров, как всегда выглаженный и выбритый до синевы. Местная власть. На окраине оседала пыль от винтов сев-

ших боевых вертолетов. Степашин добрался до Ботлиха на машине. Вертолеты служили прикрытием, в том числе в случае нападения. Они могли нанести удар огромной огневой силы.

Площадь была окружена спецназом. «Зачем?» — поморщился министр.

Доклады Степашин слушал вполуха. Все его мысли были уже там — в Карамахлах.

И снова разговоры о вахабитах, об их агрессивности и опасности, которая нас подстерегает. Впрочем, Степашина это не впечатляло. Не прошло и нескольких месяцев, как ему пришлось оказаться за одним столом чуть ли не с самым главным вахабитом. Премьер-министр Саудовской Аравии, прибывший с визитом в Москву, был прямым потомком Вахаба. В официальной беседе он рассказал об учении своего предка, которое никак не было тем, чем прикрываются боевики. Но это было позже.

Тогда же важно было создать свое личное впечатление. Степашин знал, что в горах, помимо денег и силы, уважают смелость. И факт приезда двух высоких чинов из Москвы может сыграть весьма положительную роль. Пообщавшись с местной властью, Степашин решил заехать к военным.

Городок по мере возможности был вычищен. Но возможности были ограниченными. Отовсюду тянуло неуютом и запустением. В который раз Степашин убедился в неспособности войсковой системы приспособиться к новым экономическим условиям. Картошку и овощи, которых здесь «как грязи», по-прежнему доставляли из Центральной России. Вместо свежего мяса в рационе солдат была тушенка,

вместо рыбы — консервы. Тыловики с трудом воспринимали нынешнее бытие, ревизоры видели в нем возможности для финансовых нарушений. Впрочем, и прежняя система снабжения не была гарантом от таких. И Степашин это понимал. Служить в таких бытовых условиях с пользой для дела было проблематично. Офицеры, вместо того чтобы думать о боевой подготовке, вынуждены были заниматься чем угодно, только не ею.

Командир бригады не сетовал. Он просто докладывал. И от этого доклада наваливалась какая-то безнадега. Более того, несмотря на предназначение защищать границы республики, сами военные требовали защиты. Даже не защиты, а внимания, которого явно не хватало как со стороны Москвы, так и со стороны местной власти. В довершение у командира самого имелись проблемы — в бригаде не было средств, чтобы ему можно было выехать на сессию в академию, где он учился. Конечно, можно было решить эту проблему, но... Требовалось решение кардинальное и, возможно, как кому-то покажется, непопулярное. Пребывание бригады в непригодных для нормальной службы условиях могло обернуться самой неожиданной стороной.

Степашин не раз поднимал вопрос о комплектовании органов и войск внутренних дел местными жителями на контрактной основе, такое решение было бы наиболее приемлемо. Впрочем, у данной идеи всегда было много противников. Расхожим местом в рассуждениях оппонентов был национальный фактор. Нельзя вооружать людей с кавказским мента-

литетом. Дескать, Чечня тому свидетельство. И тем не менее Степашин все эти аргументы отметал — сам факт столь нелепых подозрений чужд ему. Тем более когда речь шла о такой многонациональной республике, как Дагестан. Многочисленные встречи с дагестанцами, руководством Дагестана убеждали в обратном. Только доверие, только реальная помощь станет залогом стабильности в этом крае, жители которого, как никто другой, знают цену национальной вражды и ненависти.

Но у этих пороков была реальная основа. Тяжелейший кризис, отсутствие средств, безработица. «И куда бедному крестьянину податься?» — вопрошали дагестанцы словами известного героя не менее известного фильма. В бандиты, в рэкетеры? Как кормить семью? Как почувствовать себя мужчиной, способным не только приумножать свой род, но и содержать его? Потому, по мнению Степашина, именно местные мужчины, безработица среди которых достигла критической черты, должны стать оплотом безопасности на Северном Кавказе.

Знание ими местных обычаев, нравов, постоянная связь с населением — это много. Более того, местные жители вполне могут жить в своих домах, а это снимает множество вопросов.

МВД республики было выделено более 1000 единиц для укрепления местной милиции. И хотя ее комплектация шла не просто, но уже первые результаты ее работы стали обнадеживающими. Традиционная тяга дагестанцев к службе или служению народу были тому залогом. Тем более что служили они не мифической

власти, а исполняли долг ради своих близких, защищая свой кров, свой дом от любых нашествий и посягательств.

Вполне рационально было бы поступить так и с внутренними войсками, дислоцированными в Дагестане. Но об этом предстояло еще много и мучительно думать. Еще сложнее, преодолевая стереотипы мышления чиновников, решать.

До Карамахов добрались довольно быстро, несмотря на мерзкую, с мелким морозящим дождем, погоду. Вывернув из-за очередного поворота, все увидели довольно необычную картину. На обочине в придорожной грязи выстроились в ряд корреспонденты и милиционеры. Здесь же стояла группа угрюмых настороженных бородатых мужчин — представителей села. На некоторых из них был камуфляж. Форменные зеленые кепки окаймлены черными лентами. Взаимная неприязнь местной милиции и аборигенов была налицо. И те и другие по отношению друг к другу вели себя индифферентно, с оттенком некоего презрения. Впрочем, и те и другие могли проявить свою агрессию в любой момент. Несмотря на бытующее мнение о поголовном вооружении местных жителей, оружия при них не было.

Журналисты стояли с микрофонами наперевес и готовы были к атаке. Впрочем, к такому приему Степашин привык и, выйдя из машины, охотно сказал несколько слов общего характера. Он давно понял, что даже ничего не значащих фраз иногда бывает достаточно, что-

бы от него отстало подавляющее число журналистов. В редких случаях в их стане находился провокатор, который пытался путем обострения вопроса поймать интервьюируемого на неудачном слове, выражении или формулировке, которая подавалась как сенсация. Впрочем, сейчас таких здесь не было. В Дагестан провокаторы ездить не любили: опасно!

И тем не менее ощущалось, что факт прибытия министра внутренних дел России в эти горы для них уже является сенсацией. Они нервничали, в нетерпении теребя бесполезные здесь мобильные телефоны: вне зоны охвата.

От прибывших гостей в селе стало тесно. Журналисты добавляли суету, пытаясь протиснуться в эпицентр событий. Первым объектом, если можно было так сказать, стала сельская больница. Убогое облупившееся здание, построенное в начале века. Такими же жалкими и древними были ее пациенты. Впрочем, больницей это здание можно была назвать с натяжкой. Медикаментов, кроме зеленки, здесь почти не было, как почти не было здесь врачей. Заведующая говорила об этом устало и с болью. Отчаяние стало нормой отношения к действительности, к власти. Рассказывая о своем нелегком житье, она не ждала помощи ни от кого, усвоив принцип ээка: «не верь, не бойся, не проси». Верить обещаниям властей было нелепо, бояться устали, а просить... И даже к обещанию Степашина помочь отнеслась философски. «Спасибо, если не шутите».

В таких вопросах Степашин не шутил никогда. Если обещанное было в его силах и власти, оно исполнялось всегда.

На площади перед больницей уже собралась огромная толпа. Степашин решительно шагнул к людям. Охрана в нерешительности развела руками. Ее оттеснили, охватив плотным кольцом прибывших.

О чем говорил министр? За дальностью расстояния не всем было слышно (люди стояли очень плотно), но все сказанное им стремительно разнеслось по дворам. Разговор с сельчанами был тяжелый. Пришлось выслушать то, что слушать было малоприятно. Говорили, не выбирая выражений, не боялись. И о коррумпированности власти, и о произволе милиции, и о наплевательстве Москвы на проблемы народов Северного Кавказа, и об открытых провокациях со стороны ряда СМИ, которые буквально потирали руки в предвкушении новой кавказской войны.

Многое было сказано справедливого, обидного.

Через полтора часа Степашин встречался со старейшинами в доме. Разговор пошел в более конструктивном русле. И основные темы Степашин знал, и успел продумать кое-какие предложения. И тем не менее чувствовал он себя неуютно, как на парткомиссии, где разбирают твое дело. Разбирали персональное дело России, но ответчиком был министр внутренних дел. Неуютно и неудобно. И не только потому, что затекли ноги от долгого сидения, по местному обычаю, на полу, а потому, что все повторялось. Любимая русская игра — хождение по граблям — имела свое продолжение. Макроэкономика, микроэкономика... Интеллектуальные игры в столице были непонятны

людям, живущим в горах. При чем здесь они? Их дети, которых в домах было множество... Из этих мальчишек могут вырасти как полезные члены общества, талантливые люди, так и непримиримые воины ислама. Все зависит от нашего отношения к ним.

Прием от имени старейшин был теплее. И не потому, что они поставили на стол (пол) то, что послал им Аллах, — баранину, сыр, овощи. Но и потому, что угощали своих гостей, независимо от вчерашнего отношения к ним, от всей души.

Уезжая, Степашин был уверен, что эти люди данное слово не нарушат.

Но так просто покинуть села не удалось. Дорогу преграждали КамАЗы. Угрюмые люди стояли перед эскортом молча, плечом к плечу. Глаза источали такую ненависть, что чиркни спичкой и...

Охрана схватилась за оружие.

«Отставить! — скомандовал министр. — Пошли поговорим!»

В Махачкалу прибыли к ночи.

Наутро только местная газета отметила это событие.

Степашин же доложил собственные выводы президенту.

Досье

Из докладной записки в Правительство России — Проблемы сел Карамахи и Чабанмахи нельзя рассматривать в отрыве от общей экономической ситуации в Дагестане. Вся напряженность, как межклановая, так и религиозная,

имеет исключительно экономические корни. Отсутствие работы, невозможность законно получить деньги. В столь напряженной экономической ситуации неизбежно возникает образ врага, внешнего — в лице российского руководства и внутреннего — в лице людей, живущих «не так».

— Запущенный в политический лексикон в период чеченской кампании термин «вахабизм» в настоящее время требует довольно осторожного использования. Став на бытовом уровне символом экстремизма, он вольно или невольно бросает тень на людей глубоко религиозных, далеких от политических целей. При этом не всегда целесообразно связывать конкретных преступников с тем или иным религиозным течением.

— При квалификации тенденций внутри течения необходимо пользоваться исключительно проверенными фактами, перепроверя информацию общего характера, от кого бы она ни исходила (ФСБ, ГРУ или СВР). Использование ее без привязки к конкретным лицам, документам создает эффект распространения слухов под видом достоверной информации.

— Коммерческие поездки приверженцев чистого ислама в Саудовскую Аравию или Эмираты сами по себе — не факт внешнего влияния, хотя экономический эффект от таких поездок для т. н. вахабитов налицо. Возможно, более благоприятное положение жителей данных сел, совершающих подобные коммерческие рейды, является на фоне экономических трудностей остальных граждан Дагестана возбуждающим фактором, и, как следствие, — грабежи и поборы на дорогах.

— Вместе с тем необходимо отметить, что решение только экономических проблем Карам-

хи и Чабанмахи может иметь нежелательные последствия, а также создать прецедент «выбывания средств» у федерального центра. Данные вопросы целесообразно решать комплексно, в рамках подписанного Протокола, предоставив право выделения средств для этих сел руководству Дагестана.

Через три недели «Дагестанская правда» поместила заметку.

МИНИСТР СДЕРЖАЛ СЛОВО

Как известно, 3 сентября министр внутренних дел России Сергей Степашин побывал в селениях Карамахи и Чабанмахи. Он тогда поинтересовался состоянием дел в карамахинской больнице. А дела, надо сказать, обстояли неважно. Из беседы с главврачом стало ясно, что в сельской больнице не хватает самого необходимого. Министр пообещал помочь.

И вот 26 сентября в Карамахи прибыл гуманитарный груз для больницы: медикаменты, постельное белье, медицинское оборудование и инструментарий, всего около 10 тонн.

Впрочем, сдержал слово не только Степашин.

Карамахинцы в период трагических событий, случившихся через год, тоже держали слово. Они до последних минут хранили нейтралитет после вторжения банд чеченских наемников на территорию Дагестана.

ПОСЛЕДНИЙ АККОРД

Наверное, он уже все знал. Знал, что не сегодня завтра все правительство окажется на обочине, чтобы пропустить во власть новую фигуру. Во всяком случае, последний разговор с Ельциным такой вариант предполагал.

«Тяжелее всех в августе придется С. Степашину. По слухам, в кремлевской администрации от него требуют изгнания Р. Вяхирева из Газпрома, отзыва у телекомпании НТВ лицензии на вещание, решительных действий против Ю. Лужкова. Но по объективным причинам сил на это у Сергея Вадимовича нет, как нет и желания ссориться с весьма влиятельными людьми. Больше всего его устраивает личный нейтралитет. А это не устраивает г-на Волошина. По этой же причине премьера не рассматривают и на роль преемника Б. Ельцина.

Говорят, что Волошин уже сформулировал недовольство Кремля нынешним премьером на своих недавних встречах с руководителями ряда регионов и Совета Федерации. Мало того, по словам сотрудников аппарата премьер-министра,

часть чиновников Белого дома уже паковала чемоданы, готовясь к неминуемой отставке Степашина. Они точно знали, что указ об этом лежит у Б. Ельцина, и президент лишь ждет его возвращения из США.

Три с половиной кандидата, но отставка премьера может и состояться. Опыт-то у администрации президента в этом очень большой. Особенно после снятия Е. Примакова, когда члены так называемой «семьи» ждали бунта со стороны губернаторов и оппозиции, а его не последовало... Так что сейчас в Кремле царит ощущение полной вседозволенности. Достаточно любой придирки — например, бензиновый голод, чтобы указать премьеру на дверь.

А кто в очереди? Разные источники называют четырех человек. Все они вполне лояльны кремлевскому двору. Это шеф ФСБ В. Путин, первый вице-премьер Н. Аксененко, сам А. Волошин и министр иностранных дел И. Иванов».

Андрей Угланов, «Аргументы и факты»

Симптомы были налицо — углубление противоречий с администрацией президента и собственным замом в правительстве Николаем Аксененко.

Но необходимо было думать о другом.

Степашин рвался в Махачкалу, но надо было отдать долг вежливости президенту Татарстана Минтемиру Шаймиеву, визитом к которому в Казани 8 августа заканчивался «круиз по Волге». За спиной была Самара и Ульяновск.

Пока охрана и авиационные службы согласовывали вопрос вылета на Кавказ, Степашин осмотрел выставку, развернутую прямо на поле казанского аэродрома. По иронии судьбы, там, наряду с гражданской продукцией, демонстрировались последние новинки нашего оружейного комплекса. Патроны, гранаты, мины... Как они сегодня нужны там — на Кавказе!

Полет прошел «на телефонной линии». Операторы ФАПСИ держали на линии самолета премьера по нескольку абонентов. Президент, начальник Генштаба, министр внутренних дел, директор ФСБ... Уточнялись обстоятельства прорыва, силы, противостоящие бандитам. Еще в самолете Степашин отдал команду, взяв всю ответственность на себя, о нанесении ракетных ударов по боевикам.

Лица встречавших в Махачкале выражали крайнюю озабоченность и растерянность. Здесь было все: от «Что делать?» до «Кто виноват?» и «Кому отвечать?»

Последний вопрос был снят сам собой: «За все отвечать буду я...» Ответственности Степашин не боялся и еще раз повторил приказ о самых жестких мерах в отношении бандитов. Но, кто виноват, предстояло разобраться публично. В закрытом зале махачкалинского аэропорта собрались все заинтересованные лица. Помимо руководства Дагестана, здесь были силовики, руководители и командиры подразделений.

— Ну, Адельгирей, доложи, как ты бандитов в Дагестан пропустил, — начал Степашин.

Министр внутренних дел Адельгирей Магомедтагиров, недавно получивший звание генерала, готов был провалиться сквозь землю. Для волевого человека публичная порка, который он подвергся, была серьезным испытанием. Докладом Степашин остался недоволен. И не только потому, что он был сумбурен и грешил оговорками, а потому, что в руках министра внутренних дел Степашин сосредоточил огромную власть над всеми силами в республике — над армией, внутренними войсками и даже ФСБ.

Начальник управления ФСБ по Республике Дагестан генерал Владимир Смирнов докладывал удачнее. Жестко, хлестко, с цифрами, фактами, географическими координатами... «Знали, докладывали в Москву.. Предлагали меры...»

Во время доклада командующего внутренними войсками МВД России Вячеслава Овчинникова между ним и начальником Генерального штаба Анатолием Квашниным разразилась полемика. Генералы обвиняли друг друга в нерешительности, неспособности принять правильное решение. Словно в подтверждение правоты Овчинникова на стол президиума передали записку. Во время бомбежки силами ВВС был уничтожен «рафик» с милиционерами. Записку зачитал упавшим голосом министр Дагестана А. Магомедтагиров. Его ведомство снова понесло потери. Теперь от своих...

Разнос, который устроил всем присутствующим Степашин, был словно ураган Торнадо. И он был прав. Что толку в докладах, если

люди не в состоянии распорядиться своими силами и средствами. Что толку в выделяемых средствах, если они идут неизвестно куда. Что толку во всех совещаниях и заседаниях, если из них не делаются выводы...

Что толку?

Толк все-таки был. К концу блицсовещания все пришли в чувство.

На следующий день утром в первую приемную председателя правительства пришел указ об отставке кабинета Степашина. Правительство оказалось за скобками руководства страной...

Но войска уже пошли: отданный премьером приказ успел вступить в законную силу.

ВАЛЬПУРГИЕВА НОЧЬ

Наверное, никогда Сергей Степашин не думал о том, что волей или неволей он станет не просто свидетелем, а самым деятельным участником всех процессов последнего десятилетия XX века. При этом можно особо отметить, что он всегда имел собственную точку зрения, а нередко и демонстративно (кому-то казалось эпатажно) ее выражал. Демонстративно настолько, что знающие его люди качали головой — не дай бог, кто стукнет. О стукачах мы поговорим отдельно... В жизни Степашина их было немало. И каждый играл в его судьбе свою неблагоприятную роль.

В 1991 году после избрания Верховного Совета РСФСР полковник Степашин неожиданно для окружающих и для себя занимает ключевой пост — председателя Комитета по обороне и безопасности. Это было тем более странно, так как в ту избирательную кампанию КГБ СССР проявило чудеса политической активности. В Верховный Совет и местные органы власти были выдвинуты десятки профессиональных чекистов очень высокого ранга. Тысячи помельче — в местные органы

власти. Азарт борьбы захватил не только руководителей, но рядовых оперов, которые даже плохо себе представляли, чем придется заниматься в Советах народных депутатов и ради чего...

Но клич был брошен. И он сорвал клапаны у бурлящего котла. Рядовые сотрудники бросали вызов своим процекованным руководителям. Те же, с недоумением глядя сверху вниз, внутренне трепетали, понимая, что их личный проигрыш равносителен стратегическому поражению. И началось... В ход пошли все возможные формы влияния борьбы за избирателя, от угроз и увещаний конкурентов до прямого подкупа.

Противником Степашина по избирательному округу был шеф Ленинградского управления КГБ генерал А. Курков. Личность, безусловно, яркая, самобытная, уважаемая не только среди чекистов. Примечательно и то, что ранее он был начальником Ленинградского управления внутренних дел. А это еще несколько тысяч «штыков», подверженных такому понятию, как корпоративная солидарность. Но формальный авторитет играл «против». Победил молодой и никому не известный полковник.

В Верховный Совет было избрано немало людей с погонями на плечах. Они, словно римская когорта, сдвинули щиты и выставили наружу копья. Центральный Комитет КПСС связывал с ними те «здоровые силы», на которые надо было опереться. Но игра пошла по новым правилам. Все формальные авторитеты сметались, освистывались и забра-

сывались тухлыми яйцами демократических изданий.

Полковник Сергей Степашин занимает ключевой пост. Впрочем, особого шока не было. Верховный Совет России еще казался декоративной структурой. В конечном счете все великие дела решались не в Белом (тогда еще) доме, а на Старой площади. Пока еще все решалось там...

Никто не предполагал, что пройдет совсем немного времени и...

Впрочем, наверное, с тех роковых дней и следует начинать отсчет истинной работы российского Верховного Совета, как и Верховных Советов других республик СССР.

Об августе написано много. Даже очень. Сегодня о тех днях вспоминают кто с горечью, кто с разочарованием, кто с негодованием, а кто со стыдом. Для многих демократов он стал временем переоценки своей жизни. Для идеалистов — временем крушения надежд и разочарования.

Еще не сбросивший остатков сна, Степашин машинально взглянул на часы (было пять утра) и снял трубку зазвонившего телефона. В трубке молчали. «Ошиблись», — подумал он и снова лег.

Но ошибки не было. Это он понял после окончательного пробуждения, когда жена Тамара включила телевизор. Чуть растерянный диктор бесстрастно читал официальные документы. «Ерунда какая-то», — пожала плечами Тамара. Но с первых слов Степашин понял,

что это очень серьезно. События последних дней и странный ночной звонок стали складываться во вполне логичную и стройную картину.

16 августа Степашину поступило неожиданное предложение о встрече от заместителя председателя КГБ СССР начальника столичного управления Виталия Прилукова. Он, как и Степашин, ленинградец, депутат Верховного Совета, пытался организовать встречу через посредника. Это было странно, так как не было ничего проще, чем связаться по телефону лично. Встреча не состоялась. Сегодня и не вспомнить, почему... Впоследствии оказалось, что именно Московскому управлению отводилась самая неблагоприятная роль. По замыслу КГБ, они должны были задерживать и препровождать на фильтрационные пункты всех оказавшихся в Белом доме... Что хотел от Степашина Прилуков, осталось не ясно, но знающие шефа столичного КГБ могли с уверенностью сказать, что просто так с людьми тот не встречался. Он придерживался в своей жизни главного принципа — опоры на «здоровые силы». Впрочем, избрав для беседы Степашина, он бы не ошибся... По сути, но не по форме...

Стал ясен и ночной телефонный звонок — проверка. Однако почему не последовали следующие шаги, если Степашин дома (задержание или арест), было непонятно.

Ковыляя по гостиничному номеру, чертыхаясь по поводу разорванного в нелепой ситуации сухожилия, Степашин пытался вникнуть в суть оглашаемых документов.

Досье

УКАЗ ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТА СССР

В связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачевым Михаилом Сергеевичем своих обязанностей Президента СССР на основании статьи 127.7 Конституции СССР вступил в исполнение обязанностей Президента СССР с 19 августа 1991 года.

Вице-президент СССР Г. И. ЯНАЕВ

18 августа 1991 года

Распространен ТАСС 6.00, 19.08.91 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА

В связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачевым Михаилом Сергеевичем обязанностей Президента СССР и переходом в соответствии со статьей 127.7 Конституции СССР полномочий Президента Союза СССР к вице-президенту СССР Янаеву Геннадию Ивановичу;

в целях преодоления глубокого и всестороннего кризиса, политической, межнациональной и гражданской конфронтации, хаоса и анархии, которые угрожают жизни и безопасности граждан Советского Союза, суверенитету, территориальной целостности, свободе и независимости нашего Отечества;

исходя из результатов всенародного референдума о сохранении Союза Советских Республик;

руководствуясь жизненно важными интересами народов нашей Родины, всех советских людей,

Заявляем:

1. В соответствии со статьей 127.3 Конституции СССР и статьей 2 Закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» и идя навстречу требованиям широких слоев населения о необходимости принятия самых решительных мер по предотвращению сползания общества к общенациональной катастрофе, обеспечения законности и порядка, ввести чрезвычайное положение в отдельных местностях СССР на срок 6 месяцев с 4 часов по московскому времени 19 августа 1991 года.

2. Установить, что на всей территории СССР безусловное верховенство имеют Конституция СССР и законы Союза ССР.

3. Для управления страной и эффективного осуществления режима чрезвычайного положения образовать Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП СССР) в следующем составе: Бакланов О. Д. — первый заместитель председателя Совета Оборона СССР, Крючков В. А. — председатель КГБ СССР, Павлов В. С. — премьер-министр СССР, Пуго Б. К. — министр внутренних дел СССР, Стародубцев В. А. — председатель Крестьянского союза СССР, Тизяков А. И. — президент Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР, Язов Д. Т. — министр обороны СССР, Янаев Г. И. — и.о. Президента СССР.

4. Установить, что решения ГКЧП СССР обязательны для неукоснительного исполнения всеми органами власти и управления, должностными лицами и гражданами на всей территории Союза ССР.

Г. ЯНАЕВ, В. ПАВЛОВ, О. БАКЛАНОВ

18 августа 1991 года

В серьезности происходящего Степашин теперь не сомневался. Как человек военный, побывавший в разных переделках, он четко видел последствия этих событий для страны, для российского руководства и для себя лично.

Последние годы были периодом растерянности власти. Шарахание из одной стороны в другую, серия ошибочных политических шагов с серьезными для страны последствиями, нарастание агрессивности в окружении Горбачева и его затянувшийся конфликт с Ельциным... Сегодня Рубикон был перейден. У людей, заваривших эту кашу, путей к отступлению не осталось.

Вызвав машину (телефон не был заблокирован, во всяком случае пока), Степашин связался с приятелем и договорился временно спрятать у него супругу. Сам же, с трудом спустившись на костылях вниз, отправился в Белый дом. К своему удивлению, он не увидел ликующих по случаю ГКЧП толп на улицах Москвы, но обнаружил много людей в самом Верховном Совете. Депутаты были возбуждены и агрессивно настроены. Срочно собирались комитеты, в резкой форме давали свои оценки случившемуся. Ни у кого сомнений в том, что это последний и решительный (и для одних и для других) бой, не было.

Вице-президент России А. Руцкой обсуждал с военными в Верховном Совете РФ меры по защите Белого дома. К полудню штаб-квартира Верховного Совета гудела. Информация, приходящая сюда, носила противоречивый и сумбурный характер. Было ясно, что от позиции армии, КГБ и МВД зависит будущее стра-

ны. Но позиция силовиков была не ясна. Сумбурность их действий говорила об отсутствии каких-либо четких планов, стереотипах авторитетов в партийных органах. Как кратко сформулировали впоследствии два генерала КГБ, направленные Прилуковым в штаб ВДВ, — «все напоминало сумасшедший дом». Один из них вспоминает: «Утром мне в машину позвонил Прилуков и сказал, чтобы я отправлялся в штаб ВДВ на совещание. Оказалось, что такое же поручение получил мой коллега К. На одной машине мы прибыли на совещание. В зале заседаний сверкали генеральские звезды. Когда мы вошли, то командующий ВДВ сказал: «Вот сейчас товарищи из КГБ поставят нам задачи». Мы остолбенели, потому что ни о каких задачах нам никто не говорил. Дипломатично уклонившись, мы решили послушать. От того, что мы услышали, волосы стали дыбом. Там всерьез обсуждали возможность штурма Белого дома».

Скорее всего, именно с этого сумбурного, с авантюрными последствиями совещания ушла информация, взорвавшая Москву. Уже тогда многие военные определялись, с кем быть. Кто-то видел возможность в мутной воде поймать свою золотую рыбку.

Как председатель Комитета по обороне и безопасности Сергей Степашин обзванивал всех, кого мог, кого знал в этих ведомствах, и пытался выяснить их личное отношение. По старой памяти позвонил начальнику ПГУ КГБ СССР генералу Леониду Шебаршину. Тот отвечал односложно. Но за этой лаконичностью сквозила досада, которую тот скрыть не мог.

В конце разговора Шебаршин с глубоким вздохом сказал: «Да все я понимаю...» Человек системы, много лет проработавший в разведке, он прекрасно понимал, ЧТО ТАКОЕ ПУТЧ и чем они, как правило, кончаются. Знал он и другое, а точнее других, кто всю эту кашу заварил, их реальные возможности и возможности самой системы...

После обеда Степашин вернулся в гостиницу и надел форму. Как сын моряка, он перед боем должен был надеть чистую рубаху.

К вечеру 19 августа ситуация стала усугубляться. Несмотря на заверения Крючкова о мирных намерениях ГКЧП, руководители Верховного Совета готовились к самому худшему. Депутаты, пытавшиеся прорваться в подразделения воинских частей, чтобы склонить военных на свою сторону, были остановлены и отправлены восвояси.

Пришла информация о задержании Тельмана Гдяна и Виталия Уражцева. В Белом доме появились какие-то странные люди с оружием, выполнявшие функции охраны. Это было оправданно, но опасно. Случайный выстрел мог привести к весьма серьезным последствиям.

Вечер и тревожная ночь были полны сумбурных, но в конце концов ставших логичными действий. К полуночи Степашин с группой депутатов выехал на аэродром Чкаловский, куда, по слухам, должна была прибыть Тульская воздушно-десантная дивизия. Но никто не прибыл, да и на поле депутатов не пустили...

Темная Москва с нагромождениями военной техники напоминала кадры из фильмов ужасов. Однако за пределами Садового кольца

все шло своим чередом. Россия к бунту была не готова, да вряд ли его хотела.

И только окна на Старой площади и на Лубянке бросали на асфальт лихорадочные отблески.

Обманом были подготовка и планы штурма. Руководители штурма понимали, что это не реально, но, определив правила игры, они продолжали всерьез обсуждать то, чего сделать было практически невозможно. Невозможно хотя бы потому, что все офицеры силовых структур вот уже четыре года жили в иной стране, существовали в рамках новых принципов. Год назад Верховный Совет СССР принял закон «Об органах государственной безопасности СССР». Для КГБ это был приговор. Профессионалы прошлых лет понимали, что с принятием этого закона и отменой 6-й статьи Конституции СССР, ликвидировавшей диктат партии и ее право на единственно верную точку зрения, специальные службы СССР в прежнем виде — как вооруженный отряд партии — прекратили свое существование. Выполнять в таких условиях приказы, нарушающие Конституцию, мог только самоубийца.

Особенно это было заметно «на земле» — в подразделениях, на которые должны были быть возложены эти задачи.

На рекогносцировку выезжали зам. начальника Московского управления КГБ А. Корсак и командир группы «А» В. Карпухин. Еще на подъезде им стало ясно, что проведение какой-либо операции — безумие. Толпы зевак окружили Белый дом. Женщины, старики, дети...

Вернувшись, В. Карпухин попытался связаться с В. Крючковым. У того шло совещание. Карпухин настаивал. К телефону подошел зам. председателя Г. Агеев. Выслушал молча, коротко бросив: «Доложу ваше мнение».

Столичное управление КГБ СССР было одним из опорных подразделений. Но здесь творилось что-то ирреальное. Ни один из руководителей не был отозван из отпуска. Никто не ставил, вплоть до 20 августа, задачи. Но и 20 августа руководящий состав, собранный в зале коллегии, никаких внятных задач не получил. Возможно, это было связано с тем, что сами гэкачеписты не знали, как решить то, что было задумано.

Руководители не знали, что делать, оперсостав ждал распоряжений, в уме просчитывая варианты развития дальнейших событий, определяя свои позиции. Наиболее мудрые листали Конституцию СССР. Блеснуть знаниями не пришлось. Промучавшись всю ночь в ожидании развязки, не получив приказа и потому не оспорив его с Конституцией в руках, в четыре утра все были отпущены по домам. Было ясно, что ситуация обречена. Обречена потому, что низы не верили верхам, верхи не доверяли низам.

Через пару дней с площади был сметен символ эпохи — памятник Феликсу Дзержинскому. Это был не просто символ эпохи — это был хребет системы, созданной 20 декабря 1917 года. Системы, державшейся на идеях, убеждениях, уверенности в завтрашнем дне.

Три дня изменили страну. И явившиеся на службу в сентябре не узнали конторы.

Но вернемся к началу. Создание ГКЧП в конторе было воспринято по-разному. Кто-то замер, ощутив исходящий от него леденящий холод. Кто-то, напротив, стряхнул оцепенение и начал проявлять признаки активности. Им казалось, что наступают критические дни, способные вернуть все на круги своя. В коридорах слышались скрытые угрозы: «Мы им покажем!» Впрочем, конкретно сказать, кому именно «покажем», никто не мог. Было несколько тенденциозных фигур, раздражавших чекистов. Гдлян, Иванов, Калугин... Те, кто так или иначе своими речами задевали самолюбие чекистов. К Ельцину относились противоречиво. К Горбачеву плохо. Как впоследствии оказалось, основные силы, представлявшие скрытую угрозу, находилось в тени. Даже руководители КГБ не могли с уверенностью и абсолютно точно сказать, сколько скрытых пружин привели в действие мощный разрушительный механизм, всколыхнувший великую державу.

Даже ближайший соратник Б. Ельцина Полторанин впоследствии заявил, что тот, кого олицетворяли с подобными процессами — Борис Ельцин, был всего лишь ножом бульдозера. И не более. За рычагами сидели другие.

Нелепость ситуации для профессионалов стала ясна уже на второй день событий. Вывести войска из казарм и не поставить задачу могли лишь человек, напрочь лишенный воображения, как осуществлять заговоры. С момента первой команды пошел обратный отчет.

Анализируя сейчас те дни, можно выявить несколько плюсов и минусов. Плюсов, используя которые можно было реализовать идеи

ГКЧП, и минусов, которые не позволили это сделать.

Совершенно очевидно, что представители силовых структур были раздражены, унижены, оскорблены тем положением, в котором они оказались с начала перестройки. Привилегированный элитный класс оказался на дне. Армия, МВД и КГБ унижались и подвергались общественному остракизму. Горбачев давно утратил в их лице даже остатки уважения. Слухи о его негативном отношении к органам госбезопасности распространялись стремительно. И в стенах Лубянки это воспринималось с большой тревогой. Впрочем, люди, работающие там, пытались искать причинно-следственные связи и находили их в фигуре Александра Яковлева, который своим отрицательным влиянием инспирировал разные процессы вокруг КГБ. Ни тот ни другой в данной ситуации на снисхождение рассчитывать не могли.

Но не было особого пиетета и в отношении лидеров ГКЧП. Дрожащие руки Янаева на пресс-конференции сказали больше, чем слова.

КГБ, запрограммированный на выполнение четких, внятных приказов, был способен на многое, несмотря на демократические взгляды подавляющего числа сотрудников. Парадоксально, но факт: то, что они могли только писать в инстанции, Ельцин говорил вслух. И потому многие ему симпатизировали. Взгляды взглядами, а дело делом... Тогда было строго. Но в последнее время офицеры обращали внимание не только на сам приказ, но и на тон, которым он отдавался. По нему судили о степени

решительности руководителей, степени возможных последствий. Увы, все чаще в приказах начинало превалировать сослагательное наклонение. От решительного «сделать» до не менее решительного «хорошо бы, но лучше подождать». И ждали. Точнее, выжидали.

Так было и в те дни. Руководство КГБ и МВД решило «начать», но это «начать» не было подкреплено традиционными атрибутами решительных шагов. Никого не отозвали из отпусков, не ввели усиление, не... Таких «не» было множество. И по ним можно было судить о степени осмысления задуманного ГКЧП.

Разосланные шифровки призывали повысить уровень работы, усилить бдительность. Звучали нотки тревоги, говорилось о действиях деструктивных сил, которые были сродни радиации — ни понюхать, ни пощупать было нельзя. Не упоминались и фамилии лидеров этих деструктивных сил. Догадайся, мол, сама.

Но как бы то ни было, обстановка накалялась. Накалялась не внутри, а вовне. Танки на улицах были мощным раздражающим фактором. Но через пару часов возможность их использования была практически сведена к нулю. Окруженные людьми, выразившими свой протест, ни танкисты, ни прочие военнослужащие уже были не способны выполнить приказ, если таковой бы поступил. Тбилисский, а впоследствии и вильнюсский синдром заставлял задуматься о последствиях исполнения приказа.

Лубянка же жила своей жизнью. Не допущенные к святой святых — планам — опера занимались своими делами. И несмотря на про-

исходящее, каждый получил передышку. Кто ремонтировал под окнами КГБ свою машину, кто, прикрываясь срочной встречей, исчезал из конторы до вечера. Никто не нагнетал, фиксируя лишь внешний фон происходящих событий. Как ни парадоксально, в сферу собственно событий было втянуто или вовлечено небольшое количество людей. И даже в критический день 21 августа число так называемых защитников Белого дома не увеличилось, а очередь в Макдональдс не уменьшилась.

То же самое происходило и в другом Белом доме — доме 20 по улице Дзержинского, где располагалось столичное управление КГБ. Шифровки, направленные сверху, были доведены до личного состава, однако ни восторга, ни удивления не вызвали. Они содержали дежурный набор слов, принятый в период дней критических. «Повысить бдительность», «усилить», «углубить»... Руководители подразделений шептались по углам, теряясь в догадках, что будет дальше. Многие сожалели, что их подчиненные не находятся в отпусках и на больничных. Некоторые опера, воспитанные в духе воинской дисциплины и примчавшиеся «по зову сердца», ничего не понимали. Верить «Эху Москвы» не хотелось, верить своим глазам было просто невозможно. Ничего не происходило.

Во всяком случае, 19 августа в зданиях остался ограниченный круг сотрудников. В основном из аналитических структур. Там ломали голову над тем, как внятно, спокойно, но с металлом в голосе изложить ситуацию в стране. Опираясь на шифровки с мест, они готови-

ли обобщенные документы. Но на местах тоже выжидали.

Три дня путча здания на Лубянке вечерами были погружены во мрак — самая лучшая иллюстрация «повышения бдительности».

Начальники управлений звонили, выпытывали и выспрашивали информацию, пытаясь в общей неразберихе определиться в собственной позиции. Ни угрозы, ни увещевания не помогали. Провинция хранила гробовое молчание, прерываемое ничем не значимыми материалами. И все это создавало ощущение затишья перед бурей. В воздухе витала тайна, которая давала возможность противоположной стороне строить не только версии, но активно формировать по своим каналам информационные потоки. Каждый час промедления увеличивал ряды противников ГКЧП.

Происшествие на Садовом кольце поставило жирную точку. То, что гибель трех парней явилась переломом, поняли все и сразу. В Белом доме почувствовали ярость и прилив сил, на Лубянке...

Совещание у Крючкова закончилось под утро.

КГБ ПО РАЗНЫЕ СТОРОНЫ БАРРИКАД

О напряжении тех дней говорят и документы того времени, и свидетельства участников. Из нашего далека многое видится иначе.

Досье

ИСХОДЯЩАЯ ШИФРОТЕЛЕГРАММА № 72752-318

*Председателям КГБ республик
Начальникам Управлений КГБ СССР по краям
и областям*

*Начальникам Управлений Особых отделов
КГБ СССР и особых отделов КГБ СССР по округам,
флотам, объединениям и соединениям центрального подчинения*

Начальникам войск пограничных округов КГБ СССР

Начальникам главных управлений, самостоятельных управлений и отделов КГБ СССР

Командирам соединений и отдельных частей войск КГБ СССР

С получением данной телеграммы органы и войска КГБ СССР перевести в состояние повышенной боевой готовности.

*Председатель КГБ СССР
генерал армии*

В. КРЮЧКОВ

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

*Председателям КГБ республик
Начальникам УКГБ по краям и областям (РСФСР)*

О МЕРАХ ПО УСИЛЕНИЮ КОНТРОЛЯ ЗА ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОПЕРАТИВНОЙ ОБСТАНОВКОЙ

...В соответствии с Законом СССР «Об органах государственной безопасности в СССР» все органы госбезопасности на территории Союза, в том числе и КГБ РСФСР, УКГБ по краям и областям России, подчиняются высшим органам государственной власти республик и КГБ СССР.

С учетом изложенного, органам госбезопасности в нынешней обстановке необходимо принять все исчерпывающие меры по безусловному выполнению решений ГКЧП, обеспечивающие полный контроль за развитием ситуации на местах...

Необходимо обеспечить полное, непрерывное и объективное информирование Комитета госбезопасности по всем аспектам складывающегося положения, прогнозировать вероятный поворот событий и своевременно выходить с обоснованными предложениями.

Исключительно важно сохранить единство и сплоченность чекистских коллективов, объединенных общностью задач и интересов, действовать с пониманием своей высокой ответственности перед народом.

Председатель Комитета

В. КРЮЧКОВ

Одновременно с этим руководители двух силовых ведомств России В. Баранников и

В. Иваненко отправляют в подразделения МВД и КГБ шифротелеграммы по каналам МВД РСФСР. Отправить ее через УПС (Управление правительственной связи КГБ) не удалось бы. Его начальник был в рядах ГКЧП.

ТЕЛЕГРАММА

*Председателям комитетов госбезопасности республик РСФСР
Начальникам управлений КГБ СССР
по краям и областям РСФСР
Министрам внутренних дел республик,
входящих в РСФСР
Начальникам ГУВД, УВД краев и областей,
УВДТ (ОВДТ), Улиту
Учебных заведений МВД РСФСР*

В связи с событиями, произошедшими в ночь с 18 на 19 августа 1991 года, Президент РСФСР, председатель совета министров РСФСР и и.о. председателя Верховного Совета РСФСР обратились к гражданам РСФСР со следующим сообщением.

Обращение к гражданам России

В ночь с 18 на 19 августа 1991 года отстранен от власти законный Президент СССР

В этот критический для нашего общества момент все сотрудники органов госбезопасности и внутренних дел России должны проявить выдержку, благоразумие, способность трезво оценивать политическую ситуацию в стране, всемерно содействовать законно избранной народом власти в предотвращении использования военной силы и возможного кровопролития. Уверены, что

сотрудники органов КГБ и МВД РСФСР решительно откажутся от участия в антиконституционном перевороте.

С настоящей телеграммой ознакомить весь личный состав.

*Председатель Комитета
государственной безопасности РСФСР
генерал-майор*

В. ИВАНЕНКО

*Министр
(Вопрос отправки согласован с министром*

В. БАРАННИКОВ

Подпись председателя КГБ РСФСР имеется. 19.08.91 г. Ерин)

Кое-где эта шифровка так и осталась в сейфах начальников управлений, поддержавших ГКЧП. Тем не менее призыв к спокойствию лег на благодатную почву. Территориальные органы выжидали, внимательно прислушиваясь и приглядываясь к Москве.

«ВЕРХИ не могли, НИЗЫ не хотели»

Рассказывают руководители спецподразделения КГБ — группы «Альфа» Головатый М. В. и Гончаров С. А.

19 числа в районе 17.30 (выделено авт.— А. М.) был отдан приказ о подготовке мероприятий по захвату Дома Советов.

Задача: штурмовать Белый дом, проникнуть вовнутрь... Нам было заявлено, что это приказ правительства... Розданы боеприпасы и все оружие...

Хотя защитники были полностью готовы к отпору, они не могли противостоять профессионалам. Задачу мы выполнили бы за двадцать—

двадцать пять минут. От силы через полчаса здание можно было взять...

Мы знали, что если бы имевшиеся у защитников танки открыли по нам огонь, то большая часть наших сотрудников перестала бы существовать. Но остальная часть все равно бы задачу выполнила. Мы знали, где находится Б. Н. Ельцин, знали поэтажное расположение. Знали даже тех людей, которые противостояли нам из личной охраны президента.

Мы не выполнили приказ. В нашем подразделении такого еще не было за все время его существования... Каждый делал для себя тяжелый, сложный выбор.

Мы понимали, если путч удастся, то мы в лучшем случае уйдем без пенсии на все четыре стороны. Худший вариант мы для себя тоже рассматривали.

...Начало боевых действий, штурм здания привели бы, мягко говоря, к страшному кровопролитию. Это было бы море крови...

Я считаю, что весь наш личный состав уберег страну от гражданской войны. Как только мы бы «заштурмовали» и закончили этот штурм здания, в стране началась бы гражданская война.

Большая часть комитета, если не основная часть, была на нашей стороне, а не на стороне путчистов... Шесть лет перестройки и на нас наложили огромный отпечаток...

Сейчас наше подразделение представляют как пугало. Группа «Альфа» действительно может сделать все. Мы освобождали детей, заложников в самолете, обезвреживали преступников со взрывными устройствами. А говорят о нас в последнее время только негативное.

«Альфа» доказала, что здесь сотрудники грамотные, думающие, а главное, так же болеют за судьбу страны, как и все остальные, будь то военнослужащий, токарь, пекарь...

Мы такие же люди, и мы представляли, на что нас толкают.

ОТЧЕТ

*О мероприятиях, проведенных
оперативным отделом управления
государственной службы общественной
безопасности в период социальной
нестабильности 19—22 августа 1991 года*

19 августа в 7.00 оперативным дежурным была получена информация об образовании ГКЧП и введении в Москве чрезвычайного положения. Личный состав оперативного отдела был оповещен и, согласно моему приказу, перешел в состояние повышенной боевой готовности.

...Штабом разрабатывался план обороны Дома Советов силами общественности. Вся работа Штаба по организации обороны Дома Советов проводилась во взаимодействии с представителями Штаба Обороны генерал-полковником Кобецом, полковником Кадыровым и полковником Зайцевым.

Штабом координировалась работа по сооружению баррикад на подъездах к Дому Советов.

Во взаимодействии с начальником Службы безопасности и охраны Дома Советов полковником Бойко И. Я. представителями Штаба велась работа по формированию и закреплению за конкретными участками местности отрядов (сотен) самообороны.

В целях получения точной информации о передвижении военной техники на Калининском и Кутузовском проспектах, Садовом кольце, площади Восстания, ул. Красная Пресня, Хорошевском шоссе и Краснопресненской набережной были выставлены посты наблюдения. С помощью УКВ-радиостанций районного отдела Комитета государственной безопасности была установлена устойчивая радиосвязь.

Была установлена проводная телефонная связь со Штабом обороны Дома Советов, генерал-полковником Кобецом и с пикетами, находившимися по периметру обороны Дома Советов.

С помощью УКВ-радиостанций райотдела КГБ была установлена устойчивая радиосвязь с дежурными частями служб безопасности и охраны Дома Советов и с радиотрансляционным узлом Дома Советов России.

С помощью 105-Х и 109-Х КВ радиостанций Штаба гражданской обороны Краснопресненского района Штабом велся постоянный радиоперехват...

Основной задачей, которую решал оперативный отдел ГСОБ с районным отделом Государственной безопасности, была задача не допустить кровопролития. В связи с этим через районный отдел Комитета государственной безопасности доводилась информация до ГКЧП о большом скоплении людей и о решительном настрое защитников Дома Советов России. До ГКЧП постоянно доводилась информация о том, что любая попытка захвата Дома Советов неизбежно приведет к массовым жертвам, которые никогда не будут оправданы ни людьми, ни историей.

КОМИССИЯ

Даже тот, кто никогда не был в доме 1/3 на Лубянке — штаб-квартире КГБ, — наверняка заметил бы, что что-то здесь не так. Во всяком случае, не так, как представлялось. Коридоры опустели, а редкие встречные шарахались друг от друга или опускали глаза. Было стыдно за все.

И за нелепую суету с 19 по 21 августа. И за непоследовательность вождей. И за наивную веру в Горбачева.

И за его фактический сговор с Ельциным. То, что это был тройной заговор, в коридорах говорили в открытую. Да и как иначе? Зная осторожность Крючкова, можно было предположить, что шеф Лубянки не сделал бы ничего без высочайшей воли Генсека. А тот одним махом, без усилий избавился от всех негодных людей и одиозных личностей в своем окружении. Правда, маска мученика его не спасла. И через несколько недель, празднуя победу, в его кабинете уже пили виски президент России Б. Ельцин, госсекретарь РФ Г. Бурбулис и начальник охраны президента А. Коржаков.

Было стыдно и за свою беспомощность. И за снесенный толпой хулиганов памятник Дзержинскому. Памятник только условно олицетворялся с образом железного рыцаря революции. Он был просто символом стойкости и мужества людей, которые ни при каких обстоятельствах не теряют холодной головы и горячего сердца. И все! Стоящий в центре площади пустой, изгаженный постамент был символом иного... Символом горячих голов и холодных сердец людей нового времени. Даже в варварские времена цивилизованные народы не позволяли себе такого. Невольно вспоминались кадры той трагической хроники — беснующаяся толпа вандалов и черные окна здания за спиной Феликса. Никто не пришел ему на помощь... Правда, через месяц на площади остановилось несколько автобусов. Курсанты-пограничники и молодые слушатели Высшей школы КГБ стали тряпками и ацетоном смывать позор своих старших товарищей, приводя инвалид-памятник в приличное состояние. Закончив работу, они начертали: «Феликс, прости». Прохожие недоумевали, восхищаясь мужеством молодых юнкеров. Милиция отводила глаза, а чекисты...

Настоящие опера, несмотря на строгие запреты демократов уничтожать архивы, вывозили тома дел в лес и жгли, жгли, жгли. Они знали, что ждет их, если это вскроется. Но иного пути не было. Важно было не допустить, чтобы кто-то копался в делах агентуры, разработках и материалах деликатного свойства. Это был их последний долг перед ушедшей эпохой.

Газеты просто рвали и метали... Журналисты, еще вчера лояльные системе, словно слетели с резьбы. Они прозрели! Все беды страны сегодня были связаны с деятельностью конторы. Ей припомнили все. И массовые репрессии, и гонения на диссидентов, и «холодную войну». Если вчера в эпоху борьбы с экономическим саботажем на них смотрели как на спасителей общества, то ныне... Никто, оказывается, не ждал от чекистов спасения. Не было, оказывается, никакой угрозы обществу, а напротив, все было прекрасно, как в песне о прекрасной маркизе.

А герои, противостоящие мифическому штурму Белого дома, стали сами о себе слагать легенды. Их легионы множились и крепли. В стройные ряды реальных бойцов за свободу втискивались жаждущие славы личности, независимо от вероисповедания, пола и расы. И политические воззрения не имели значения.

Партийные билеты сжигались сотнями. А вместе с ними маски и белые одежды бывших партвождей. Они старались перехватить инициативу у возбужденной экзальтированной толпы, зная, что имеют дело с политдилетантами. Примазавшиеся к «славе» военачальники разных уровней плюнули на своих подчиненных в ожидании новых кабинетов на Арбате, новых звезд, новых должностей...

21 августа на Лубянке все изменилось. Все дало трещину.

Рухнуло то, что цементировало всю систему. В мгновение ока исчез направляющий и мобилизующий орган — КПСС. Исчез легко, без мучений. Помощник мэра Москвы Г. Попова

Евгений Савостьянов по местному радио в ЦК КПСС объявил о том, что КПСС прекратила свое существование и необходимо до 16 часов освободить помещения. «И они побежали», — вспоминал впоследствии Савостьянов.

В столичном управлении КГБ партком распустился за несколько минут. Надо было отгонять машины от здания, куда направлялась беснующаяся толпа.

Впрочем, рядовые сотрудники этого и не заметили. Опустили кабинеты политпросветработы. Исчезла паркомиссия — карающий орган партии. Ушли в прошлое партсобрания, персональные дела и дневники партгруппоргов. Учетные карточки членов КПСС были розданы на руки самим членам.

Изменился даже воздух. Он наполнился тревогой и смутным ожиданием. А ожидание порождало неуверенность, неуверенность требовала выхода. Выход был один — сороковой гастроном. Гонцы с разных концов Лубянки опустошали полки магазина, специфически позванивая посудой, мчались назад через Фуркасовский переулок. Туалеты блистали кристальной пустотой бутылок с яркими наклейками. Здесь было все — от примитивного «Жигулевского» до виски с черным лейблом из старых запасов. Глаза подернулись поволокой.

В кабинетах щелкали фишки домино — игры сантехников и таксистов. Шахматы пылились на шкафах. Глядя на это, один генерал сказал: «КГБ кончается тогда, когда опера перестают играть в шахматы!»

Прежняя демократичная по сравнению с другими военизированными структурами об-

становка стала еще более демократичной. Кабинеты начальников были приоткрыты. Они стали доступнее, а строгие секретарши испуганней вздрагивали от звука открываемой двери.

Смолкли телефоны, на редкие звонки мало кто отвечал.

Ожидались большие перемены.

И это почувствовали практически все. Привычный размеренный ритм был сбит. Время остановилось. На смену уверенности в завтрашнем дне пришла тревожная неопределенность. Впервые Лубянка испытала такой удар. Впервые за тридцать лет — после XX съезда партии.

Наиболее ортодоксальные сотрудники достали бумагу и написали рапорты о своем увольнении. Первая строчка была незаполненной. Председателя КГБ уже не было, нового еще не назначили. И в этом была своя интрига. Кто придет? Хватит ли у Горбачева мужества и государственного прагматизма, чтобы не рушить иммунную систему страны? Встанет ли вместо Крючкова во главе системы человек уважаемый и профессиональный? Хватит ли у самой системы мужества, чтобы не отступить от своих принципов?

Наверное, не хватило. Стоило Крючкову оказаться в «Матросской тишине», как коллеги — те самые люди, которые если не впрямую, то косвенно точно, поддерживали все начинания бывшего председателя — выступили с письмом, осуждающим действия бывшего главы системы.

Но и это не помогло. Несколько членов коллегии КГБ, в том числе временно (сутки)

исполнявший обязанности председателя КГБ Грушко, инициатор покаянного письма, оказались в соседних камерах того же СИЗО.

Назначение Леонида Шебаршина чекисты встретили с молчаливым одобрением. Профессионал, интеллеktуал. Человек интеллигентный и осторожный. Но и. о. есть и. о. Какие у него полномочия, какие перспективы?

Оказалось — никаких. На смену ему, под обреченный вздох колеблющихся, в стены КГБ ввалился Вадим Бакатин. Растаяли последние надежды, и первая строчка рапорта об увольнении обрела своего адресата.

Когда Бакатин прибыл на Лубянку во время безвластия, единственный, кто его встретил, был комендант здания, четко отдавший рапорт: «...происшествий нет (!). Исполняющий обязанности председателя КГБ капитан ...».

Как говорится, «пост сдал — пост принял».

К счастью для системы, расследование участия руководства КГБ в событиях августа 1991 года было поручено людям другим.

Председателем этой комиссии указами Горбачева и Ельцина был назначен Сергей Степашин. Это было логично, так как он являлся председателем Комитета по обороне и безопасности Верховного Совета РСФСР. В комиссию также вошли действующий председатель КГБ РСФСР В. Иваненко, заместитель Бакатина А. Олейников, депутаты Ю. Рыжов, К. Лубенченко, Б. Большаков, А. Котенков, Н. Кузнецов.

Напутствуя Степашина, президент России Борис Ельцин говорил о необходимости объективного рассмотрения всех обстоятельств слу-

чившегося и предупреждал о недопустимости развала КГБ, разгона его сотрудников.

Удивительно, но это было именно так. Человек, с именем которого олицетворяются все самые драматические события в российских спецслужбах, говорил именно об этом. «Нельзя допустить, чтобы пострадали невинные офицеры, нельзя допустить, чтобы мы потеряли самую сильную спецслужбу в мире!» Что это? Истинная убежденность или противопоставление своей позиции точке зрения Горбачева, который, скорее всего под давлением А. Яковлева и под влиянием позиции США, требовал от Бакатина демонтажа российских спецслужб?

Трудно сказать. Потом было всякое... Но тогда ход работы комиссии Ельцин держал под своим контролем. И это, как ни странно, ощутили чекисты.

Комиссия работала плотно, по возможности гласно, нередко отступая от общепринятых в таких случаях мер.

Здесь уместно отметить повышенную активность созданного накануне ЦОС КГБ РСФСР, сотрудники которого (в большинстве далекие от работы PR-служб) словно сорвались с цепи. Они сдавали направо и налево все, что им становилось известно как о самой работе комиссии, так вокруг нее. К сожалению, и Виктор Иваненко не всегда проявлял должную рассудительность. Он поощрял действия своих подчиненных, не задумываясь о последствиях.

Сначала в коридорах Верховного Совета, а затем и в газете «Московские новости» были распространены полные тексты шифротелеграмм, которые рассылались КГБ в терри-

альные органы. Для людей непосвященных в этом не было ничего существенного, но профессионалы хватались за голову — это было вопиющим фактом. Полный текст давал возможность при известных обстоятельствах взломать шифры, которые охранялись как зеница ока. Но общий психоз самобичевания застил глаза. Некоторые нечистоплотные сотрудники спешили вывалить на страницы газет, экраны телевизоров то, что не подлежало оглашению, стремясь за столбить за собой нишу под сводами КГБ.

Некоторые откровения, опубликованные ими, были сродни стриптизу — с той лишь разницей, что одежды срывались сразу, обнажая непривлекательную душу самих доносчиков. Доносчика век недолог. Тем более в такой системе. Не прошло и двух месяцев, как они исчезли и с политического, и с оперативного небосклона.

Ельцин спешил перехватить инициативу у Горбачева и потому форсировал создание собственной спецслужбы. Первоначальный ее проект был прост и до крайности примитивен. 25 офицеров КГБ России должны были осуществлять координацию взаимодействия КГБ СССР и Верховного Совета РСФСР. Идея принадлежала Ельцину и в значительной степени была оправданна. Россия была единственной республикой, не имеющей своей собственной спецслужбы.

Август дал толчок к существенному разрастанию КГБ России, повышению его роли. Поспешность, с какой это делалось, губило идею на корню. И здесь был ряд причин. Первая зак-

лючалась в том, что наиболее профессиональная часть офицеров КГБ в той или иной степени была все-таки причастна к событиям августа. Безусловно, шансов, да и желания работать в республиканском органе у них было мало. Вторая причина была более прозаическая. Серость, у которой в нормальных условиях не было реальной возможности продвинуться по службе, увидела свой шанс. Кое-кто в неразберихе и суете его использовал по полной программе.

В приемной председателя КГБ России Виктора Иваненко толпились потенциальные начальники управлений и отделов стремительно расширяющегося ведомства. До августа желающих работать в республиканском органе, как мы уже отмечали, было немного. На памяти всех была история с созданием КПРФ во главе с В. Полозковым. Кроме того, прагматичные чекисты понимали, что работать под руководством Ельцина, с одной стороны, не мед, с другой... Фигура Ельцина в стенах КГБ имела негативный оттенок. Войти в его команду значило попасть под колпак своих же коллег. Но кое-кого перспектива работать там привлекала. Привлекали должности, которых получить в КГБ СССР было невозможно. Особенно стремились туда люди серые и неоплодотворенные интеллектом. Отсутствие интеллекта дополнялось отсутствием корректности, а потому люди без комплексов шли напролом. Как в «Республике ШКИД»: «выбирайте меня, кореш, я вас не обижу».

Впрочем, справедливости ради надо заметить, что КГБ России и персонально его председатель Виктор Иваненко сделали очень мно-

го в тот период для сохранения системы российских спецслужб, исключения какой-либо люстрации ее сотрудников. Уже на второй день после августовских событий Иваненко и Степашин публично заявили, что 90 процентов управлений КГБ СССР не поддержали идею ГКЧП. Что они с пониманием отнеслись к телеграмме, которую послал председатель КГБ РСФСР с призывом проявить стойкость и не поддаваться на нелепую провокацию лидеров ГКЧП.

Сегодня по-разному можно относиться к этому заявлению, спорить о реальности этой цифры, тем более что уже после всех событий сотрудники ряда управлений, в том числе офицеры Челябинского УФСБ, выступили с открытыми письмами, осуждающими позицию коллегии КГБ СССР, сделавшей заявление в отношении Крючкова.

Но в той воспаленной атмосфере, когда кипит разум возмущенный (а кипение, как известно, признак высокой температуры), это заявление было просто необходимо. И Иваненко, и Степашин находились как бы по «эту» сторону баррикад вместе с КГБ РСФСР, имели определенное влияние на политиков, депутатов и общественных деятелей. С этой цифрой — 90 процентов — они вышли и на Ельцина, и на Горбачева, и она была обнародована. Это дало основание говорить о том, что офицеры органов госбезопасности, тем более после принятия Закона об органах госбезопасности СССР, строго следуют букве закона и Конституции. Это легло на душу президенту России.

Не менее важным для КГБ РСФСР было использовать все возможное, чтобы сохранить агентуру.

Для Иваненко это было аксиомой, Степашину пришлось осмысливать это буквально с колес. Как председатель комиссии он знакомился со всеми материалами КГБ, в том числе и в отношении высших должностных лиц. Читал он и сводки телефонных разговоров кандидата в члены Политбюро, а затем президента России. Не укладывалось в голове, что такое возможно в правовом государстве. И даже если мы не могли СССР отнести к таковому, то формально было все необходимое, чтобы этого не допускать. Был Закон об органах госбезопасности, пришедший на смену совершенно секретному Положению о КГБ от 1964 года. И в новом законе, и в старом положении, не говоря уже о множестве ведомственных нормативных актов, это было категорически запрещено. И снова нельзя поверить, что это делал Крючков без ведома Горбачева, Генсека и президента. Слушали всех! И Яковлева, и Шеварднадзе, и Назарбаева, и многих других...

На полях некоторых документов содержались пометки, многие из которых представлялись Степашину любопытными... Прочитав очередную сводку, он запечатывал пакет собственной печатью и передавал дежурному офицеру для возвращения в мощные сейфы самых глубоких подвалов Лубянки. С некоторыми материалами знакомился Борис Ельцин.

Это была серьезная пища для размышлений и о лидерах страны, и об обществе, и о процессах, которыми движут не всегда светлые силы.

Но было и другое. Выкристаллизовывалось то, что впоследствии воплотилось в новых законах. Впрочем, об этом ниже.

Сам Иваненко, опиравшийся после переподчинения ему всех структур на профессионалов КГБ СССР, оценить это не успел. Возглавляемое им Агентство федеральной безопасности просуществовало чуть больше месяца — до 19 декабря 1991 года. Оно, как и Межреспубликанская служба безопасности СССР, кануло в Лету.

На Лубянке изменилось многое.

То и дело к зданию подъезжали автомашины, из которых выгружалась видеоаппаратура, и холл освещался мертвенным светом мощных софитов.

Кабинет (бывший кабинет первого заместителя КГБ СССР В. Грушко) был штаб-квартирой комиссии. Штабом в прямом смысле слова. Дым валил клубами. В приемной громоздились горы посуды из-под кофе, которое потреблялось в немыслимых количествах. Атмосфера, наполнявшая его, была необычной для Лубянки. Какая-то смесь подготовки к КВНу и сражению под Ватерлоо. Сам председатель задавал тон. В нем не было чопорности и присущего КГБ холодка. Степашин передвигался по кабинету с костылем, согнув в колене одетую в носок пострадавшую ногу.

Вызванные на заседание комиссии генералы КГБ неожиданно обнаруживали в нем человека искреннего и непредвзятого.

Первым, с кем встретился Степашин как председатель комиссии, был Виктор Карпунин — командир группы «А» Седьмого управ-

ления КГБ СССР («Альфа», как называли эту группу чекисты). Герой Советского Союза, заслуженный генерал, один из немногих в системе заслуживший это звание потом и кровью в буквальном смысле слова.

Неформальным контактам Степашин всегда придавал самое серьезное значение. До того как общаться через зеленое сукно, важно было понять самих людей, мотивацию их поступков, да и просто познакомиться. Через его кабинет еще до заседания комиссии прошли все руководители ведомств, так или иначе связанные с событиями августа, в том числе Павел Грачев — лучший, по мнению Бориса Ельцина, полководец всех времен и народов (Нельсон, Кутузов, не говоря о Жукове, в расчет не принимались). Причина той встречи была проста. Еще 4 августа Грачев как командующий Воздушно-десантными войсками принимал участие в совещании на даче КГБ «АВС», где решался вопрос о создании ГКЧП.

Из всех руководителей именно Карпухин больше всего поразил Степашина. Невысокий, коренастый, с жестким волевым взглядом, он глаз не отводил, не оправдывался и не прятался за строку устава.

Как впоследствии вспоминал Степашин, еще находясь там, на четвертом этаже Белого дома, в кабинете Геннадия Бурбулиса, откуда Виктор Иваненко вел переговоры с заместителем председателя КГБ Л. Шебаршиным, он буквально чувствовал взгляд этого человека, который, может быть, находился за много километров от места событий. Как военный, Сте-

пашин понимал: случись что — первыми, кого расстреляют, будут военные в форме (а он, несмотря на гипс и костыли, был именно в ней), пытавшиеся организовать хоть какую-то защиту символа свободы. Впрочем, как военный Степашин понимал и другое — если будет приказ, то никакие баррикады и живые кольца не спасут дом. (Впоследствии, ровно через два года, так и случилось. Возможно, что, отдавая в октябре 1993 года приказ о штурме российского парламента, Ельцин вспоминал август 91-го, понимая, что против лома нет приема, а энтузиазм масс — лишь фон, который может измениться после первого выстрела над головами.)

Эту встречу Степашин провел без членов комиссии. Ему хотелось познакомиться с генералом, о котором он много слышал и читал. Наверное, Карпухин испытывал в тот момент иные чувства. Но как бы то ни было, состоялась встреча двух офицеров, которые могли говорить без экивоков. «Он, наверное, пришел увидеть врага, — рассказывал Степашин, — но я, похоже, огорошил его уже первыми фразами. «У меня нет к вам вопросов, Владимир Федорович. Наверное, будет один вопрос, не для протокола: а что не штурманули? Вы бы нас за пять минут разметали»... На что тот ответил прямо по-солдатски: «Во-первых, не было приказа, а во-вторых, не было желания. Нас многому Афган научил».

Степашин сразу предложил ему остаться. Он понимал, что такими людьми нельзя бросаться, тем более сейчас. Карпухин сказал, что подумает...

Впоследствии Степашин не раз возвращался к личности Карпухина. Уже будучи начальником Ленинградского управления, он на просьбу Анатолия Собчака подобрать ему сильного волевого человека для курирования силовых структур северной столицы рекомендовал именно Карпухина, который, по его мнению, был эталоном офицерской порядочности и человеческого мужества.

Тогда не сложилось... Вторично к идее привлечения Карпухина в политику Степашин вернулся через несколько лет. Именно такой человек, по мнению Степашина, мог войти в команду вице-преьера правительства России Валентины Матвиенко, которая заявила о желании баллотироваться на выборах губернатора Санкт-Петербурга. Карпухин дал согласие. Но теперь не сложилось у Матвиенко.

Но это позже, а тогда важно было разобраться в ситуации. Перед членами комиссии прошли все руководители КГБ СССР. Безусловно, что первый контакт вызывал у них крайне противоречивые чувства. Кому-то, наверное, казалось, что вот сейчас на него надедут наручники и препроводят в свой же следственный изолятор «Лефортово». Но разговор шел в нормальных тонах, без экзальтации и угроз.

Более того, через неделю после начала работы комиссии по инициативе Степашина в КГБ было проведено совещание руководящего состава, на котором присутствовали и бывшие, и еще не назначенные руководители управлений. На совещании, естественно, были и В. Иванов и В. Бакатин. О чем в тот день говорил

Степашин? Он говорил о том, что в последующем повторял не раз. Органы госбезопасности были, есть и будут. Новая российская власть не допустит ни желаемых некоторыми люстраций, ни разгона, ни предвзятого отношения к офицерам КГБ.

Это было первое совещание после августа, на котором обсуждались уже практические задачи КГБ.

И Иваненко, и Степашин понимали, что нарастающие процессы требуют не просто приведения в чувство растерянных людей, но и мобилизации их на работу. А для этого надо было восстановить психологическую устойчивость личного состава. Все предпосылки для этого были.

В самый критический период многие подразделения работали в экстремальном режиме, выполняя свои ПРЯМЫЕ обязанности. Пока Москва жила тревогами и ожиданиями, сотрудники Управления по борьбе с организованной преступностью вместе с коллегами пяти республиканских КГБ блестяще завершили операцию «Карусель», осуществив контролируемую поставку около тонны героина, который был изъят на наших западных границах. Тысячи людей были задействованы для пресечения контрабанды. Стройная и жесткая система сработала отлично. И героин был изъят, и вся цепочка курьеров и посредников выявлена. Система! И такую систему рушить?!

И Иваненко, и Степашин понимали и другое. Три роковых дня дали мощный импульс для работы западных резидентур, которые уже не таились, не скрывали своих планов, а ис-

кренне злорадствовали по поводу грянувших перемен в КГБ. Западные эксперты предлагали свои услуги политическому руководству России, резидентура США, разгромленная Вторым главком КГБ СССР в середине восьмидесятых, расправила плечи.

В Москву прибыл Владимир Буковский, который встретился с Вадимом Бакатиным. Как надо было унизиться, чтобы руководителю спецслужбы СССР выслушивать советы бывшего «террориста»? Снова на горизонте появилась фигура Олега Калугина. Этот-то знал, как сводить счеты со своим бывшим руководством. Всерьез поговаривали о том, что он может вернуться в строй... Тогда держись контора!

Совещания совещаниями, но официальная точка зрения, пусть даже высказанная председателем комиссии Степашиным, энтузиазма не прибавила. В стране, да и в конторе перестали верить официальным заявлениям. Как правило, все они оказывались ложными. Случалось с точностью до наоборот. Говорят, не будет повышения цен — ан нет! Говорят, что не будет обмена денег — держи карман шире. Говорят, не будет дождя — бери зонт.

Самым надежным флюгером были слухи. К ним прислушивались, их анализировали. Гонцы из разных управлений под разными предлогами заглядывали в приемную Степашина, который к тому же и жил в комнате отдыха своего кабинета. Офицеры приемной охотно, но санкционированно, делились всей информацией. Впрочем, и секретов-то никаких особых не было. И так все знали об участии или неучастии тех или иных лиц в событи-

ях. А потому и предугадать их судьбу было несложно. Всех волновало другое — что будет с КГБ? Из приемной Степашина опера уходили с затеплившейся искрой надежды — контора выживет.

Ночуя в здании на Лубянке, Степашин там же обедал и, естественно, ужинал. Подавали ему официантки, которые пережили многих руководителей. Естественно, что, общаясь с ними, председатель комиссии постигал и иную, теневую для большинства жизнь КГБ. И в этих разговорах он частенько «проговаривался», делясь то планами, то намерениями. Он знал, что сарафанное радио — самое надежное для распространения информации. И она уходила, передаваясь из уст в уста...

У председателя комиссии сложились рабочие отношения с помощником В. Крючкова Сергеем Дьяковым — доктором наук, профессором, который помог Степашину разобраться в отдельных деталях; с начальником инспекции Игорем Межаковым, знающим ситуацию на местах.

Комиссии важно было разобраться не только в том, кто виноват, но и почему это случилось. Почему система, верой и правдой служившая государству (а точнее, ее направляющему органу — КПСС), оказалась по другую сторону баррикад.

Во время работы комиссии из здания были удалены все посторонние, в первую очередь журналисты. Корреспондент газеты «Московские новости» Евгения Альбац взвизгнула и обмякла, навсегда затаив обиду и на Степашина, и на Лубянку, и на многих с ними связан-

ных. Впрочем, свою шепотку славы она получила, собрав не без помощи отдельных «чекистов» досье на многое и многих в тот период.

Оцепенение, а точнее, паралич, охвативший КГБ, требовал решительных действий. Постановление комиссии необходимо было подготовить быстро и объективно. Кому-то это не нравилось. Не нравилось и Бакатину, который неожиданно осознал, что инициатива уходит из его рук. Принятое решение может осложнить его работу. Он несколько раз звонил Ельцину, вопия, что Степашин разваливает КГБ. Тот молчал. И, передавая суть беседы с Вадимом Викторовичем, вновь напутствовал Степашина — сделать все, чтобы сохранить кадры, не допустить демонтажа системы.

Вскоре указом Ельцина все оперативные подразделения были переподчинены КГБ России. Несмотря на спешку, кое-кто из профессионалов там уже работал. Кое-кто.

Докладывая президенту России о ходе работы комиссии, Степашин и Иваненко ставили, пожалуй, самый главный вопрос для спецслужб — ничего из архивов, способное нанести урон личности, обществу и государству, не должно уйти. Ельцин с этим согласился. Он понимал, что если сегодня мы сдадим агентуру, то спецслужбы, как таковой, в России не будет.

Именно Иваненко и Степашин как председатель комиссии исключили разграбление архивов Лубянки, доступ к ним людей нечистоплотных, все идеи и помыслы которых были связаны со стремлением использовать материалы архивов в политических целях.

Не менее важным было провести и структурные изменения. Это было спасением. Выведенная из состава КГБ Служба внешней разведки зажила своей жизнью. Ее менее всего коснулись потрясения, обрушившиеся на Лубянку. Назначенный руководителем СВР академик Е. Примаков сделал все, чтобы вывести разведку из-под удара, максимально убрать ее от посторонних глаз.

Такую же точку зрения на роль и место разведки разделял и Леонид Шебаршин — ее прежний шеф. Но отношения с Бакатиным не сложились. Без согласия начальника разведки ему приказом Бакатина был назначен заместитель. Беспардонность, с какой это было сделано, требовала объяснений.

Трудно предположить, о чем и в каких тонах говорили Шебаршин с Бакатиным по данному вопросу, но уже на третий день царствования Вадима Викторовича Шебаршин ушел в отставку.

В своей книге «Избавление от КГБ» Бакатин это описывает так.

«Почему ушел Шебаршин? Шебаршин ушел потому, что, будучи умным человеком, захотел уйти. Но заодно проверить, сможет ли мне диктовать. Хотя заранее догадывался, что не сможет. И зная, чем это кончится, хотел разыграть маленькую сцену: кто начальник разведки и почему без его ведома ему назначают заместителей. Я не обязательно должен спрашивать, кого и куда назначать. Разведке свойственна корпоративность. Чужих она не любит. Это мне понятно. Но я специально назначил туда человека со стороны. Честного человека.

Шебаршин должен был это понять, если хотел остаться, а он попробовал сделать маленький демарш... Плохо или хорошо, но я никогда не останавливался перед теми, кто устраивает демарши. Не могу работать? Не можешь — не работай. И без обид». Но Шебаршин не обижался... по известной пословице.

Степашин искренне переживал это. Как председатель комиссии пытался говорить с Бакатиным, но нарвался на традиционно грубое: «Надо не рассуждать, а выполнять приказы!» Доложил Ельцину. Но реакция была вялая... Потеря таких профессионалов в своей области, как Карпухин, Шебаршин, Титов и другие, могла горько аукнуться системе. Но тогда мало кто думал о последствиях.

Степашин вместе с коллегами по комиссии искал корни проблемы, причины, по которым спецслужба вышла из-под контроля. 23 октября на стол Ельцина и Горбачева легли результаты расследования и предложения по совершенствованию деятельности органов госбезопасности.

Документы Степашин докладывал лично.

Ельцин за прошедшие полтора месяца после событий несколько обмяк и расслабился. Эйфория утомила душу и надорвала сердце. Надо было двигаться дальше... Для него было все ясно. Он был в курсе всех материалов, изложенных эпистолярным жанром. Контакты и со Степашиним, и с другими членами комиссии были постоянными, а следовательно, постоянной была подпитка информацией.

Сегодня перед ним стояла проблема укрепления самой России. Развал СССР, дробление

его на множество независимых государств были очевидны. И с этим надо было смириться. Важно было ничего не потерять при разделе имущества и, самое главное, не превратить суверенизацию России в свару развода с нелюбимой женой.

Прочитав документы, Ельцин снова подчеркнул необходимость укрепления российских органов безопасности, прозрачно намекнув, что сегодня им предстоят напряженные дни.

Горбачев, читая материалы, не скрывал досады. Он свято и наивно верил в нерушимость СССР, а потому даже не допускал мысли о возможности его развала. Его больше всего задевало «предательство» людей, которым он верил. А может, он хотел верить в это предательство, перекладывая вину за все происшедшее на своих бывших соратников. Еще тогда, во время частных бесед с руководителями КГБ и других ведомств, Степашин ловил себя на мысли, что они что-то недоговаривают. Наивно было думать, что старый служака и честный воин Дмитрий Язов был способен на измену. Разве мог «тихий старичок с жестким взглядом» — как его назвал в своей книге Борис Ельцин — Владимир Крючков проявить столь странную инициативу без высочайшего повеления. Этого не мог понять Степашин, не могли понять и другие члены комиссии. То, что ситуация была обречена, ни у кого сомнений не вызывало. Но почему тогда так смело стали действовать «заговорщики»? Значит, в колоде было не четыре туза, а минимум шесть... И истина находится где-то посередине.

не. Между недомолвками генералов и досадой самого Горбачева.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Государственной комиссии СССР о роли органов государственной безопасности в антиконституционном перевороте

Изучение деятельности Комитета государственной безопасности Союза ССР и его правового положения показало, что КГБ СССР как союзно-республиканский комитет под предлогом наиболее эффективного обеспечения государственной безопасности был основан на принципе сверхцентрализации и превращен в структуру, фактически обеспечивающую контроль всех сторон жизни общества. При отсутствии законодательного и общественного контроля в КГБ СССР сосредоточилась в одних руках огромная политическая и военная сила, создавалась возможность для влияния на высшие органы власти и управления Союза ССР и республик. Не выполнил своих конституционных обязанностей Верховный Совет СССР, поскольку не были разработаны необходимые нормативные акты и не был обеспечен контроль за деятельностью КГБ СССР. За работой органов госбезопасности не осуществлялся и действенный прокурорский надзор со стороны Прокуратуры СССР. Все это в конечном итоге привело к тому, что КГБ СССР стал самостоятельной политической силой с собственными интересами и объективно превратился в надгосударственный институт.

В течение длительного времени органы и войска государственной безопасности работали под непосредственным руководством и контролем Центрального Комитета КПСС. С принятием Закона об органах государственной безопасности в СССР это руководство и контроль в определенной мере сохранились благодаря расстановке на ключевых руководящих должностях КГБ бывших ответственных работников партийных органов и наличию в центральном аппарате КГБ — УКГБ парткомов. Так, несмотря на конституционное изменение роли КПСС в обществе, действие закона «Об общественных организациях в СССР», Комитет госбезопасности направлял секретные материалы в адрес ЦК КПСС. В архивах секретарей ЦК имелись специальные фонды, которые назывались «документы КГБ СССР», где накапливались информационные справки, в том числе и особо секретного содержания. Секретариат ЦК систематически давал отдельные поручения Комитету государственной безопасности, направлял целевые запросы, в том числе и на политических деятелей, и получал ответы в виде справок. ЦК КПСС использовал структуры Первого главного управления КГБ для передачи денежных средств в валюте за рубеж коммунистическим и рабочим партиям. Все это в совокупности следует расценивать как незаконное руководство со стороны аппарата ЦК КПСС одним из ключевых государственных органов страны, как противоправные и противоречащие Конституции СССР действия.

Особенно опасным для государства, его законодательных структур и структур управления являлось то, что Комитет госбезопасности фун-

кционировал в условиях фактического отсутствия правовой базы, сколько-нибудь ограничивающей его деятельность. Принятый Верховным Советом СССР Закон об органах КГБ в СССР при сохранении прежних ведомственных положений и инструкций оставил широкое поле вседозволенности для прежнего руководства Комитета госбезопасности. Именно по этой причине руководство КГБ СССР игнорировало многочисленные предложения по реформированию комитета, переходу на новую нормативную базу. Ряд предложений исходил от сотрудников КГБ СССР, в частности Инспекторского управления и НИИ КГБ СССР, но реакции на них не было.

Все перечисленное позволило руководству КГБ СССР задействовать отдельные подразделения комитета для проведения ряда мероприятий накануне и в период попытки переворота, не объясняя действительных целей своих команд.

Вседозволенность и полное отсутствие контроля привели к тому, что органами государственной безопасности в нарушение собственных инструкций, не говоря уже о действующем законодательстве, проводились оперативно-технические мероприятия в отношении целого ряда государственных и общественных деятелей задолго до попытки государственного переворота. Так, с 1989 года велось наружное наблюдение за народными депутатами СССР Т. Гдляном, А. Ивановым, Б. Ельциным, практически за всеми лидерами межрегиональной депутатской группы. В целях получения информации прослушивались телефонные переговоры как указанных лиц, так и близких им граждан.

В последующем были поставлены на прослушивание телефоны ряда народных депутатов РСФСР, осуществлялись соответствующие мероприятия и в отношении народных депутатов местных Советов. У многих из них была установлена подслушивающая аппаратура в квартирах, прослушивание велось на дачах, в местах отдыха. При контроле за другими лицами, при выходе с ними на связь должностных лиц, прослушивание телефонных разговоров которых не допускается, прослушивание не прекращалось, вся информация фиксировалась.

Контроль продолжался и после принятия соответствующего законодательства о статусе народных депутатов РСФСР и местных Советов, в том числе и за Председателем Верховного Совета РСФСР (апрель 1991 года).

Руководством КГБ СССР давались указания о проведении мероприятий «провокационного характера» в отношении тех или иных лиц с целью их дискредитации. Примером этому может служить широко известное дело о 140 миллиардах.

В соответствии с имевшей место практикой отдачи «устных распоряжений» по указанию Крючкова В. А. от 16 августа с. г. бывшим начальником 12 отдела КГБ СССР Калугиным Е. И. был установлен контроль за абонентами правительственной связи из числа руководителей Союза ССР и России. Такие же указания были получены бывшим начальником УПС КГБ СССР Бедой А. Г. Подробный инструктаж по организации слухового контроля был проведен бывшим первым заместителем председателя КГБ СССР Агеевым Г. Е.

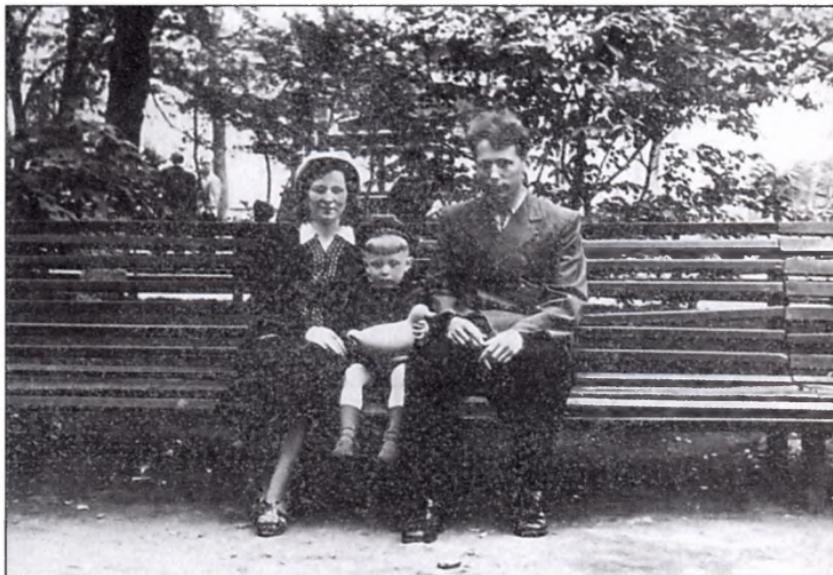
Контроль осуществлялся с 18 по 21 августа. Среди поставленных на контроль были высшие должностные лица РСФСР Ельцин Б. Н., Руцкой А. В., Силаев И. С., Хасбулатов Р. И., Бурбулис Г. Э., Лужков Ю. М., Полторанин М. Н. Контролировались также переговоры известных политических деятелей — Бакатина В. В., Шеварднадзе Э. А., Яковлева А. Н., Афанасьева Ю. Н.

Поставлены на «прослушивание» были также Янаев Г. И. — член ГКЧП, Лукьянов А. И. — Председатель Верховного Совета СССР, Липтев И. Д. — Председатель Совета Союза, Дзасохов А. С. — член Политбюро ЦК КПСС.

Бывшее управление «З», реформированное из 5 управления (борьба с идеологической диверсией) и сменившее вывеску на Управление по защите конституционного строя, по сути своей продолжало работу, направленную на борьбу с так называемыми деструктивными элементами. Под ними понимались всевозможные демократические движения в СССР. Особый интерес вызывало движение «Демократическая Россия», вновь возникшие демократические партии. Управление собирало сведения о деятельности руководителей этих движений, готовило информацию руководству СССР, суть которой сводилась к тому, что именно эти силы представляют главную опасность для государства.

За лидерами демократических движений, Президентом РСФСР, первым заместителем Председателя ВС РСФСР, народными депутатами СССР и РСФСР незаконно было установлено наблюдение.

Даже после принятия Верховным Советом СССР Закона об общественных организациях уп-

Мать Людмила Сергеевна, Сережа Степашин и отец Вадим Дмитриевич. Порт-Артур, 1955 г.

Сережа Степашин
(на даче).
Ленинград, 1957 г.

Слева — мать Людмила Сергеевна, отец Вадим Дмитриевич
с друзьями. Порт-Артур

Курсанту Сергею
Степашину 17 лет.
Ленинград,
1969 г.

Сергей Степашин с другом. 4-й курс ВПУ. 1972 г.

Баку, 1989 г.

С. Степашин с курсантами училища МВД. Ленинград, 1990 г.

Победа! Выборы, 112 территориальный округ
Ленинград, 16 марта 1990 г.

**I съезд народных депутатов Верховного Совета РСФСР.
Май 1990 г.**

**Председатель
комитета Верховного
Совета России
по обороне
и безопасности.
1991 г.**

С женой Тamarой и генералом Л. Кобецом.
С.-Петербург, 1992 г.

Пригород Берлина Карлхост. Май 1993 г. (Здесь закончилась Великая Отечественная война.)

С. Степашин, В. Баранников, А. Кромарев.
С.-Петербург, 1992 г.

Совещание руководителей спецслужб стран-участниц СНГ по вопросам борьбы с организованной преступностью. Москва, 15 марта 1995 г., дом отдыха «Солнечная поляна»

День ЧК. Сергей Степашин и В. Чебриков. Декабрь 1994 г.

Камраж. Вьетнам, 1993 г.

Президент России после заседания ФСК. Май 1994 г.

Директор ФСК. Май 1995 г.

Плутониевый скандал. Переговоры с госминистром Германии Шмитбауэром

Пресс-конференция директора ФСК С. Степашина и директора ФСБ Луи Фри. Лубянка, 1994 г.

Грозный, февраль 1995 г.

Грозный, январь 1998 г.

Грозный, февраль 1995 г. Слева направо: В. Соболев,
С. Степашин, С. Хаджиев, И. Межаков

Грозный, февраль 1995 г.

Комиссия по урегулированию кризиса в Чечне. Степашин, Трубников, Ковалев. 1996 г.

Совещание правоохранительных органов «северных соседей».
С.-Петербург, июнь 1998 г.

С. Степашин
с отцом убитого
муфтия Дагестана.
Махачкала, 1998 г.

Переговоры со старейшинами. Карамахи, май 1998 г.

Карамахи, май 1998 г.

равление «З» в своей деятельности против демократических движений исходило из установок ортодоксальной части руководства ЦК КПСС.

В отчетах КГБ, в том числе и в адрес Президента СССР, постоянно проводилась мысль, что спасти Союз от развала в борьбе с деструктивными силами (демократическими движениями и руководством РСФСР) смогут только решительные, чрезвычайные меры, причем единственной опорой Президента остаются органы КГБ и армия. Фальсифицировались «опросы», проводимые в ряде воинских соединений и учебных заведений, из которых следовало, что армия готова к решительным мерам. Все эти документы также направлялись в адрес Президента.

В то же время руководство КГБ использовало политические движения, противостоящие «Демократической России», оказывая им всестороннюю поддержку. Об этом свидетельствуют встречи руководства КГБ 30.01.91 с руководителями этих сил — Ворониным, Жириновским, Волковым и др.

Как показало проведенное Государственной комиссией расследование, последовательность действий и событий при подготовке и проведении переворота была следующей.

Бывший председатель КГБ СССР Крючков В. А. еще в декабре 1990 г. поручил узкому кругу своих подчиненных (Жижин В. И., Егоров А. Г.) осуществить проработку первичных мер по «стабилизации» обстановки в стране в случае введения чрезвычайного положения.

С 5 по 17 августа Крючков В. А. неоднократно встречался с некоторыми членами будущего ГКЧП. Планами заговорщиков КГБ СССР отво-

дилась существенная роль в решении следующих задач:

— отстранение от власти Президента СССР путем его изоляции;

— блокирование вероятных попыток Президента РСФСР оказать сопротивление деятельности ГКЧП;

— установление постоянного контроля за местонахождением руководителей органов власти РСФСР и Москвы, известных своими демократическими взглядами народных депутатов СССР, РСФСР и Моссовета, крупных общественных деятелей с целью их последующего задержания;

— осуществление, при необходимости, совместно с частями Советской Армии и подразделениями МВД захвата здания Верховного Совета РСФСР с последующим интернированием оставшихся там после штурма лиц, включая руководство России.

Осуществляя общее руководство мероприятиями по проведению переворота, Крючков В. А. активно использовал приближенных к себе людей из числа руководства КГБ СССР (Грушко В. Ф., Агеев Г. Е., Петровас И. К., Прилуков В. М., Лебедев В. Ф., Беда А. Г., Жардецкий А. В., Воротников В. П., Расщепов Е. М., Калгин Е. И.), которые по его указанию задействовали отдельные подразделения центрального аппарата и войск КГБ СССР на конкретных участках и направлениях.

В период с 17 по 19 августа войска специального назначения КГБ СССР и спецподразделения ПГУ КГБ СССР были приведены в повышенную боевую готовность и часть из них передислоцирована в заранее выделенные места для участия совместно с подразделениями Советской Армии и

МВД в обеспечении режима чрезвычайного положения. Силами специально созданных групп 9 Управления КГБ под руководством Генералова В. В. 18 августа Президент СССР был изолирован на даче в Крыму.

20 августа были даны указания к началу подготовки захвата здания Верховного Совета РСФСР группами спецназначения и спецвойск КГБ СССР, подразделениями Советской Армии и МВД СССР. В силу многочисленности защитников Белого дома, а значит, и ожидавшегося значительного числа человеческих жертв, а также отказа от участия в штурме дивизии особого назначения МВД СССР и частей ВДВ, непосредственные исполнители штурма здания — подразделения спецназначения КГБ также отказались от атаки.

За этот же период ряд подразделений центрального аппарата КГБ СССР по прямому указанию некоторых высших должностных лиц Комитета пошли на грубейшие нарушения конституционных положений Закона об органах государственной безопасности в СССР, нормативных актов КГБ, регламентирующих оперативно-розыскную деятельность, использование оперативно-технических средств и службы наружного наблюдения в отношении народных депутатов и руководства страны.

Необходимо отметить, что, несмотря на активное участие в заговоре ряда высших руководителей КГБ СССР, большинство сотрудников Комитета не поддержало заговорщиков. Вместе с тем лишь единицы из них 19 августа открыто заявили об антиконституционности действий заговорщиков.

Проведенные расследования по деятельности КГБ РСФСР и его органов показали, что фактов антиконституционной деятельности с их стороны не выявлено, в дни переворота они руководствовались Законами РСФСР и Указами Президента России. Вместе с тем необходимо отметить, что в некоторых регионах руководство органов занимало выжидательную позицию, показало свою неспособность на четкие действия в защиту Конституции. Так, пассивно-выжидательную, а иногда двойственную позицию в дни переворота занимало руководство УКГБ по Амурской, Брянской, Вологодской, Иркутской, Липецкой, Новосибирской, Псковской, Самарской, Саратовской областям и Приморскому краю. Руководители этих управлений отстранены от должности.

С учетом изложенного и в целях недопущения создания условий, в которых органы госбезопасности могли бы стать инструментом любых антиконституционных действий и тем более заговоров, а также для более эффективного обеспечения безопасности суверенных республик и Союза в целом представляется необходимым незамедлительно упразднить КГБ СССР и осуществить коренную реорганизацию его структур.

В первую очередь проводимая реорганизация должна исходить из принципа недопущения сосредоточения в структуре органов безопасности войсковых подразделений, частей и соединений, способных обеспечить захват власти силой, в интересах каких-либо политических групп или партий; недопущения сосредоточения опасного неконтролируемого потенциала влияния на властные структуры республик и Союза (в частно-

сти, имеется в виду монополия на информацию); недопущения контроля над всеми средствами и системами управления и связи, в особенности обеспечивающими руководство страной и ее вооруженными силами в случае войны или других чрезвычайных ситуаций.

Конкретным немедленным шагом в указанном выше направлении может быть формирование межреспубликанских органов на основе делегированных республиканскими органами безопасности функций.

При подготовке новых нормативных актов об органах безопасности предусмотреть соответствующие виды контроля за их деятельностью со стороны уполномоченных органов государственной власти и управления, прокуратуры, внутриведомственных структур, общественности. В правовом положении органов безопасности закрепить принципы их строгого подчинения соответствующим органам государственной власти, исключения возможности их использования в интересах любых политических партий, движений, групп и организаций.

Отстранить от руководства подразделениями органов безопасности лиц, скомпрометировавших себя в период попытки государственного переворота или имеющих низкий профессиональный уровень. В целях формирования межреспубликанских органов безопасности предложить уполномоченным представителям республик вступить в переговоры, в ходе которых определить:

— объем делегируемых им функций и полномочий, предусмотреть согласование межреспубликанских структур и их численность с республиками;

- порядок финансирования и использования материально-технической базы;
- решить вопросы правовой и социальной защиты сотрудников органов безопасности.

Предложения и рекомендации по реорганизации структур государственной безопасности, направленные вместе с этим заключением, впоследствии сам Степашин прокомментировал в интервью газете «Аналитик-пресс» в сентябре 1991 г.

РОССИЙСКИЙ КГБ: МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЕЙ

Корреспондент АП беседует с председателем Комитета по национальной безопасности РСФСР Степашиным С. В.

— Не так давно народные депутаты РСФСР призывали к полной ликвидации КГБ. Затем вы лично участвовали во вручении Российского флага одному из управлений КГБ. Как вы объясните такие противоречия в позиции парламента?

— Если вы помните, на II Съезде народных депутатов было принято решение о необходимости создания Службы безопасности в РСФСР. Процесс шел очень сложно и болезненно. Еще 5 мая с. г. был подписан протокол между Б. Ельциным и В. Крючковым о создании КГБ РСФСР, но дальше этого протокола, к сожалению, мы пойти не смогли, так как прежнее руководство КГБ всячески стремилось не допустить создания полновесной службы безопасности в РСФСР. Только после трагических августовских дней мы

получили реальную возможность создания такой службы.

— **Какими вы видите основные направления реорганизации КГБ?**

— *Прежде всего, по названию. Мы предлагаем назвать новую структуру безопасности России Агентством федеральной безопасности. На наш взгляд, это название хорошо увязано с федеративным устройством России и с проблемами ее безопасности. Что касается основных направлений деятельности Агентства федеральной безопасности, то в традиционном виде в системе обеспечения безопасности государства, каким является сегодня Россия, должна быть и разведка, и контрразведка.*

Я думаю, что должно быть обязательно сформировано Управление по защите конституционного строя, потому что три августовских дня показали, какой конституционный строй кто и как защищал. Те документы, с которыми мы ознакомились, еще раз подтверждают, что в течение почти года шла целенаправленная работа по дестабилизации в какой-то степени ситуации в стране, по дезинформации президента, Совета безопасности.

— **Каково ваше отношение к процессу децентрализации КГБ, а также к тому, что его реформированием во многом руководят люди, не имеющие опыта работы в этой сфере деятельности?**

— *Те структурные изменения, которые проводятся в КГБ СССР, мне видятся успешными. Прежде чем проводить какие-либо реформы, мы должны решить три основные задачи.*

Первая. Следует определиться с государственным устройством, которое называлось СССР. После этого можно говорить о какой-то

центральной структуре службы безопасности. Вы видите, что большинство бывших союзных республик, по сути дела, национализировали эти службы и проводят там свои реформы (например, Казахстан, Узбекистан, Украина).

Вторая задача заключается в том, что необходимо выявить все виды опасности, которые существуют для России. Это обусловлено тем, что изменился весь мир, изменилась внешнеполитическая ситуация, ухудшилась экономическая и политическая ситуация внутри РСФСР. Кроме того, для структурных и кадровых изменений в органах безопасности необходим пакет законов о безопасности, об органах КГБ, об оперативно-розыскной деятельности т. д.

Наконец, третья задача состоит в необходимости договориться со всеми союзными республиками о том, какова должна быть система взаимоотношений между органами безопасности, разведки и экономической безопасности.

— В настоящее время в государственных органах, и в частности в КГБ, происходят не только большие структурные, но и кадровые изменения. Ходят слухи о массовой «чистке» кадрового состава комитета и органов МВД. Если это так, то не считаете ли вы, что это может привести к уходу из КГБ хороших профессиональных работников?

— Я категорически против какой-либо тотальной чистки кадров. Бывшее руководство КГБ в лице Крючкова и его первых замов несут прямую уголовную ответственность, но мы не должны ставить в дурацкое положение сотрудников. Они действительно находились между небом и землей, в тяжелейшем положении, по сути дела, были подставлены. В это же время большинство органов КГБ по Российской Федерации,

около восьмидесяти процентов, не только не допустило антиконституционных действий в период с 19 по 21 августа, но и четко и однозначно высказало свою позицию — что они стояли и будут стоять на защите законно избранного президента и Конституции России. Основной костяк и большинство сотрудников органов КГБ — честные и порядочные профессионалы, они должны и будут работать для интересов России.

— Объявление суверенитета любой республикой сопровождается созданием собственных спецслужб. Насколько реальна возможность того, что спецслужбы одной республики будут работать против спецслужб другой?

— Как показывает мировая практика, так оно и есть. Наверное, такое возможно и у нас, тем более что целый ряд республик, создающих свои государственные структуры, достаточно сильно отличаются по политической системе, экономическим интересам и идеологическим ценностям. Но все-таки я надеюсь и убежден, что экономический союз, который мы подписали, а в последующем, возможно, и военно-политический союз приведут к созданию координирующей системы государственной безопасности, что позволит нам уйти от конфронтации».

Думал ли Степашин, что выработанные его комиссией рекомендации будут впоследствии использованы разными политическими кланами в борьбе за влияние на органы госбезопасности. И все под флагом совершенствования их работы. «Благими намерениями вымощена дорога в ад».

То, что случилось с российскими спецслужбами впоследствии, ему пришлось не только наблюдать, но и испытать на себе.

ПИТЕР

Инициатива всегда наказуема. После завершения работы комиссии и доклада сделанных ею выводов Степашин неожиданно для себя становится заместителем председателя КГБ России — начальником Ленинградского управления.

Вспоминая впоследствии свой приход в ЧК, Степашин рассказывал журналистам.

«Первое предложение стать начальником Ленинградского управления было еще в октябре 1991 года. Я дал добро, потом отказался. У меня были внутренние сомнения, как примут.

Тогда же, в октябре, состоялся Указ президента СССР М. Горбачева о присвоении мне звания генерала. Вместе со мной звания получили Владимир Федоров, Михаил Егоров, Евгений Абрамов. С этого момент начался новый этап уговоров. Анатолий Собчак дважды приезжал по этому поводу, он как-то загорелся этой идеей. Я дал добро, и в декабре был назначен начальником питерского управления.

Представлять коллектив управления приехали Виктор Иваненко вместе с Собчаком. Иванен-

ко коротко меня охарактеризовал, сказал, что Степашин честный человек, ему нужно помочь. На представлении был прежний начальник управления КГБ по Ленинграду и Ленинградской области Анатолий Курков, человек авторитетный и уважаемый в коллективе. Был полный зал, слушали внимательно и с интересом. Кто пришел? Зачем пришел? Я сказал буквально несколько слов о том, что пришел работать вместе и надеюсь доверие и коллектива, и руководства оправдать... Больше ничего не стал говорить.

Двое суток я работал с Курковым, который несколько лет возглавлял питерское управление. Анатолий Алексеевич двадцать лет проработал за границей. Впоследствии был начальником ГУВД. После ухода Виталия Прилукова в Москву стал начальником управления КГБ. Он был сильный человек, профессионал с большой буквы... Он много тогда мне рассказал и о делах, и о направлениях, и о людях, передал некоторые материалы. Из органов Курков уволился в июле 1992 года.

Я думаю, когда личный состав увидел, что Курков плотно работает со Степашинным (плюс мы оставили его в качестве советника, машину ему дали, он периодически ко мне заезжал), это как бы успокоило людей. Второе, это — назначение заместителей. Я не тащил никого со стороны. Все замы были местные. А. Богатырев, А. Коротков, А. Григорьев, Э. Ермолаева, Б. Вязовой — это были опера. И все с напряжением смотрели, что же будет с Черкесовым — начальником следственной службы управления, потому что Виктор Черкесов был доверенным лицом Куркова и достаточно жестко боролся со мной во время предвыборной кампании. Я его пригласил

и сказал, что будем работать вместе, а в последующем рекомендовал его на свое место — начальника управления.

Вот эти вещи во многом изменили климат, я начал работать по субботам, что было нехарактерно для конторы. В первую же субботу я познакомился с нынешним директором ФСБ — Николаем Патрушевым. Я обходил кабинеты, смотрю — сидит симпатичный молодой человек за компьютером. Потом мы с ним начали часто контактировать, он вел линию борьбы с преступлениями в экономической сфере, у него было несколько интересных реализаций по Красносельскому району, по ряду предприятий, по Балтийскому морскому пароходству. Затем он поехал на повышение в Карелию министром, а когда я стал директором в ФСК, то пригласил его в Москву...

Мне приходилось очень тяжело, приходилось разрываться, потому что я был председателем Комитета по обороне и безопасности, меня не хотел отпускать Верховный Совет, одновременно был заместителем министра, членом коллегии и начальником питерского управления.

Система работы была такая: я в воскресенье уезжал в Москву, работал там в понедельник по линии Верховного Совета. Во вторник возвращался в Ленинград и занимался проблемами управления.

Это было очень интересное время».

Назначение Степашина по-своему пытались использовать люди из так называемого демократического стана. Группой радикально настроенных демократов ему было передано об-

ширное досье, «связанное с противоправной деятельностью Владимира Путина — вице-губернатора Санкт-Петербурга». Чего там только не было! И именно это заставило усомниться. Степашин поручает своим коллегам разобраться в материалах. Проверка показала, что это была тщательно изготовленная «липа». Самым удивительным было то, что передала Степашину этот «труд» депутат С., яростный поборник прав человека, видевшая во всем рудименты 1937 года. Донос был не просто откровенным. Он был циничным по существу и провокационным по форме. Степашин так и не смог понять, как в одном человеке могли ужиться такие разные и противоречивые категории — демократизм мышления и стукаческая психология.

Систематически аналогичные ситуации возникали вокруг мэра Санкт-Петербурга Анатолия Собчака. Каждый сигнал подвергался серьезной проверке. Многие были просто вымыслом. Сложившиеся отношения с ним позволяли Степашину не просто влиять на него, но и во многом корректировать его действия. Не раз между ними возникали непростые разговоры, которые среди чекистов квалифицировались по категории «профилактика». Степашин говорил много неллицеприятного. Иначе он не мог, осознавая, что с друзьями лукавить нельзя. Правду надо говорить в глаза.

Отношения между этими людьми практически до последних дней были теплыми и дружескими.

Степашин до сих пор не может понять, зачем Собчаку надо было затевать набившую

сейчас оскомину историю с квартирой. Зачем было давать повод для нападков.

Выступая в 2000 году на похоронах А. Собчака, Степашин говорил о том, что причиной его смерти стала откровенная травля. «Это была не смерть, а гибель Анатолия Собчака. Его просто затравили, хотя мог бы работать для страны, для города».

Но, говоря это, Степашин мог констатировать и другое — нельзя было самому Собчаку давать повод для нее.

В феврале 1992 года умер бывший начальник Ленинградского управления КГБ генерал-полковник Даниил Носырев, 19 лет возглавлявший ленинградский коллектив чекистов. Человек своего времени, он много лет был членом коллегии КГБ, бессменным членом бюро обкома. О нем говорили много. Много писали, особенно в эпоху демократического мракобесия. Это была фигура, заметная и уважаемая многими. Носырев умер дома, в кресле, за чтением газеты. Тихая смерть человека эпохи.

Степашин принял самое деятельное участие в отдании ему последних почестей. Почестей не только человеку, но и чекисту с большой буквы. Что ему, Степашину, человеку новой формации и нового времени, до жизни и смерти этого человека из прошлой эпохи, давно ушедшего на покой.

Участие в его судьбе могло быть разное. Но...

Степашин звонит министру безопасности Баранникову и сообщает ему о случившемся. Одновременно **УВЕДОМЛЯЕТ**, что берет на себя организацию достойных похорон старого чекиста.

Баранников понимает с полуслова. Ни убеждать, ни уговаривать, выдвигая мотивацию политической осмотрительности, не стал. Со своей стороны он направляет от имени министра деньги, а также поддерживает решение, предоставляя Степашину полную инициативу.

Это напоминало вызов. На несколько часов в Ленинграде было перекрыто движение. На похороны приехали все бывшие секретари обкома КПСС — Соловьев, Зайков, Толстиков.

Поступок Степашина Ленинградское управление оценило. Через два года его должна была оценить столица.

ФАТАЛЬНОСТЬ ДЕКАБРЯ

*Нет повести печальнее на свете,
чем повесть о реформах в комитете.*

Если бы чекисты были люди суеверные, то, возможно, искали бы ответ в фатальности дат и чисел. Над двадцатым числом декабря висел какой-то рок. В стенах Лубянки даже нашли некую закономерность между 10 ноября — Днем милиции и Днем чекиста 20 декабря. Их разделяло сорок дней. Само же 20 декабря находилось аккурат между 19 декабря — днем рождения Леонида Брежнева и 21 декабря — днем рождения Иосифа Сталина. 10 ноября в День милиции Леонид Брежнев умер. Тогда впервые за всю историю советской милиции был отменен праздничный концерт. Смерть Генсека в День милиции стала роковой для министра внутренних дел СССР Щелокова.

Много лет спустя именно в День милиции было совершено невероятное злодеяние — теракт на Котляковском кладбище. Концерт, посвященный празднику, также был отменен.

С 20 декабря было еще интереснее. Больше семидесяти лет праздник отмечался полулегально. Ни в одном календаре нельзя было найти день работников могущественной в прошлом организации — КГБ. И именно на эту

дату дважды приходилось подписание указов о ее реорганизации. В 1991 году через месяц после создания Агентства федеральной безопасности был подписан указ о ликвидации и этой организации, и Межреспубликанской службы безопасности, и Министерства внутренних дел СССР, и такого же министерства в Российской Федерации. Снова даты переплелись. На месте этих четырех органов было создано нечто, в народе названное АБВГДейкой, — Министерство безопасности и внутренних дел. Чекисты смеялись, вспоминая классика: «В одну телегу впрясть не можно коня и трепетную лань». Кто в данном случае был конем, а кто предметом королевской охоты, не уточнялось. Через три недели эта нелепица была отменена. Однако многие профессионалы высокого класса подали рапорты на увольнение. Эмиграция второй волны. (Первая волна была несколькими месяцами раньше — в августе 1991 г.)

Через два года очередное потрясение — 21 декабря 1993 года ликвидировано Министерство безопасности и создана ФСК — Федеральная служба контрразведки. (Третья волна эмиграции!) Через четыре месяца снова реорганизация: вместо ФСК — Федеральная служба безопасности. Волны эмиграции из конторы шли по возрастающей.

Внести в календарь дату 20 декабря как День работников специальных служб к светлому дню не удалось. Как ни стремился директор ФСБ Михаил Барсуков подписать у президента указ о легализации памятной даты, ему удалось это сделать только 22 декабря 1995 года. Через два дня после самого праздника.

20 декабря 1997 года террористом был захвачен шведский дипломат. При проведении операции от сердечного приступа скончался полковник Анатолий Савельев, ставший наутро Героем России.

Фатальность заключалась еще и в том, что подобные ситуации возникали ровно через два года — 1991, 1993, 1995, 1997.

Что касается реорганизаций, то причину было бы правильно искать в психиатрии, которая утверждала, что обострение болезни у нормальных больных бывает весной и осенью, а у политиков, как правило, зимой. Может, отсюда и появилось понятие «отмороженный». Отмороженные писали указы и подсовывали президенту, который, наверное, тоже... здорово продрог. Ноябрь 1991-го — создание АФБ, декабрь — его ликвидация путем образования МБВД. Январь 1992 года — ликвидация МБВД, создание МБ. Декабрь 1993 года — ликвидация МБ и создание ФСК. Короче, ЁПРСТ... далее везде.

Как появился указ об образовании Министерства безопасности и внутренних дел России, загадка для многих. Впрочем, ее частично в своей книге «Избавление от КГБ» раскрывает все тот же Вадим Бакатин.

«Когда 4 ноября 1991 г. Госсовет СССР постановил: «Поручить т. т. Баранникову В. П., Бакатину В. В. с учетом мнения республиканских органов рассмотреть предложения о возможности объединения Министерства внутренних дел СССР и Межреспубликанской службы безопасности в единую службу безопасности страны и

представить согласованные предложения в Госсовет СССР», я выступил против, и поручение благополучно скончалось само по себе. Но после 19 декабря вопрос встал в практическую плоскость уже в российском масштабе. В некоторых газетах писали, что Ельцин, готовя указ по созданию МБВД, ни с кем не советовался, в том числе и с Бакатиным. Не знаю, как с другими, но со мной он советовался, и я был «за».

Нельзя сказать, что я не видел негативных сторон указа. Конечно, создание единого аппарата служб правопорядка не вполне вписывалось в концепцию их взаимного контроля и «сдерживания». Но если честно, то его и раньше не было. А парламентский контроль, которого тоже не было, должен быть организован при любой схеме. Я предвидел негативную реакцию республик на поглощение Россией еще одной межреспубликанской структуры — МСБ. Я знал о настроениях на самой Лубянке: сотрудников элитных спецслужб угнетала мысль о переходе под начало МВД, где и работа потруднее. Они интересовались друг у друга, «когда идти получать милицейские свистки?». Не была секретом и реакция на указ многих представителей демократической общественности, чьи позиции можно проиллюстрировать строками из заявления российской Ассоциации жертв политических репрессий, которое передал мне ее президент Николай Нумеров: «Со всей определенностью заявляем о крайней озабоченности бывших узников ГУЛАГа по поводу новой попытки государства объединить все репрессивные органы в могущественного, никем не контролируемого монстра, призванного снова взять народ за гор-

ло». Конечно, здесь больше эмоций, чем рационализма.

Тем не менее в разговоре с Ельциным я поддерживал возможность соединения спецслужб и милиции. Как я уже говорил, я полагал, что самое худшее для спецслужб заключалось в затянувшейся их реорганизации и страшной неопределенности в отношении будущего, что буквально парализовало их деятельность. Указ позволял им в короткие сроки закончить все реорганизации, обрести почву под ногами и начать; наконец, нормально функционировать. Даже плохая определенность лучше неопределенности.

Далее несколько парадоксальное соображение. У меня появилась убежденность, что уход спецслужб «под милицию», лишение их привилегированного положения в какой-то мере могли способствовать нейтрализации угрозы «чекизма» для общества, подорвать его традиции. Заметьте, объединению противилась не только демократическая общественность, но и гораздо более рьяно сами представители органов госбезопасности (но не МВД). Они прекрасно понимали, что в составе нового министерства им не удастся сохранить свой привилегированный статус».

19 декабря стены Лубянки дрогнули. Согласно документу, все, что существовало до этого, ликвидируется, объединяясь в Министерство безопасности и внутренних дел. Министром созданного монстра становится Виктор Баранников, о котором по Лубянке ходило много неподтвержденных документами слухов. Считавшийся соратником Ельцина, Виктор Иваненко

уходит с политической арены. Вместе с ним уходит и его команда, которую с таким трудом он создавал в предыдущие месяцы. Тень милицмейской шинели накрыла всесильное в прошлом ведомство.

Это был лучший подарок, который преподнес президент чекистам. Аналогичное слияние должно было произойти и внизу. Областные и городские милицмейские начальники восприняли это с одобрением. Да и как иначе? По закону поглощения меньшего большим, руководящие должности в системе контрразведки могут быть заняты людьми в серых шинелях. Кое-кто уже попытался приступить к реальному объединению, переделу собственности. Мотивация необходимости подобного объединения была проста. Улучшение координации, объединения в один кулак всех силовых структур, более рациональное использование оперативно-технических возможностей, следственных подразделений. Было очевидно, что идея зрела в милицмейских коридорах. Впрочем, справедливости ради заметим, что, если бы во главе новой структуры был поставлен человек из КГБ, реакция могла бы быть с точностью до наоборот. В милиции были памятны времена Федорчука. Пришедший из КГБ человек ломал не только сложившиеся в МВД традиции, но и человеческие судьбы, изгоняя из министерства профессионалов за незначительные провинности. Эту эпоху в МВД вспоминают с оттенком горечи. Были ошельмованы многие руководители МВД того периода, и многое пришлось восстанавливать заново после ухода из МВД чекистского партнабора.

В 1991-м же Лубянка чувствовала себя победителем. И прежняя неприязнь в милицейских рядах к тем годам временно была загнана глубоко внутрь.

Если бы президент был чуть прозорливее и, пожертвовав тактическим поражением ради стратегического результата, назначил бы во главе МБВД даже Виктора Иваненко, — ход событий было бы трудно предугадать. Но Ельцин шел напролом, уверовав после августа в свое всеисилие. К Иваненко доверия он явно не испытывал и уже в августе думал об укреплении службы безопасности своими людьми. Таковыми были, естественно, люди в милицейских погонах. Наверное, потому, что он понимал — вооруженный отряд партии в отставку не уходит. А уходит только в подполье...

В упоминавшейся уже книге Вадим Бакагин пишет о том, что все его силы и помыслы были направлены на то, чтобы укреплять систему органов безопасности.

«Чтобы лишить политиканствующих деятелей в аппарате МСБ и АФБ удовольствия распространять сплетни и побудить их заняться будничной тяжелой работой, мы с В. Иваненко решили выступить с совместным заявлением:

«В последнее время в средствах массовой информации появляются многочисленные сообщения по поводу якобы существующих непримиримых противоречий между Межреспубликанской службой безопасности и Агентством федеральной безопасности России. В распространение этих домыслов вносят вклад и некоторые сотрудники бывшего КГБ СССР.

Со всей ответственностью хотели бы заявить, что подобные заявления лишены каких-либо серьезных оснований. Руководство и МСБ, и АФБ максимально заинтересовано как в скорейшем становлении сильных и дееспособных органов госбезопасности России, которая, единственная из всех республик, не имела службы безопасности, так и в обеспечении координации деятельности спецслужб всех суверенных государств. АФБ России формируется на основе части центрального аппарата бывшего КГБ Союза, ему предоставляются необходимые кадровые и материально-технические возможности.

Конечно, формирование АФБ и реформирование МСБ — процесс сложный, не исключая возможности известных разногласий по частным вопросам. Но эти разногласия вовсе не носят принципиального характера и разрешаются на основе взаимосогласованных договоренностей.

Полагаем, что информация о «соперничестве» МСБ и АФБ России имеет целью посеять семена раздора между этими двумя организациями и наносит вред общему делу обеспечения безопасности России и других суверенных государств.

В. БАКАТИН

В. ИВАНЕНКО

29 ноября 1991 г.»

Это как же надо было лукавить, чтобы, подписывая мировую с Иваненко 29 ноября, уже знать, что дни последнего, как и возглавляемой им структуры, сочтены. Что еще чуть-чуть — и уже не будет ни АФБ, ни МСБ России, ни самого Иваненко с Бакатиным во главе спецслужб.

Узнавший об указе Степашин оперативно завершил совещание в Выборгском отделе АФБ и спешно выехал в Ленинградское управление. Из машины он распорядился собрать весь оперативный состав в актовом зале.

К его приезду зал был полон. Руководящий и оперативный состав напряженно смотрел на своего нового руководителя. Все ждали его реакции. И если бы каждого из них спросили, что он сейчас скажет, все в один голос бы заявили: «Президент мудр. Его решение ведет нас к сияющим вершинам демократии...» В то, что Степашин может в данной ситуации сказать что-то иное, верилось с трудом. Но случилось нечто на первый взгляд для людей его не знавших неожиданное.

«Изданный указ ошибочен. Я с решением президента не согласен. Прошу всех оставаться на своих местах и исполнять свои служебные обязанности. Сегодня я выезжаю в Москву, чтобы использовать все законные методы для отмены указа». Зал оцепенел. Многие поняли, что Степашин подписал себе приговор. Или скоро его подпишет...

Комитет по обороне и безопасности Верховного Совета РСФСР занял крайне жесткую позицию. Не менее жесткую позицию заняли и руководители АФБ. Они понимали, что при подобном раскладе особенно рассчитывать на благосклонность президента не приходится. Иную позицию занимали бывшие руководители КГБ. Некоторые в спешном порядке стали наводить мосты с МВД. Бывший руководитель ЦОС генерал А. Н. Карбаинов к вечеру 20 декабря отметился у заместителя министра безопасности и внутренних дел Виктора Ерина,

засвидетельствовал свое почтение и предложил ему схему объединенного Центра общественных связей. Карбаинов скорее всего верил еще во всеилие «старшего брата» и надеялся по этому праву возглавить новую структуру.

Чекисты подняли на ноги всех. Листались старые записные книжки, искали и находились подходы к депутатам разных уровней. Подковерные игры, в которых были искушены мастера тайных дел, поглотили дни и ночи. Даже ранее репрессированные стали союзниками в борьбе против указа. Члены «Мемориала» писали письма, давали интервью, пугали общественность призраком НКВД.

Степашин как председатель Комитета по обороне и безопасности предложил обсудить указ на Верховном Совете.

Следующим шагом стало обращение в Конституционный суд, с некоторыми членами которого уже была достигнута договоренность о вынесении данного вопроса на заседание. Указ взорвал общественность.

Сама Лубянка разбилась на два лагеря. Те, кто видел себя в новой структуре, и кто не желал себя там видеть.

Назначенный министром безопасности и внутренних дел России Виктор Баранников несколько раз звонил Степашину, пытаясь выяснить очередные ходы.

«Где-то в конце декабря мы встретились с Баранниковым у него на даче, — вспоминает Степашин. — Зашли в баньку, попарились. Посидели. Не пили.

— Что ты нервничаешь, Сергей, — увещевал Баранников. — Что переживаешь? Я сделаю тебя первым заместителем, будем работать...

— Не в этом дело, Виктор Павлович. Дело не в должностях, а в подходах. Ну, где в Конституции России такой орган? Чем он предусмотрен? Неужели не ясно, что мы возвращаемся к тому, от чего только в августе ушли, раскассировав КГБ? Теперь мы создаем монстра более серьезного, более опасного...

Мы провели заседание двух комитетов — по обороне и безопасности и по законодательству. Пригласили Ерина, который выступил не очень удачно. Было ясно, что в основном полагались не на логику, а на силу и волю президента.

Более выгодно выступил председатель АФБ России Виктор Иваненко, его поддержал Николай Галушко — бывший председатель КГБ Украины. Поддержал осторожно... (его позиция, которую он излагал раньше, была иная).

Для подачи в суд необходимо было оплатить пошлину. Решили скинуться и, собрав тысячу рублей, направили материалы в Конституционный суд».

Досье

ДЕЛО

о проверке конституционности

Указа Президента РСФСР

от 19 декабря 1991 года

*«Об образовании Министерства безопасности
и внутренних дел РСФСР» (Дело МБВД)*

Дело рассматривалось 14 января 1992 года

*В заседании участвовали: Представитель
стороны, обратившейся с ходатайством,*

М. А. Митюков — народный депутат РФ, председатель Комитета Верховного Совета РФ по законодательству.

Представитель Президента РФ как стороны, издавшей рассматриваемый Указ, С. М. Шахрай — заместитель Председателя Правительства РФ, Государственный советник РФ по правовой политике.

Поводом к рассмотрению дела послужило ходатайство народных депутатов РФ (Б. Т. Большакова, И. В. Галушко, В. Б. Исакова, В. И. Санаева, Ю. И. Шихарева, П. Д. Курицына, В. А. Федорченко, А. Ю. Царева и др.), полагающих, что при издании указа от 19 декабря 1991 года Президент РСФСР вышел за пределы своих полномочий...

Конституционный суд установил:

...Конституция РСФСР не предоставляет Президенту права образовывать министерства. Постановления Съезда народных депутатов от 1 ноября 1991 г. наделили его правом реорганизации высших органов исполнительной власти, но только на ограниченный срок и с обязательным представлением указов, противоречащих действующим законам, в Верховный Совет или его Президиум.

Верховный Совет 26 декабря 1991 г. предложил Президенту отменить указ. Данное постановление является прямым выражением воли законодателя реализовать свои полномочия в этой сфере. Указ предусматривает реорганизацию структуры и функций органов, деятельность которых, будучи направлена на охрану прав граждан, связана в то же время с реальными ограничениями конституционных прав и свобод челове-

ка и гражданина. Регулирование этой сферы указом Президента без участия и тем более вопреки воле Верховного Совета не соответствует установленному Конституцией разграничению полномочий между высшими органами власти и управления.

Указ также противоречит закону «О милиции», закону «О чрезвычайном положении» и одобренному в первом чтении закону «О безопасности». Следовательно, Президент, издав Указ от 19 декабря 1991 года, противоречащий названным законодательным актам, превысил предоставленные ему полномочия.

Конституционный суд признал данный Указ Президента РСФСР не соответствующим Конституции РСФСР с точки зрения установленного в Российской Федерации разделения законодательной, исполнительной и судебной властей, а также закрепленного Конституцией РСФСР разграничения компетенции между высшими органами государственной власти и управления РФ.

Решение принято единогласно. Мнение по мотивам принятого судом решения — у судьи Э. М. Аметистова.

Указ был отменен. Но ни к Агентству федеральной безопасности, как ведомству, ни к Иваненко, как к личности, Ельцин не вернулся. Созданное Министерство безопасности возглавил идеолог отмененного указа Виктор Баранников.

ЦРУ и всякие там БНД, по всей видимости, полагали, что за каждым шагом по реорганиза-

ции органов госбезопасности кроется глубокий смысл... Что «контора глубинного бурения» обретает новую жизнь... Поверить в то, что само государство или люди, его представляющие, собственноручно демонтируют иммунную систему страны, превращая когда-то сильнейшую спецслужбу в колосса не только на глиняных ногах, но и с глиняной головой, им было невозможно. Элитные звенья бывшего КГБ отторгались, новые руководители ФСК, ФСБ пытались найти логическое объяснение происходящим событиям и сами вязли в латании дыр, созданных очередной реформой.

Внизу же люди просто ждали новых времен. Ни шатко ни валко перекладывали бумаги и с профессиональной изворотливостью объясняли мотивацию собственного безделья: «настоящий опер должен уметь объяснить, что надо сделать, а если не получилось, то так же уверенно объяснить почему». В качестве такого объяснения стали перманентно и всуе говорить о законах. (Это спецслужбе-то законы нужны!)

Болтовня об отсутствии достаточной нормативной базы приобрела характер общего места. Об этом рассуждали и те, кому действительно эта база была нужна, и те, кто даже не понимал, о чем идёт речь. В общем, как в анекдоте: «Я не знаю, кто такая Чили, я не знаю, кто такая Хунта. Но если эта сука не выпустит Луиса с карнавала, я на работу не пойду».

В таких условиях только ленивый политик не вмешивался в работу специальной службы, благо они это позволяли.

К тому же было очевидно, что, несмотря на все реорганизации, чистки и искусственные

потрясения, связанные со сменой руководителей (они летели сквозь ведомство, как курьерские поезда, успев на лету получить звания, награды, мимолетную благодарность президента и испытать такой же мимолетный и роковой для них гнев. Директоров из ведомства рвали, как зубы без наркоза), в конторе тлели последние очаги сопротивления. Как правило, в их центре находились люди профессиональные, одаренные, обученные в эпоху КГБ, верные долгу, стране и людям. Создать что-то свое, насадить собственных людей в российские специальные службы демократам так и не удалось. Понятно, что разрушать — не строить, а потому бурно вспыхнувший в начале девяностых с их стороны интерес к ведомству стремительно угас. Формировать собственные кадры никто из них не стремился... Но посоветовать — хлебом не корми. Внутреннее влияние лица из политической и финансовой элиты пытались осуществлять через людей честолюбивых, а потому падких на разные обещания. Должностей, льгот, званий...

И за всеми этими трагическими событиями для наиболее патриотически настроенной части населения — сотрудников спецслужб — кто-то стоял. Кто-то был рядом у трона...

Сначала группа бородатых демократов, потом охранник Коржаков, потом... Он очень ярко описал свою роль в этом.

«Октябрьские события (1993 г. — А. М.) привели к новым назначениям в спецслужбах. Как-то Филатов зашел перед Советом безопасности к Президенту и сказал:

— Сегодня у Степашина день рождения, и было бы неплохо сделать ему подарок — назначить министром безопасности РФ.

Борис Николаевич не испытывал к Сергею Вадимовичу особого доверия, но Указ подписал и огласил его на Совете безопасности. Вскоре Степашина пришлось снять из-за событий в Буденновске. Ельцин меня (здесь и далее — А. К.) одолел вопросом:

— Ну, кого вместо Степашина поставим?

Черномырдин с Ильюшиным предлагали свою кандидатуру, ФСК выдвигал свою. Я же посоветовал назначить Барсукова. Но Михаил Иванович отказался — не хотел идти в то ведомство, где не прекращается служебная чехарда. То одного руководителя назначат, то другого. Каждый приводит своих людей, по-своему определяет задачи. В Кремле же у Барсукова служба была налажена и работала без сбоев. Но однажды, в июне 95-го, когда у Президента случился первый инфаркт, положение оказалось безвыходным. И я сказал:

— Миша, что же делать?! Надо кому-то идти: или тебе, или мне. Деваться некуда.

Ельцин же тогда в лоб спрашивал:

— Кого будем назначать на КГБ? (Это ведомство между собой мы всегда называли КГБ.)

Я привел шефу пример, как Хрущев назначал на должность председателя КГБ Семичастного.

— Завтра поезжай на Лубянку и принимай дела, — напутствовал Хрущев.

— Никита Сергеевич, но у меня совершенно другое образование, я ни разведчик, ни контрразведчик и никогда этим делом не занимался.

Никита Сергеевич обрезал:

— Там разведчиков и контрразведчиков без тебя хватает. А мне нужен свой человек.

И семь лет преданный Семичастный руководил КГБ.

— Поэтому, Борис Николаевич, неважно, кто там будет. Важно, что бы это был ваш человек, — констатировал я.

Ельцин забеспокоился:

— Но о вас и речи не может идти. Как я без вас?

— Ну, будем с вами пореже встречаться.

— Да вы что!

— Тогда Барсуков...

— Да я с ним говорил, а он отказался.

— Он генерал, а вы Верховный главнокомандующий, Борис Николаевич, можете и приказать...

— Действительно, что же я думаю? Ну-ка, давайте его. Приглашайте на обед, за столом и скажу»¹.

Кстати, это касалось не только спецслужб, но и в целом загадочной русской души. От перестройки западные спецслужбы вообще обалдели. То, за что боролось не одно поколение рыцарей плаща и кинжала, свершилось почти без их участия за несколько месяцев... А обалдев, не догадались написать победные релиции и получить по ним ценные подарки, грамоты и медали «За победу над социализмом». Более того, они затаились и боялись неловким движением спугнуть начавшееся в России броуновское движение.

---

¹ Коржаков А. Борис Ельцин: от рассвета до заката. — Интербук, 1997.

ОКТАБРЬ

Досье

Граждане России!

Наступил переломный момент в истории нашей страны, в жизни каждого из нас. Номенклатурно-коммунистическое большинство VII Съезда народных депутатов, под прикрытием «поправок к Конституции», начало антинародный государственный переворот, направленный против основ конституционного строя России, против прав и свобод российских людей, против радикальных реформ в интересах народа. Весь прошедший год Верховный Совет во главе с Хасбулатовым мешал реформам, мешал президенту и правительству осуществить финансовую стабилизацию, наладить радикальные рыночные реформы, буквально выкручивал руки, чтобы реформу для народов превратить в реформу для номенклатуры, чтобы вместо свободной демократической России установить новый, худший прежнего, номенклатурный беспредел.

И вот сегодня им и этого мало. Они поняли, что президент готов на компромиссы, на переговоры, но никогда не пойдет на предательство

народа, который его избирал. А президент—не-предатель им не нужен. И они решили одним махом избавиться и от президента, и от реформ, и от народа, и от демократии.

Самое подлое, что свое черное дело — захватить всю власть в стране, превратить президента в марионетку — они даже побоялись сделать открыто перед народом, перед избирателями, об интересах которых они так громко и лживо твердят. Как и подобает делать нечистые дела, принимать это решение они будут тайно, а под покровом тайны пойдут и на фальсификацию, и на подлог.

Конечно, можно было бы примириться и сдаться.

Но сдаться сегодня — значило бы предать народ, предать россиян, присягу на верность которым я давал, вступая на пост президента. Сдаться — значило бы обречь миллионы соотечественников на ужасы нового коммунистического террора, на нищету и карточное распределение, на возрождение милитаризма и угрозы ядерной войны, на небывалое ухудшение жизни, чреватое новой гражданской войной.

Поэтому я принимаю сегодня самое трудное решение в своей жизни. Я должен выбрать — что важнее: верность народу или верность положениям устарелой, брежневской Конституции, умышленно сохраняемой антинародными силами.

Я подписал Указ о введении переходного периода и приостановке деятельности Съезда народных депутатов. Не позднее чем через 6 месяцев я вынесу его на всенародный референдум — и если россияне утвердят его голосованием, то Указ приобретет силу конституционного закона и бу-

дет действовать вплоть до принятия новой Конституции. Если же россияне не поддержат своего президента, то через несколько дней после подведения итогов референдума будет созван Съезд народных депутатов, перед которым я буду готов ответить по всей строгости закона.

Президент Российской Федерации

БОРИС ЕЛЬЦИН

21.09.1993 г.

Противостояние президента и Верховного Совета достигло критической точки. Усилиями Председателя Верховного Совета Руслана Хасбулатова законодательный орган был расколот на ряд враждующих, непримиримых лагерей. Ясно было, что причиной этого являются непомерные амбиции Хасбулатова. Однако много «сделал» и президент России Б. Ельцин, который патологически ненавидел Верховный Совет, вообще «этих болтунов депутатов». Хотя именно они в 1990 году на съезде депутатов вернули его из политического небытия, избрав Председателем Верховного Совета РСФСР.

В схватке с Хасбулатовым председатель Комитета по обороне и безопасности Сергей Степашин зарекомендовал себя бойцом, умеющим показать зубы, если потребуется. Внешность в данном случае была обманчива. За открытой улыбкой скрывалась натура бойца. С Хасбулатовым он сражался не на жизнь, а, что называется, на смерть, не вкладывая в это физиологического значения. Вместе с группой депутатов, уставших от хамства спикера, он принял участие в бунте в парламенте, что при ином раскладе могло выйти боком. Диалога не получилось.

Разговор в кабинете Руслана Имрановича был тяжелым. Скрытые угрозы, прозвучавшие в свой адрес, Степашин принял с известной долей скепсиса — «где наша не пропадала!».

К голосу разума не хотели прислушиваться многие. Все чаще непонимание или нежелание понимать выражалось в самых непристойных формах. То Руцкой вытаскивает на свет 11 чемоданов с непроверенной оперативной информацией, то Хасбулатов пощелкивает себя по горлу при упоминании имени президента. Работа законодательного органа была практически парализована. Еще на VI съезде назревал конституционный кризис. Сначала председатель Конституционного суда Валерий Зорькин пытается примирить враждующие стороны, потом Патриарх Всея Руси Алексий II, то группа депутатов во главе со Степашиным пытается образумить противников. Степашин готовит Декларацию о согласии во имя безопасности России и пытается ее вынести на обсуждение съезда. Документ подписывают лидер профсоюзов Игорь Клочков и Аркадий Вольский.

ДЕКЛАРАЦИЯ

о согласии во имя безопасности России

Оценивая современное состояние безопасности России как критическое в обеспечении защищенности прав и свобод личности, материальных и духовных ценностей общества, конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности государства,

сознавая опасность дельнейшей дестабилизации обстановки в России, располагающей огромным арсеналом вооружений, включая оружие массового поражения, утрата контроля над которыми может иметь катастрофические последствия для всего человечества,

признавая необходимость политической стабилизации в обществе на основе строгого соблюдения законов и обеспечения общепринятых прав и свободы личности,

публично принимаем на себя взаимные обязательства о согласии во имя безопасности России:

1. Полностью исключить в своей деятельности призывы к насилию, попытки применения силы по отношению к законной власти, к своим политическим противникам, подталкивание к гражданской войне и межнациональной розни.

2. Вести политическую борьбу строго в рамках законов, добиваясь их улучшения или пересмотра для преодоления противоречий, возникающих в процессе их выполнения.

Попытки привлечь силовые структуры государства для поддержки политических программ и требований рассматривать как противоправные, безнравственные и бесперспективные.

В то же время считаем необходимым и оправданным решительное пресечение в рамках закона любых насильственных действий, направленных на достижение политических целей.

3. Считать целесообразным совместное рассмотрение исполнительными и законодательными органами государственной власти альтернатив политического, экономического и социального развития страны с широким привлечением политических и общественных сил.

В ближайшие 2—3 месяца вынести на обсуждение субъектов Федерации, политических партий и общественных организаций совместно разработанные основные принципы и проекты соглашений о выводе страны из кризиса, борьбе с инфляцией.

4. Воздерживаться от сепаратистских подходов в политическом и экономическом развитии субъектов Федерации, разрешая возникающие противоречия на основе договоренностей с федеральными органами власти.

5. Строго придерживаться в отношениях с республиками бывшего СССР политики укрепления их государственности, стабилизации межгосударственных отношений и укрепления взаимовыгодных экономических связей с ними, всячески пресекая действия, направленные на разжигание межнациональных конфликтов.

Призываем все политические силы и общественные движения к мораторию на проведение массовых митингов, демонстраций и других политических акций до октября текущего года, что должно способствовать усилиям правительства ослабить гнет кризиса. Мораторий может быть продлен при сохранении угроз безопасности России.

Приглашаем присоединиться к настоящей декларации представителей органов государственной власти, руководителей субъектов Федерации, экономических и хозяйственных структур, политические и общественные организации, средства массовой информации, всех, кому небезразлична судьба России, ее стабильность и безопасность.

В интервью радиостанции «Маяк» Степашин говорил тогда:

«Зампред Верховного Совета, большая часть председателей комитетов, два председателя палат Верховного Совета сделали шаг навстречу. И президент сделал шаг навстречу. Если этого не хочет делать Руслан Имранович, то он не председатель Российской Федерации, а всего лишь спикер парламента.

Мы предложили еще один вариант от нашего комитета, и нас поддержали тогда Ключков, Вольский, Дмитрий Сергеевич Лихачев, Жорес Алферов, наш ленинградец от Академии наук, ряд крупнейших промышленных и банковских ассоциаций, Лига оборонных предприятий, Юрий Яров, часть руководителей Верховного Совета, Егор Гайдар. Мы предложили создать на полгода некую хартию согласия. Там пять основных позиций, суть которых в том, чтобы до конца года, когда идет этот резкий конституционный процесс, когда правительству нужно дать возможность стабилизации, объявить некий мораторий на различного рода неконституционные действия в рамках тех или иных политических организаций, причем с обеих сторон. Борис Николаевич нас поддержал в этом. Естественно, это не панацея от всех бед. Это попытка стабилизировать в первую очередь политическую ситуацию».

Степашина угнетало то, что много его друзей, товарищей оказались втянутыми в это противостояние... Отчаявшись найти компромисс, возглавляемый им Комитет по обороне и безопасности складывает свои полномочия.

О том, что Степашин вернется в МБ, слухи ходили давно. Не ясно было только, в каком качестве. Не исключалось, что он сменит Николая Галушко на посту министра. А что? Человек новой формации, боевой офицер. Пройдет огонь и воду. Выдержал испытание в качестве председателя Комиссии по расследованию деятельности КГБ в период августа...

Назначение Сергея Степашина в сентябре 1993 года первым заместителем министра безопасности в конторе восприняли спокойно. Многие руководители знали его довольно хорошо, а характеристики людей к нему близких были самые лестные. На посту председателя Комитета по обороне и безопасности Верховного Совета он много сделал для системы. В критические для нее дни занимал принципиальную позицию, что было крайне рискованно на фоне демократического шаваша. С его помощью и при его непосредственном участии были реализованы практически все предложения, сформулированные для двух президентов в части нормативной базы. К нему было легко попасть на прием, и если просьба не носила откровенно «шкурного» характера, можно было рассчитывать на поддержку.

Особых авторитетов для него не существовало. В отличие от многих людей его уровня был демократичен, открыт и доступен.

«Я проработал в питерском управлении 9 месяцев, совмещая работу в Верховном Совете, — вспоминает Степашин. — Но Верховный Совет единогласно проголосовал, чтобы я остался толь-

ко председателем комитета. И мне пришлось с большим сожалением покинуть Питер, я помню, как меня провожали. Это было и торжественно, и трогательно. Естественно, возник вопрос преемственности. Баранников хотел поставить своего человека — кого-то из территориалов, то ли из Томска, то ли...

Я настоял, чтобы это был питерец. Было два кандидата — либо Григорьев, либо Черкесов. Но остановились на Черкесове, это был очень рискованный ход, но тогда я вообще рисковал, честно говоря. Впрочем, они были оба достойными этой должности».

Возвращение Степашина в систему было оправданно. Сам министр безопасности Николай Галушко сделал шаг. Он вышел с предложением к Ельцину с просьбой назначить Степашина первым заместителем. Время было непростое, противоречивое, и способность Степашина к компромиссам во многом могла облегчить жизнь Лубянки.

И уже утром на квартиру Степашина пришла машина, закрепленная за первым замом.

Одобрение аборигенов Лубянки имело еще и корыстный интерес. Указ президента № 1400 от 21 сентября 1993 года о роспуске Верховного Совета России требовал и от чекистов решительных действий. Но тбилисский и августовский синдромы были сильны в среде. «Черт знает, как все повернется?» Кроме того, в конторе было много людей, искренне симпатизировавших Верховному Совету. Не персонально кому-то, но именно органу власти, который

хоть в какой-то степени противостоял «самодурству» Ельцина.

В отношении президента Степашин тоже имел свою точку зрения, которую не скрывал. Это не значило, что он выступал с публичной критикой Ельцина, но был способен публично выразить свое мнение, отличное от других, четко показав, что с решением президента не согласен. Пока он был вне органов исполнительной власти, это сходило с рук. Скорее всего, у президента были оппоненты поопаснее. Система осведомителей у Ельцина была поставлена отменно, а искусство интриги при дворе президента было более совершенно, чем в семье короля Лир.

Как человек новый на Лубянке, Степашин оказался на острие проблемы. Впрочем, понимая всю ответственность, он не мог иначе.

Уже в качестве заместителя министра он несколько раз приезжает в Белый дом. Уговаривает, увещевает коллег прекратить противостояние. Эйфория предстоящего сражения заложила уши. Это было особенно опасно, потому что подвалы Белого дома ломились от оружия. После августа 1991 года по указанию самого Ельцина там был создан целый арсенал современного вооружения. Проходя по коридорам, Степашин чуть ли не на каждом шагу видел весьма сомнительные личности с мутными блуждающими глазами.

Все было как в августе. Истерия, ажиотаж... И хотя большинство искренне стремилось защитить свой Верховный Совет, агрессивные настроенные лица могли втянуть их в очень опасную игру.

Памятуя об уроках августа 1991 года, «белодомовцы» направляют в столичное управление МБ телеграмму за подписью Хасбулатова и Руцкого.

Досье

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА

Москва

*Управление Безопасности по Москве
и Московской области*

Вам надлежит незамедлительно предпринять исчерпывающие меры для обеспечения правопорядка и безопасности граждан строго соблюдать Конституцию и законы Российской Федерации Указом исполняющего обязанности Президента А. В. Руцкого от 22.09.93 г. НР 2 Вам предоставляются полномочия для пресечения любых противоправных действий в том числе и тех которые могут быть предприняты в связи с антиконституционным Указом Б. Н. Ельцина от 21 сентября 1993 г. НР 1400 об исполнении телеграфируйте

Исполняющий обязанности

Президента Российской Федерации

Председатель Верховного Совета

Российской Федерации

А. РУЦКОЙ

Р. ХАСБУЛАТОВ

По утрам Руцкой и Баранников обходили посты милиционеров, по приказу Ельцина блокировавших Белый дом, и, угрожая рас-

стрелом, требовали неподчинения командирам. Милиция демонстрировала свою решимость. Систематически вокруг мэрии, где находился штаб ГУВД, начинались какие-то угрожающие действия со стороны ОМОНа. Они бряцали оружием, бросались в автобусы, куда-то уезжали.

Это хорошо было видно из окон Белого дома. Там тоже все приходило в возбуждение. Во дворе маршировали баркашовцы, охрана занимала позиции.

Все повторялось. Но Ельцин не был бы Ельциным, если бы не усвоил уроков прошлого. Он знал по августу 1991 года, что решимость рядовых и необученных — только до первого выстрела. И находясь в Кремле, он знал, что всей этой демонстрируемой депутатами агрессии грош цена.

Ставка делалась на милицию и военных. Лубянка, незадолго до этого лишившаяся последнего своего силового подразделения «Вымпел», была не в счет.

Особенно тревожно было за Баранникова. Честный, но невероятно наивный и неискушенный в политике генерал стал жертвой многих обстоятельств. И хотя кое-кто имел о нем свое мнение, Степашин относился к нему по-доброму.

Прибыв в очередной раз в Белый дом, Степашин буквально прорвался в кабинет бывшего (де-юре), но действующего де-факто министра безопасности.

«Это было рано утром.

— Собирайся, поехали, — говорю Баранникову.

— Ты чего, с ума сошел?

— Все, кончай ерундой заниматься.

Он растерялся.

— Подожди, я сейчас ребят соберу, вместе поедем.

Баранников почувствовал какое-то облегчение. Тут важно было напора не терять.

Я говорю:

— Все, давай собирайся, поехали.

Баранников оделся, вместе со мной вышел.

Я посадил его в свою машину, все так растерянно на меня посмотрели, потом мне уже доложили, какой была реакция Руцкого на то, что Степашин увез Баранникова: «Почему не задержали?..»

Я увез Баранникова на Старую площадь. Доезжаем туда, проходим в кабинет Черномырдина. Тот расплылся в улыбке.

— Палыч! Молодец.

Дальше ЧВС выразил свой восторг в свойственной ему манере, вспомнив родственников и Руцкого, и Хасбулатова. От восторга в его словах не было ни одного цензурного слова.

Налили чай, по стопочке коньячку выпили. Смотрю, Баранников расцвел и попросил позвонить Ельцину.

Я говорю по телефону:

— Борис Николаевич, Баранников с нами...

Тот:

— Я все слышал, я — вами доволен.

А потом была допущена ошибка и моя, и Баранникова. Он говорит:

— Я сейчас съезжу в Белый дом, заберу и Андрея Дунаева.

Я говорю:

— Не надо, Виктор. Позвони, пускай сами выезжают.

Он мне:

— Ну что, ты мне не доверяешь?

Дал ему свою машину, он уехал туда, и все».

О Баранникове Степашин потом вспоминал часто. «Человек он был доступный и легко иногда поддавался внушению, но нормальный был мужик. Концовка, правда, достаточно тяжелая. Когда меня уже сняли, я еще 3 или 4 недели жил на директорской даче. Пошли на лодке кататься, смотрю — Баранников с велосипедом и удочкой на берегу стоит. Обнялись, поговорили...

— Ничего, все нормально, — говорит...

А потом нелепая смерть... Неожиданно как-то и непонятно.

Для Баранникова, наверное, самым большим потрясением было, когда 4 октября его арестовал человек, к которому он относился с уважением, — генерал-лейтенант Анатолий Трофимов. И лично своего бывшего шефа привез в «Лефортово».

Сергей Степашин до последнего верил в возможность мирного исхода, но стороны примирения не желали. И для Ельцина, и для Хасбулатова оно, по их мнению, могло означать политическую смерть, всеобщее забвение и презрение своих сторонников. Они шли ва-банк...

Нарастание напряженности, развязка и конец противостояния прекрасно видны из меморандума, который вел дежурный столичного управления МБ.

Досье

3—4 октября 1993 года

10.55. У Белого дома все спокойно.

11.30. Ул. Заморенова — до 30 человек, пл. Смоленская — до 30 человек, м. «Баррикадная» — до 40 человек.

11.37. Музей Ленина — до 100 человек «Трудовой Москвы», кричат: «Мы им дали».

11.42. Старый Арбат, ближе к Смоленской площади — до 100 человек, Калужская пл. — до 60 человек, Смоленская пл. — до 50 человек.

12.45. Смоленская пл. — до 100—150 человек. Белый дом — тихо.

«Практически все время после назначения зам. министра я провел в кабинете на Лубянке, — вспоминает Степашин, — 12 дней. Те же женщины, что и в сентябре 1991 года, во время работы Комиссии по расследованию деятельности КГБ, приносили чай, те же дежурные. Словно не прошло двух лет.

3 октября поздно вечером мне доложили, что ряд депутатов приехали на Лубянку, собрались в кабинете у Галушко. Нелепость!

Кто разрешил? Что здесь — политклуб? Дежурным — по полной программе. Это так вы понимаете усиление несения службы? Прихо-

дит кто хочет? Кто хочет заходит в кабинет министра? Что такое?

И я пошел туда. Захожу. В кабинете (Галушко в это время был на совещании у Ельцина) — Сергей Бабурин и еще два депутата проводят совещание. Дикость.

Увидев меня, начинают: «Вы за кого? За белых или за красных?»

Меня это взбесило. Сколько можно втягивать в политику армию и спецслужбы? «Не надоело? — спрашиваю. — Если что по существу хотите сказать, то, пожалуйста. Но без митингов и без агитации». Они поняли, что разговора не получится. «Ладно, друзья, поезжайте в свой Верховный Совет и не лезьте к органам. Если вы через пятнадцать минут не покинете Лубянку, я вас задержу!» Они ушли недовольные, присутствовавшие там мои коллеги разошлись по рабочим местам. Потом я сел в кабинете Галушко и не уходил оттуда, находясь на связи. Понимая сложность обстановки, я связался с главкомом погранвойск Андреем Николаевым и попросил выделить силы для охраны здания Министерства безопасности (своих сил просто не было, а быть уверенным в здравомыслии шпаны я не мог).

Сначала Галушко позвонил, потом Черномырдин, потом Ельцин, я докладывал обо всем, что происходило в стране».

Впрочем, в стране мало что происходило. Люди жили своей жизнью, своими многочисленными проблемами, взирая на происходящее в столице по пословице «Паны дерутся, а у

холопов лбы трещат». Опухоль находилась в Москве на Краснопресненской набережной.

12.25. М. «Октябрьская-кольцевая» — задержан 1 человек. Имел дымовую шашку. Октябрьская площадь, д. 1 — во дворе якобы изготавливают бутылки с бензином.

14.00. До 150 человек с Октябрьской пл. двинулись по Ленинскому пр-ту от центра. Пл. Смоленская, пл. Октябрьская зачищена МВД.

14.26. До 3,5 тыс. человек на Октябрьской пл. Двинулись к Парку культуры, прорвав оцепление.

14.50. От Крымского моста к Зубовскому бульвару прорвали оцепление. МВД намерено применить спецсредства. Возможно движение к Белому дому примерно 1500 человек. До 3 тыс. человек на Зубовской площади бросают кирпичи, камни. МВД отступает.

15.05. С Белого дома сняли силы МВД и направили к Смоленской пл.

15.10. 3—5 тыс. человек на Смоленской пл. сторонников ВС РФ, МВД применяет «Черемуху».

15.16. До 5 тыс. человек смяли кордоны, идут по Калининскому пр-ту, «Черемуха» не помогает, а также водометы.

15.21. От пл. Восстания ОМОН с автоматами, тягачами, грейдеры, краны. Идут по Калининскому и вышли в сторону Белого дома.

15.23. У Смоленской тяжело ранен сотрудник милиции.

15.28. У Белого дома прорван кордон — идет стрельба.

15.30. Войска стреляют холостыми.

15.38. В два места «скорую» — Крымский мост, Октябрьская пл.

15.51. Пл. Восстания — остановлена а/м КамАЗ 52-26 ПСН, которая, по их словам, давила солдат. ОМОН задержал водителей и отправил на Петровку, 38.

15.57. Идет митинг у Белого дома — до 5 тыс. человек.

16.14. У Белого дома идет митинг. Руцкой призвал идти на захват мэрии и телевидения. 25 автомашин с ОМОНОм в районе Девятинского переулка. Все стекла у а/м ОМОНа выбиты.

16.25. ОМОН выехал, перегородил Садовое кольцо в сторону пл. Восстания, впереди БТР, на набережной 3 БТР.

16.38. Взяли мэрию, милиция бежит.

16.41. По данным дежурного управления Западного округа (Топаева), личный состав милиции поднят по сигналу «Заря» в 16.25.

16.43. Примерно 1–2 тыс. человек движутся в сторону пл. Восстания, Маяковского. ОМОН отступает.

16.54. ОМОН снялся. Осаду сняли с Белого дома.

17.44. Движутся в сторону Останкина, впереди 4 БТР, прошли пл. Маяковского. Блокада Белого дома снята, примерно 8 тыс. человек у здания ВС РФ («Трудовая Москва»).

17.49. По данным дежурного Дзержинского РУВД, по ул. Королева 6–8 а/м и БТР движутся в сторону Останкина.

18.08. Примерно 10 тыс. человек от Белого дома снялась и пошла на Останкино. У Белого дома никого нет.

18.30. Из Кантемировской дивизии в сторону

Москвы направились около 30 машин, в которых 400 автоматчиков. Место дислокации в Москве — штаб Сухопутных войск. Таманская и Кантемировская подняты по тревоге.

18.37. Усиление дежурств МБ, дежурным остаться на ночь в окружных отделах и службах.

18.45. Ул. Королева перекрыта силами ОМОНа и милиции.

19.00. Около 3 тыс. человек у Останкина, народ прибывает. Наряды милиции внутри здания.

19.34. ОПУ. У Белого дома — митинг, более 5 тыс. человек. Формируются отряды для взятия Останкина.

20.08. Разоружено Управление особых отделов МВО (Кропоткинская ул.). Взяли 7 автоматов АКМ и 3 пистолета ПМ.

20.59. АТС № 209 (Анастасьевский пер.). Группа вооруженных людей якобы во главе с майором Усачевым захватила АТС и требует подключить АТС № 205, которое работает на Белый дом. Аналогичные действия на Миусском телефонном узле.

21.18. Сл. БТС — АТС № 252, захвачено здание (Заморенова, 11) группой вооруженных лиц (во главе якобы майор Сычев), требуют подключить АТС № 205.

22.00. Идет стрельба у телецентра.

22.08. Горят 1—2-й этажи аппаратной телестудии «Останкино».

22.36. Указание т. т. Севостьянова Е. В., Царенко А. В. (руководители столичного управления МБ. — Авт.) вызвать на работу всю следслужбу управления.

22.55. Якобы «Останкино» освобождено силами сторонников Президента.

22.58. 7–8 а/м окружили Краснопресненское РУВД. ГУВД направили усиление на площадь, нападавшие разбежались.

ГУВД — 21 БТР по Ленинскому пр-ту, по Ярославскому шоссе — 30 БТР, по Ленинскому пр. 36 а/м с ОМСДОНОм идут в сторону Москвы.

23.51. На Старой пл. примерно 8 тыс. человек сторонников президента, идет митинг.

00.10. 04.10.93 г. ГУВД — Митинг сторонников Президента закончился, все разошлись на строительство баррикад вокруг объектов жизнеобеспечения города.

00.40. ГУВД — На Советской пл. примерно 5 тыс. человек сторонников президента, идет митинг, строятся баррикады.

02.37. ГУВД — У Белого дома все спокойно. На площади народа нет. «Останкино» — 1-й этаж освобожден силами сторонников президента. В здании 2–3 боевика. ОМОН и подвижные милицейские группы рассеивают боевиков вокруг здания телецентра.

02.45. Лица фашиствующей молодежи намерены захватить здание Октябрьского райсовета.

02.51. Воскресенск, Одинцово, Химки — все спокойно.

3.00. Щелково — в 2 час. 30 мин. был обстрелян неизвестным пост ГАИ в районе Богородского лесничества. Жертв нет. Органы МВД проводят расследование.

03.02. Из в/ч 72175 на а/м сбежало 22 человека с оружием на защиту Белого дома. 14 человек задержано вместе с машиной, 6 человек скрылось, 2 вернулись в часть.

03.05. Истра, Калининград, Зеленоград — все нормально.

03.07. Сергиев Посад — в 2 часа 00 минут из г. Красноармейска была угнана а/м ГАЗ-66, угонщиками обстреляны автомашины ГАИ и ПМГ. Скрылись в сторону Москвы.

03.22. Восточный округ — все спокойно.

03.49. Со стороны Тверской улицы идет толпа в количестве примерно 400 человек. Много пьяных, впереди а/м КамАЗ. ОМОН и наряды милиции перекрывают им путь на 5-й ул. Ямского поля.

04.07. Люберцы — все спокойно.

04.15. В здание префектуры Южного округа (ул. Автозаводская, д. 10 а) прорываются неизвестные лица.

В 05.10 нападавшие (около 40 человек) разбегались на 8 легковых автомашинах.

7.10. Слышны автоматные очереди в районе здания Верховного Совета, 20 БТР прошли в сторону ул. 1905 года.

7.31. Юго-Восточный округ — все нормально.

7.48. Раменское, Орехово-Зуево — все нормально.

7.57. Зеленоград — на 33-м км от Москвы задержана группа Невзорова и 7 человек охраны (информация не проверена).

8.00. Можайск, Ногинск, Химки, Истра, Одинцово, Ступино, Красногорск, Клин, Воскресенск, Жуковский, Восточный округ — все спокойно.

8.30. Рейс № 228 (Омск — Москва), анонимный звонок, что якобы на борту взрывное устройство. Информация уточняется.

8.48. Принято решение посадить самолет в г. Новосибирске. В самолете Ту-154 находится 100 сотрудников милиции и 60 гражданских лиц.

8.52. Электросталь, Серпухов — все нормально.

9.33. В 9.20 по Котельнической набережной в сторону Кремля и Белого дома проследовали грузовые автомашины КамАЗ, ЗИЛ с морскими контейнерами.

9.50. Белый дом. Выкинут белый флаг, много раненых женщин, детей, просили организовать переговоры с Черномырдиным.

9.57. Белый дом — команда прекратить огонь, выходить через 20-й подъезд.

9.41. ГУВД — по «02» позвонил неизвестный и заявил: «В здании Госстандартов (Ленинский пр-т) заложена взрывчатая пластина».

10.11. В ГУВД позвонила директор школы № 38 (Житная ул., д. 6) и сообщила, что к ней пришли двое неизвестных и в разговоре по телефону заявили: «Сейчас собирается колонна и мы двинем».

10.30. Из здания ЦМТ ведется интенсивный огонь.

10.45. На Комсомольском проспекте у дома 38 у кооперативной палатки стоит мужчина (35–40 лет), собирает мальчиков (15–16 лет), выдает бутылки с горючей смесью для того, чтобы бросать их в военную технику.

11.03. На ул. Веснина замечены 15 человек с зелеными повязками. Имеют при себе 4 автомата, пулемет. Направляются к Белому дому.

11.06. На Бородинском мосту толпа до 1 тыс. человек.

11.09. 18-я мотострелковая бригада по указанию МО получает боекомплект и готовится для выдвижения в Москву. Ориентировочное время — 16.00. 23 БМП, 11 танков Т-80, 5 са-

моходных зенитных установок, численность 574 человека. По данным Особого отдела, личный состав колеблется. По данным начальника штаба МВО генерал-лейтенанта Зотова, информация ложная.

11.20. В здание префектуры Южного округа хотят проникнуть 8 представителей «Союза офицеров». При себе имеют 4 автомата. В 11.30 ушли.

11.23. По телефону «02» позвонил неизвестный: «В 12.00 будет взорвано метро».

11.35. Ул. Чайковского, д. 12 — с крыши стреляют по толпе.

12.06. В Наро-Фоминском районе, дер. Крешкино, в 11.30 замечен автобус с боевиками из Белого дома.

12.20. Ведутся переговоры о сдаче.

13.00. ГУВД — Попытка прорыва людей к Белому дому.

14.18. ГУВД — 2-я Тверская-Ямская, д. 12, стрельба (якобы проживает президент). Стрельба была в 5-м подъезде.

14.25. На строящемся объекте Внешэкономбанка (проспект Сахарова, д. 9) в контейнере обнаружена женская сумка. По заключению кинолога, в ней находится взрывное устройство. На место направлена ОСГ. (Вскрыли, ничего не оказалось.)

14.41. К Белому дому прибыл министр обороны для ведения переговоров.

15.25. Анонимный звонок в отдел транспортной милиции о том, что будет взорван Савеловский вокзал.

15.44. По телефону «02» позвонил неизвестный и заявил: «Сегодня в 23.30 будет захват гос-

тиницы «Россия», 400 человек приедут на автобусах с автоматами и гранатами».

16.19. В 12.00 в туалетной комнате здания администрации города Сергиев Посад оперработником обнаружена авиационная кассетная бомба. Изъята, передана военным пиротехникам.

17.07. Из Белого дома выходят люди.

17.20. Н. Арбат, в доме с магазином «Сирень», на 9-м этаже в кв. 91 ранена женщина.

17.32. Ул. 1905 года у дома 7, издательство «Московская правда», идет стрельба.

17.34. Ул. Н. Арбат, на крыше здания, где расположен магазин «Малахитовая шкатулка», находятся 7 гражданских лиц с автоматами, маскируются.

18.00. ГУВД — Всем начальникам участков, сотрудникам милиции отдана команда прекратить стрельбу, двигаться в сторону штаба.

18.25. ГУВД — На ул. 1905 года очень много пострадавших.

19.10. ГУВД — Ул. Брестская, д. 7, стрельба из БТР.

19.18. ГУВД — Необходимо направить машины для сбора трупов.

19.20. ГУВД — Личный состав милиции, не задействованный на участках оцепления, и резерв собрать, направить в округа для получения новых задач.

20.00. ГУВД — У метро «Смоленская» собралось до 200 человек молодежи, ведут себя агрессивно. Информация не подтвердилась.

Позиция, в которой оказалось Министерство безопасности после октября, вызвало

двойственную реакцию в Кремле. Вроде все делалось так, как должно быть. Сбор информации, анализ, прогноз развития ситуации, но... Особенно усердствовали, формируя отношение к Лубянке, люди Коржакова.

Несколько раз министр получал выволочку от президента. Самый тяжелый разговор был после выборов в Государственную думу, на которых победили жириновцы и коммунисты. Присутствовавший при этом Степашин вспоминает, как изменялся в лице Николай Галушко, выслушивая разнос от Ельцина. Это было тем более странно, так как накануне выборов МБ направило президенту записку, в которой на основе серьезного анализа был предсказан исход будущих выборов. И победа коммунистов, и триумф Жириновского. Кремлевские чиновники не решились нести его президенту, опасаясь неадекватной реакции. По прошествии длительного времени президент все-таки ознакомился с этим документом. Как утверждают очевидцы, он даже бросил фразу: «Если бы я читал этот документ раньше, то, может быть, подумал над указом о расформировании МБ».

Расстроенный свалившимися на него невзгодами Галушко принял решение и написал рапорт об отставке. Рапорт не был удовлетворен. Но тучи над Лубянкой сгустились в очередной раз.

РАЗВОД ПО-ПРЕЗИДЕНТСКИ

Избавь нас, Господи, жить в эпоху больших перемен.

Народная мудрость

Октябрь серьезно осложнил отношения президента и Лубянки. Смутные подозрения о ненадежности системы, которая в тревожные для него дни занимала выжидательную позицию, нашли свое подтверждение. Несмотря на информацию, которая постоянно шла из дома 2, чувствовалась настороженность и отстраненность. Президент понимал, что в сложной ситуации действия контрразведчиков могут быть непредсказуемыми. Во всяком случае, активности они не проявляли, оставаясь над схваткой. В те дни разбираться с ними было некогда.

Растерянность министра безопасности Галушко, который предпочитал отмалчиваться, формально демонстрируя поддержку президенту, была очевидна. Он тоже, судя по всему, не знал, на кого ему придется опереться, если дело дойдет до драки. На его лице постоянно присутствовала вся гамма чувств — от опасений до отчаяния. Наверное, если бы Ельцин удовлетворил его рапорт об отставке, Николай Михайлович был бы самым счастливым человеком.

Более предсказуемыми были люди из окружения Ельцина — А. Коржаков и М. Барсуков, сосредоточившие в своих руках все спецподразделения, которыми можно было решить задачу. И решимость, с какой они предлагали свои планы по разгону Верховного Совета, носила исключительно прагматичный характер. От силы до власти — один шаг.

Был предсказуем и Степашин. Но годы работы депутатом сделали его больше политиком, чем терминатором, бездумно выполняющим приказы. Он умел договариваться. Он мог договориться о правилах игры практически с любым вменяемым человеком.

Но президенту тогда было не до переговоров. Он спешил.

Копоть покрыла не только стены Белого дома. Она жирным слоем легла на репутацию и самого президента, и всей страны.

Втайне проведенные награждения наиболее активных участников многих повязали кровью. И даже те, кто не принимал участия в расстреле, были «обласканы» впрок.

Степашин же, как впоследствии оказалось, после публичного расстрела парламента выписал более 50 «справок» депутатам, волею случая оказавшимся в Верховном Совете, о том, что они находились там «по его (первого заместителя МБ) заданию». Только так можно было спасти их от шельмования и неприятностей.

На Лубянке наступило затишье. Разрубленный узел снял с душ ее обитателей неподъемный груз, оставив в сердцах досаду и горечь.

Можно было приниматься за работу.

В декабре 1993 года, когда уже рассосались страсти октября, когда отмыли от копоты стены Дома правительства, а сам дом обнесли забором, за которым суетились турки и югославы, неожиданно для чекистов грянул очередной гром.

18 декабря 1993 года министр безопасности Николай Галушко вместе со Степашиным были приглашены в Кремль. Причина вызова им была неизвестна, но и тот и другой готовились к чему-то переломному. Галушко признался, что не исключен акт передачи жезла. О возможном назначении нового министра уже поговаривали, все чаще называя фамилию преемника — Степашин.

Но президент был непредсказуем. Перед руководителями Лубянки был положен проект нового указа. В отличие от многих других он был литературно обработан и больше напоминал листовку периода начала девяностых.

УКАЗ

*об упразднении Министерства безопасности
и создании Федеральной службы контрразведки
Российской Федерации*

*Система органов ВЧК—ОГПУ—НКВД—НКГБ—
МГБ—КГБ—МБ оказалась нереформируемой.*

*Предпринимаемые в последние годы попытки
реорганизации носили в основном внешний, косме-
тический характер. К настоящему времени
стратегическая концепция обеспечения государ-
ственной безопасности Российской Федерации у
Министерства безопасности Российской Феде-*

рации отсутствует. Контрразведывательная работа ослаблена. Система политического сыска законсервирована и легко может быть воссоздана.

На фоне происходящих в России демократических, конституционных преобразований существующая система обеспечения безопасности Российской Федерации изжила себя, неэффективна, обременительна для государственного бюджета, является сдерживающим фактором проведения политических и экономических реформ.

С целью создания надежной системы государственной безопасности Российской Федерации постановляю:

1. Упразднить Министерство безопасности Российской Федерации.

2. Создать Федеральную службу контрразведки Российской Федерации.

3. Установить, что Федеральную службу контрразведки Российской Федерации возглавляет директор в ранге министра Российской Федерации и что он подчинен непосредственно Президенту Российской Федерации.

4. Назначить Галушко Н. М. директором Федеральной службы контрразведки Российской Федерации.

5. Директору Федеральной службы контрразведки Российской Федерации Галушко Н. М. в двухнедельный срок разработать и представить на утверждение Президенту Российской Федерации Положение о Федеральной службе контрразведки Российской Федерации.

6. Установить, что сотрудники Министерства безопасности Российской Федерации и под-

ведомственных ему органов и организаций считаются временно проходящими службу в Федеральной службе контрразведки Российской Федерации до прохождения ими аттестации, необходимой для зачисления в штаты Федеральной службы контрразведки Российской Федерации.

7. Настоящий Указ вступает в силу с момента подписания.

*Президент
Российской Федерации*

Б. ЕЛЬЦИН

Это было неожиданно. К бродившим слухам о возможной реформе МБ на Лубянке относились скептически. Что реформировать? Демонтированная в 1991 году система усилиями оставшихся чекистов начала работать. Появились результаты, и на фоне происходящих событий, неплохие. Стал меняться имидж системы. Она стала более открытой и в некоторой степени либеральной, как может стать спецслужба на историческом переломе.

Было понятно, что раздражение Ельцина в отношении Лубянки кем-то умело подогревалось, но... Затянувшуюся паузу прервал сам президент: «Вот так, понимаешь...»

Разговор был связан с некоторыми формулировками и сроками реализации перекройки Министерства безопасности в Федеральную службу контрразведки. Те же яйца, только в профиль, как впоследствии говорили на Лубянке.

Пытаясь выйти из положения, а это было довольно сложно, так как ничего нового в задачах не было, стали искать выход. Хорошо, переименуем управления, добавив слово «контр-

разведка». Ну и что? Галушко, который сидел, словно на раскаленной сковородке, после помещения в «Лефортово» участников октябрьских событий, решение видел одно — спецслужба не должна иметь своего следствия, а значит, и собственного СИЗО. Степашин настаивал на обратном.

Вернувшись на Лубянку, они выпили по стакану водки и, удрученные, разъехались по домам. На душе было гадко и противно.

Ситуация зависла до 5 января. Центральный аппарат день и ночь разрабатывал новую структуру, новое положение. Все оказались за скобками, а точнее — за штатом. Ни проводить следственные действия, ни подписывать бумаги никто не имел права. Через пару дней президент все-таки назначил еще двух руководителей — начальника Управления кадров, начальника ФИНО. Но через три дня пришлось столкнуться с проблемой серьезнее.

В Ростове группой вооруженных преступников были захвачены учащиеся одной из школ. Террористы требовали денег, беспрепятственного выезда за пределы Ростова, вертолет с экипажем. По классической схеме плана «Набат» старшим оперативным начальником должен был стать начальник Управления безопасности по Ростовской области генерал Кузнецов. Но он уже не был начальником, находясь за штатом. Не могли принимать участие и его подчиненные, так как уже не были должностными лицами. Стройная система полетела в тартарары. Руководить операцией пытались все, кому не лень. Созданный в Москве штаб

во главе с Олегом Сосковцом мало что мог решить.

В конце концов штурвал взял на себя губернатор области Чуб.

Неразбериха, безответственность, откровенное предательство...

Переговоры были поручены постороннему человеку — доверенному лицу бывшего министра иностранных дел Козырева — Валентине Петренко. Эта дама, непонятно кем назначенная для ведения переговоров, стала вмешиваться в работу штаба, подыгрывая террористам, диктовать условия участникам операции, а в конце концов, не задумываясь, что все ее переговоры под контролем, просто стала сдавать информацию. Контролеры не поверили своим ушам, когда она сообщила бандитам, что с ними вел переговоры не государственный чиновник, а командир группы «Альфа» генерал Геннадий Зайцев, что уже готовится штурм вертолета и их ликвидация... Это было больше чем предательство.

Три тревожных дня показали всю порочность подобных волонтаристских реорганизаций, но уроком не стали...

5 января 1994 год кончились ожидания. Президент, скорее всего чуть остывший и трезво взглянувший на ситуацию, подписал Положение о ФСК. В течение трех месяцев путем переаттестации должен был быть переназначен весь руководящий состав. Безусловно, это носило на первый взгляд косметический характер. Наиболее одиозные личности давно покинули стены Лубянки, а потому сама переаттестация прошла без сенсаций. Практически все

остались на своих местах, за исключением тех, кто сам написал рапорт об увольнении. Таких было много. Людям просто надоели эти эксперименты. Надоело самодурство вождей и их прихлебателей в Кремле. Для них было ясно, что президент просто не даст никому на Лубянке нормально работать, потому что безопасность России для него пустой звук... Как человек, не прослуживший в армии ни дня, он любил принимать доклады военачальников, любил себя называть Верховным главнокомандующим, но делать что-то во благо своей армии и своих спецслужб не хотел. И чекисты это знали.

Для многих переаттестация была серьезным испытанием. Люди почувствовали угрозу.. Сколько сил и энергии пришлось затратить и самому Степашину, и начальнику Управления кадров, чтобы успокоить людей, сегодня даже трудно себе представить. Им верили и не верили. Сомневались в их силах. Многим казалось, что все уже predetermined, что все уже решено, а сама аттестационная комиссия имеет исключительно декоративный характер.

Так считали те, кто отчаялся биться головой о кремлевскую стену.

Среди тех, кто не дожил на своей должности до окончания аттестации, был и сам Николай Михайлович Галушко. Октябрьские события напомнили о себе. В феврале 1994 года Государственная дума приняла Закон об амнистии участников октябрьских событий. Генеральный прокурор Алексей Казанник выполнил это решение точно и в срок. Он лично позвонил начальнику Лефортовского след-

ственного изолятора и отдал распоряжение — арестованных освободить. Ни Галушко, никто другой не могли отменить закон. Узники оказались на свободе. На «свободе» оказались и исполнители воли закона — А. Казанник и Н. Галушко.

Узнавший об освобождении «октябрят», как называли участников тех событий в Кремле, Ельцин устроил директору ФСК форменный разнос. После таких слов президента остается один выход — отставка. Но рапорт Николая Галушко не успел дойти до Кремля, как на Лубянку привезли указ. Он был написан в очень жестких формулировках, которые были скорректированы при участии Юрия Батурина — помощника президента по национальной безопасности.

В течение нескольких дней после отставки Галушко Степашин исполнял обязанности директора ФСК. Указа о назначении не было, и потому он выполнял эти обязанности по должности первого зама. Накануне заседания Совета безопасности ему позвонил помощник президента Ильюшин и поздравил с днем рождения. После обмена любезностями Степашин спросил, кто будет представлять завтра на совещании ФСК. Тот сказал, что завтра будет ясно.

Неопределенность в очередной раз создала напряженность в руководстве конторы. Отставка Галушко никого не удивила. Еще на стадии его назначения многие были обескуражены этим решением президента. Галушко как человек старой системы с трудом приспособился к новым задачам и новым подходам, тем

паче, что некоторые носили, мягко говоря, не очень правовой характер. Кто-кто, а Галушко знал, что отступление закона от человеческих принципов могло настичь посягнувших на них через годы. Пример Чаушеску, Хонеккера, Пиночета, не говоря уже о судьбах руководителей ВЧК—ОГПУ—НКВД. От великого до смешного один шаг только у французов. В России величие часто сменяется сначала уголовным делом, а потом презрением и забвением.

А зная это, он мучился, осознавая себя заложником. Заложником президента. Скорее всего, понимал это и Ельцин, сделав тогда Николая Галушко лицом переходного периода.

В принципе все привыкли к таким поворотам, но многие определяли свою дальнейшую судьбу в зависимости от того, кто будет главой Лубянки. Слухи ходили разные. Шел разговор и о том, что придет кто-то со стороны, что может возглавить службу шеф столичного управления Евгений Савостьянов. Знавшие его близко, видели в нем разумного человека. Те, кто наблюдал за ним со стороны, за два года так и не смогли смириться с его демократическими взглядами, смелостью суждений и неординарностью подходов. Впрочем, все было относительно. Даже к своим противникам он относился с сочувствием, демонстрируя приязнь и незлопамятность.

«Пострадавшие» после августа генералы из столичного управления могли в этом убедиться. Кое-кому он помог лично, несмотря на прежнюю предубежденность.

Даже его друзья по демократическим тусовкам неожиданно почувствовали в нем весьма

непростого человека, с которым, несмотря на близость взглядов, сложно договориться. Его приход в качестве шефа столичной охраны не ознаменовался полной, в их понимании, победой демократии. Архивы, к которым стремились многие из них, были закрыты на несколько замков, а последовательность в доведении до логического завершения уголовных дел просто удивила. Но назначение Савостьянова, безусловно, могло сказаться на настроениях в ФСК. Многие в центральном аппарате его просто не переносили, что отражалось и на отношениях с самим столичным управлением.

Но более часто звучавшей кандидатурой была фамилия Сергея Степашина.

Утром следующего дня, как и было обещано, раздался звонок Виктора Ильюшина, который сообщил Степашину, что подписан указ о его назначении директором ФСК.

На Совете безопасности президент коротко его представил и сказал, что нужно работать более жестко и сделать выводы из недостатков предшественника. За что сняли Галушко, было понятно. Ельцин не мог простить, что тот по амнистии выпустил участников октябрьских событий из «Лефортова». После заседания Совбеза Ельцин очертил задачи, которые стоят перед службой, но говорил совершенно очевидные вещи. Пользуясь сиюминутным расположением президента, Степашин оговорил льготы, которые было бы целесообразно оставить за бывшим директором. Поморщившись, президент начертил на заранее заготовленном документе «Согласен». За прошедшие дни он несколько поостыл, реально взвесил случив-

шеется и понял, что все выглядит несколько нелепо.

Степашин вспоминает: «Ельцин часто остывал внешне, но внутренне он все носил в себе. Для него была важна задача, а не человек. Я думаю, он очень переживал сам процесс отставок, но очень не любил сообщать кому-либо об их уходе с работы. Даже когда снимали меня, Ерина, были наши рапорты, но не он нам сказал об указе, а Ильюшин.

Также было с Грачевым, с Козыревым, Черномырдиным. Со мной и Примаковым, когда мы были руководителями правительства, было по-другому. Он очень этим тяготился. Я думаю, на него отложили отпечаток события 87-го года, когда с ним поступили по-свински. Хотя, я еще раз хочу подчеркнуть, для него главное было — цель и задача, а что касается людей в этой связи — они были чисто материалом».

Назначение Степашина новым директором Лубянка приняла спокойно. Хотя кое-кто по-прежнему относился к нему с предубеждением, кое-кто с иронией, не считая его высоким профессионалом. Да собственно он на этом и не настаивал, сразу обозначив, что для него главным было оставаться политической фигурой, которая способствует эффективной работе профессионалов, которых тогда на Лубянке было немало.

Коренные назначения уже состоялись в процессе прошедшей аттестации. Многие были сделаны еще его предшественником и, естественно, без согласования с первым замом. Кое-кто удержался благодаря связям в Кремле. Впрочем, вспоминая о своих коллегах, Степа-

шин убежден, что с каждым из них можно было работать. Что касается симпатий и антипатий, то он их отметил, рассматривая лишь человеческие и деловые качества. До сих пор он вспоминает о своих коллегах с теплотой, как о людях сложных, но безусловных личностях, с которыми было интересно работать.

30 марта состоялось первое заседание коллегии ФСК. Обсуждалось несколько вопросов, но один привлек наибольшее внимание — защита стратегических объектов. Помимо собственно оперативного обслуживания, на ФСК были возложены и контрдиверсионные функции. Но последние годы прошли под знаком лишения органов госбезопасности силовых функций. После августа группа «А» Седьмого управления КГБ СССР была передана в ГУО (Главное управление охраны) под руководство Михаила Барсукова. Накануне октябрьских событий в МВД было передано подразделение «Вымпел», которое специализировалось на выполнении антитеррористических и антидиверсионных задач. Бойцы «Вымпела» могли освобождать заложников не только в самолетах, поездах и автобусах. Они могли освобождать их даже на атомных электростанциях и морских судах. При этом группы поднимались на борт прямо из воды. Дельтапланеристы группы могли бесшумно и неожиданно для террористов прямо с неба опуститься на головы бандитов. Что преследовал и чем руководствовался Ельцин, передавая это подразделение в МВД, остается догадываться. Но эффект от такого решения был непредсказуем для его аналитиков. ВСЕ(!)

офицеры написали рапорты об увольнении. Ельцину было не понять, что человек, поступивший на службу в КГБ, неохотно менял свою фуражку на милицейскую. Тем более в принудительном порядке.

В ФСК не осталось ни одной профессиональной структуры, способной решать такие задачи. К теме возвращения «Альфы» и «Вымпела» в альма-матер Степашин возвращался не раз. Но каждый раз получал отказ. Тогда он решил создать собственную структуру. Ее возглавил бывший командир «Вымпела» генерал Герасимов. И в нее стали вливаться оставшиеся не у дел бывшие «вымпеловцы».

Внизу шли переназначения, носившие косметический характер, а потому серьезных проблем не вызывавшие. С апреля система заработала в нормальном режиме. Хорошие заделы, имевшиеся еще со времен МБ, сразу дали результат. Несколько арестов иностранных агентов всколыхнули атмосферу вокруг конторы. Были реализованы серьезные разработки на участке борьбы с экономическими преступлениями. Впервые ЧК всерьез занялась строениями финансовых пирамид, попал в поле зрения Мавроди и его команда, по которым совместно с МВД и налоговой полицией велась очень серьезная работа.

На два месяца удалось, убеждая президента, задержать Указ об акционировании ОРТ. Степашин писал: «Потеря государственного телевидения может привести к необратимым процессам с точки зрения информационной безопасности». Были предсказаны и иные проблемы, которые могут возникнуть в связи с

утратой влияния. Чекисты понимали, что нередко создание акционерных обществ носило исключительно спекулятивный характер — купить дешево, продать дорого. Тем более что элементарный расчет показывал, что только государство в состоянии без жертв и потрясений гарантировать стабильную работу такого организма, как телевидение. Расчет на прибыль от рекламы... Всем было известно, что большая прибыль от нее идет черным налогом в карман многих коррумпированных чиновников, не попадая в карман государства. А потому такая ожесточенная борьба развернулась за канал. Смерть Листьева была тому подтверждением.

Все, что произошло позже, было предсказано еще в 1994 году. К сожалению, противная сторона обыграла чекистов, обыграла здравый смысл. Указ об акционировании все-таки был подписан.

Примечательно, что в июле 1999 года самому Степашину пришлось разгребать последствия опрометчивого указа. Пришедший к нему на прием Игорь Шабдурасулов, руководивший тогда ОРТ, поставил перед очередным премьером вопрос о финансировании канала. Деньги, выделенные ОРТ правительством Примакова, кончились. Требовались дополнительные вливания из государственного кармана, который был пуст. В обсуждении проблемы у Степашина принимали участие Валентина Матвиенко и Михаил Лесин. Ситуация была тупиковая. Деньги требовались, чтобы погасить предыдущую задолженность. Тришкин кафтан — взять, чтобы отдать.

Мозговой штурм — где взять денег — ни к чему не привел. Сам Шабдурасулов предложил нехитрый ход — продать часть принадлежащих государству акций... Борису Березовскому.

Самым любопытным документом, который направил после создания ФСК президенту Степашин, был, пожалуй, список госчиновников, непонятно каким образом скопивших огромные состояния после августа 1991 года. Для этого было два пути — взятки или занятие деятельностью, несовместимой со статусом госслужащего, и как следствие — уход от налогов.

За год до этого Степашин говорил, выступая на питерском радио: «Особенно важен не закон о борьбе с коррупцией, а закон о госслужбе. Я вообще против закона о борьбе с коррупцией, который будет носить больше политический характер. Должен быть закон о госслужбе, который четко определит, кто что может, кто что не может совмещать и кто за что несет ответственность. В Уголовном кодексе должна быть регламентирована форма ответственности за нарушение этого закона, ответственность органов, в том числе внутренних дел и безопасности. У нас есть та номенклатура, которую трогать уже нельзя. Поэтому должна быть определенная прокурорская смелость, парламентская и прокурорская защита.

Очень важна работа службы налоговых расследований. Во всем мире с коррупцией, в том числе в высших эшелонах власти, блестяще борются через великолепно налаженную систему

налоговой полиции. Мы же на налогах теряем миллиарды.

Нужна политическая смелость и президента, и Генерального прокурора, чтобы принять решение по ряду фигур, по которым уже есть оперативные и иные материалы Министерства безопасности. Если это будет касаться депутата и будут представлены документы, Верховный Совет поддержит любое представление прокурора».

Но Верховного Совета не было. Прокуратура возглавлялась Алексеем Ильющенко (в прокуратуре его называли ПИВО и за любовь к народному напитку, и за «Постоянное Исполнение Временных Обязанностей»), служба налоговой полиции предпочитала отыгрываться на людях восьмого эшелона.

Большинство же из поименованных в списке имели иммунитет и находились среди близкого окружения президента. Принять решение по ним мог только Ельцин. Но покарать человека из своего окружения значило «высечь» самого себя... Директор же ФСК наивно полагал, что меры будут приняты исчерпывающие. После обнародования факта этой записки (как утекла эта информация из Кремля, можно только догадываться) меры были-таки приняты. Кое-кто ушел по-тихому, кого-то переместили по горизонтали... Лубянка беспомощно разводила руками, в очередной раз убедившись в импотенции кремлевской власти, ее нежелании навести элементарный порядок в стаде священных коров.

Этот документ вызвал очередные слухи о реформе ФСК. Теперь уже в качестве версии,

как таковой, выдвигались идеи слияния нескольких спецслужб. На очередной встрече Степашин в лоб задал вопрос Ельцину. Тот сделал большие глаза и категорически слухи опроверг. Пресс-служба даже распространила текст этого опровержения. Но было понятно, что это первый звонок азартному директору ФСК.

Принципиально важным для системы госбезопасности Степашин считал личные контакты с людьми, особенно на территориях, куда визиты руководителей спецслужбы были крайне редки.

«Я избрал тактику (и Ельцин со мной согласился) — осуществлять еженедельные поездки по регионам. Это было очень важно. Прошло очень много назначений начальников территориальных управлений, которых я не знал. Надо было посмотреть людей в деле, важно было приподнять систему в лице местных властей, губернаторов, со многими из которых я был знаком. Но самым главным был прямой контакт с личным составом, для которого ценнее всего представлялась информация из первых уст. Тем более что два удара за три года для любой организации очень весомы, а для нашей...»

В 1994—1995 годах Степашин посетил 56 органов ФСК—ФСБ из 89. График поездок был плотен и разнообразен. В большинстве органов руководство КГБ и МБ не было ни разу за всю историю. Крайней точкой на карте был Сахалин. То, что происходило там, оставило гнетущее впечатление. Люди, прибывшие на край географии из Центральной России, ощутили

себя просто брошенными. Островная психология не позволяла им строить свою жизнь на годы, распоряжаться сосредоточенными там богатствами по-хозяйски. Особенно безысходной была жизнь на островах, или северных территориях, как называли их японцы.

На пограничном транспортном самолете Степашин вылетел на Итуруп. Еще на подлете было видно, как со всех сторон к аэропорту мчатся какие-то машины.

На бывшем аэродроме полка стратегических бомбардировщиков, выведенного с острова, Степашина никто не встречал. На милицейском «уазике» он вместе с начальником Управления ФСК отправился в поселок. Там царили запустение и разруха. Бывшие жилые дома полка, так и не переданные на баланс местной власти, были разворованы и разгромлены. Ни рам, ни дверей не было. Еще недавно пригодный для жизни жилой фонд был фактически уничтожен. Островная психология! Люди, оставшиеся на острове, потеряли всякую надежду, а разговоры о передаче островов Японии доводили их до полного отчаяния. Что будет завтра? Как жить? Где жить? Скопленные на Дальнем Востоке деньги обратились в прах. Вырваться на материк не было ни материальной, ни физической возможности.

А на взлетную полосу прибывали люди. Самолеты — вчера вполне очевидный вид транспорта — стали редкостью. Отчаявшиеся люди жили на чемоданах, с надеждой поглядывая в небо. А не завернет ли случайно самолет или

вертолет, на котором можно вырваться из этого ада.

К приезду на аэродром Степашина на полосе скопилось много женщин и детей. Директор ФСК с удивлением обнаружил непрошенных потенциальных пассажиров. Выяснив, в чем дело, он решительно приказал: «Организуйте посадку!»

Пограничник возражал. Самолет не предназначен для перевозки гражданских лиц, тем более не заявленных в полетном листе. «Сажайте под мою ответственность», — приказал Степашин.

Взяли всех, кого смогли. Многие не верили своему счастью. Кто-то ждал самолета год, кто-то меньше. В иллюминатор было видно, как с отчаянием смотрели вслед люди, которым не нашлось места на борту...

Там же Степашин изучил и еще одну проблему, которая сегодня на слуху, а тогда... Служба ФСК в Находке подготовила любопытный анализ, связанный с приватизацией порта. Вся инфраструктура была оценена в смешную сумму, которую, поднапрягшись, могли даже внести участники поездки со Степашиным. За мизерную цену были скуплены не только причальная стенка, но и терминалы, механизмы — все, что создавалось многие годы тысячами людей и еще вчера было народной собственностью. Вокруг порта образовалась целая плеяда мошенников, жуликов и проходимцев. А борьба за влияние на него стала приводить к кровавым разборкам. Через несколько лет, став министром внутренних дел, Степашин обратил самое пристальное внимание на

морские ворота России, вокруг которых переплелись политические, экономические, пограничные и криминальные проблемы. Но тогда для борьбы сил у ФСК и желания у власти не было. ФСК работало на корзину...

Обо всем, что увидел и прочувствовал директор ФСК, побывав в далеком далеке, он докладывал президенту, председателю правительства. Докладывал с болью, осознавая свою беспомощность перед механизмом развала страны.

«Уже с мая 1994 года мы начали как бы возвращать утраченные позиции после 93-го, появилось много оперативных дел, которые без своего следствия реализовать было просто невозможно. Компромисс, связанный с выведением следствия из системы, оказался ошибочным. (Более того, свыше 800 уголовных дел по контрабанде, переданных в другие ведомства, были просто развалены. С невероятной легкостью следователи ГВП (Главной военной прокуратуры) пытались расследовать дела по шпионажу. Как заявил первый следователь, который вел дело Вадима Синцова, ему потребуется не более месяца, чтобы передать дело в суд. (В реальности дело расследовалось около двух лет. — А. М.). Мы стали активнее поднимать вопрос о следственном комитете. Начали создавать свое специальное силовое подразделение — пока небольшое (управление специальных операций), которое должно было компенсировать отсутствие группы «Альфа» и переданного в МВД «Вымпела». Уже был готов проект Закона о Федеральной службе безопасности (контрразведка — все-таки более узкое

понятие для государства, а тем более для самой системы, решающей огромный пласт задач). Летом 1994 года была повышена заработная плата сотрудникам теперь уже ФСБ, после чего был нелицеприятный разговор с Ериным и Грачевым. И армия, и милиция этой надбавки не получили...

В связи с появлением разного рода экстремистских организаций, в том числе и откровенно фашистского толка, я подумывал о создании структуры, которая бы занималась политическим сыском. Потому что если не защищать конституцию и власть, то для чего нужны органы госбезопасности?»

Ликвидация пятой линии, наивный плюрализм, воцарившийся в обществе, привели к тому, что самые агрессивные группы и группки стали все больше заявлять о себе, шокируя обывателей циничностью заявлений. Деятельность РНЕ, секты Аум Сенрикё, т. н. Белого братства стала приобретать угрожающий характер. Общество, незащищенное правовыми и оперативными противовесами, оказалось уязвимым. «Я категорический противник политического сыска в старом его понимании, — говорил Степашин, — но работа по ряду организаций, по отслеживанию обстановки — это прямая задача органов безопасности. Надеюсь, что больше штурмов Белого дома у нас не будет.

Мы подготовили проект указа президента по этому поводу, будем вносить соответствующие изменения в законодательство, будет создаваться определенная организационная структура».

При Степашине началось формирование структур по защите Конституции, которые были призваны активно заниматься экстремизмом, не допуская его перерастания в терроризм. Увы, на тот период были слишком сильны предубеждения, которые не позволили осуществить намеченное. Сам Степашин не раз подвергался нападкам со стороны радикалов, которые требовали борьбы с экстремизмом, но не допускали и мысли о создании структур для борьбы с ним. А тревожиться было от чего, так как основой экстремизма был радикализм. И правый, и левый. И потому все призывы политиков на борьбу с таковым по сути напоминали «науськивание» спецслужб на борьбу со своими политическими противниками. Даже понятие самого опасного явления — фашизма — так и не было закреплено в законе, а потому и борьба с ним напоминала битву с ветряными мельницами. Как известно, РНЕ как организация просуществовала до 1998 года.

Примечательно, что идеализм 1991 и 1993 годов стал рассеиваться к середине 1994-го, и прежние заблуждения заставляли по-новому посмотреть и на общество, и на власть.

Досье

1994

МАРТ

В Санкт-Петербурге задержан подозреваемый, причастный к умышленному убийству руководителя городского отделения Русской партии Н. Бондарик.

Распространена информация об аресте агента спецслужб Великобритании, передававшего разведке информацию военно-промышленного характера.

Задержаны члены преступной группы, причастные к нападению на караульное помещение НПО «Заря», готовившие покушение на мэра города Анатолия Собчака.

Ивановскими чекистами предотвращен контрабандный вывоз в Литву партии меди на сумму 38 миллионов рублей.

Чекистами Удмуртии задержаны лица, торговавшие оружием, похищенным с завода. Изъято 22 автомата АК.

Задержаны два инициативника, пытавшиеся продать американскому дипломату документацию на танк Т-82.

В Калуге предотвращено хищение денежных средств в сумме 32,6 млрд рублей по подложным авизо.

Обезврежено взрывное устройство в гостинице «Микрон», г. Зеленоград.

В Тюмени задержана группа офицеров 19-й отдельной железнодорожной бригады, занимавшихся хищением боеприпасов. Изъято 10 тысяч патронов, 20 электродетонаторов и большое количество имитационных средств.

В Приморье пресечен незаконный вывоз за границу 42 тонн титана, более 30 тонн меди, 28 кг вольфрама, более 40 кг ртути на сумму свыше миллиарда рублей.

Задержаны три гражданина Эстонии, пытавшиеся проникнуть на один из объектов атомного кораблестроения в Северодвинске.

В Липецке совместно с МВД задержаны воен-

нослужащие-контрактники, похитившие большую партию боеприпасов.

Изъято 4 блока для пуска ракет, противотанковые мины, реактивные снаряды и множество патронов.

В Иркутске задержаны похитители 3 кг самородного золота.

В Липецке пресечен незаконный вывоз 700 кг олова.

Столичными чекистами совместно с РУБОП изъято 200 кг взрывчатки, похищенной с промышленного предприятия.

В Иркутске задержан гражданин США, пытавшийся вывезти партию сибирских самоцветов на сумму 1 миллион 20 тысяч долларов США.

В Приморье явился с повинной агент спецслужб КНР, завербованный во время своей заграничной командировки.

Правительству Израиля передано дело НКВД на бывшего премьер-министра Израиля М. Бегина.

В Якутии задержаны преступники, пытавшиеся сбыть 98 алмазов и 9 изумрудов.

АПРЕЛЬ

Пресечен канал доставки оружия из Литвы в Новосибирск. Изъято 78 единиц огнестрельного и газового оружия.

В Санкт-Петербурге задержан иностранец, имевший при себе шесть пистолетов, около 3 тысяч патронов к ним и несколько миллионов рублей.

В Краснодаре ликвидирован подпольный склад оружия.

Брянскими чекистами предотвращен вывоз

культурных ценностей на сумму более 100 миллионов рублей.

Пресечен контрабандный вывоз через аэропорт Шереметьево природных сапфиров на сумму более 100 тысяч долларов.

Учреждена ведомственная награда — знак «Почетный сотрудник контрразведки».

Контрразведчиками у преступников изъято более 1 миллиона доз фенциклидина, изготовленного в подпольной лаборатории профессиональным химиком.

При получении 10-миллионной взятки приморскими чекистами арестован начальник отдела местной налоговой инспекции.

МАЙ

Начальник департамента государственной безопасности Чечни С. Гелисханов обратился с письмом к директору ФСК и министру внутренних дел, в котором излагается информация о группе преступников, занимающихся «контрабандным» вывозом нефтепродуктов из Чечни в Россию.

На Дальнем Востоке началась операция «Иностранец» по предотвращению незаконного въезда граждан КНР в Россию.

В США директор ФБР Луи Фри высказался за активизацию сотрудничества между ФБР и МВД и ФСК России.

Активизировалась информационная работа. Множество аналитических материалов пошло в Кремль и правительство. В прогнозах не ошибались.

Встречи с президентом были очень частыми и регулярными, раз в неделю Степашин докла-

дывал ему обстановку лично, ежедневно по телефону. Организация начала оживать. Большую помощь тогда оказывал помощник президента Ю. Батулин.

В мае в ФСК проходит всероссийское совещание руководителей органов ФСК. На нем с докладом выступает президент. Примечательно, что авторы доклада, который писался на Лубянке, с тревогой следили по тексту, о чем говорил Борис Ельцин. За исключением нескольких малозначащих абзацев он произнес слово в слово все написанное. Значит, облегченно вздохнули авторы, «верной дорогой идете, товарищи».

Президент демонстрировал заботу о чекистах и приязнь к Степашину. После дружеского обеда он убыл в Кремль, оставив обитателей Лубянки подводить итоги и анализировать ситуацию.

«У нас прекратился полностью отток кадров, вновь стал большим конкурс в академию ФСБ. Мы ввели знак «Почетный сотрудник контрразведки», знаки трех степеней за службу в органах госбезопасности.

Но тогда уже чувствовалось резкое противодействие со стороны службы госбезопасности, у нас уже тогда существовало как бы два КГБ, появилась ревность, различного рода полунамеки, полудоклады.

Когда Ельцин прилетел из отпуска летом 1994 года, так загадочно улыбнулся, посмотрел на меня:

— Ну, вы активно работаете, но я все про вас знаю, вы должны это иметь в виду.

Я говорю:

— Борис Николаевич, мне нечего от вас скрывать...

А за спиной стоял и загадочно улыбался Барсуков.

Должен сказать, что у нас тогда начали складываться очень неплохие отношения с МВД, мы подписали соглашение о сотрудничестве».

Такого рода документам Степашин уделял много внимания. Одно дело, когда взаимоотношения между ведомствами разграничены законом, другое, когда они строятся на двусторонних договорах, которые не разграничивают сферы влияния, а напротив, создают базу для совместной работы. Это было особенно важно в связи с ростом числа субъектов оперативно-розыскной деятельности. Даже служба безопасности президента стала претендовать на свою нишу. И эта ниша не была связана с их прямыми обязанностями...

12 июня 1994 года в день независимости России был подписан Указ об усилении борьбы с организованной преступностью. Он вызвал много споров и суждений, в основном критического толка, особенно статья, дающая право задерживать членов преступных групп на 30 суток. Демократическая пресса разразилась валом публикаций.

Но жизнь диктовала свои правила игры. Произошло несколько покушений на олигархов, существенный скачок роста преступности, в основном тяжких и особо тяжких ее видов.

Народ выдвинул требование: проблема номер один — борьба с преступностью!

Искали разные меры, но идея указа принад-

лежала прокуратуре. Ерин и Степашин завизировали проект указа. Это было особенно важно в условиях создания искусственного противостояния ФСБ и МВД. Оно усиленно подогревалось (разделяй и властвуй?). Этому противостоянию боялись и Степашин, и Ерин. Разговаривая на одном языке, не пытаясь выяснять, кто главный, они того же требовали от своих подчиненных. У одних же амбиции еще не прошли, у других стали появляться. Можно было понять и тех и других: Указ должен был положить конец и этим надуманным противоречиям.

Он просуществовал недолго. За полтора-два года (трудно оценивать его продуктивность или контрпродуктивность) результат, по мнению Степашина, все-таки был.

Существенно оживились международные связи, были подписаны договоры со спецслужбами Франции, Германии, США. Был введен институт представителей во многих странах для координации борьбы с организованной преступностью, терроризмом и наркомафией. ФСБ вышла на международную арену, так как оперативная обстановка стала осложняться, выдвигая новые задачи.

ПЛУТОНИЕВЫЙ СКАНДАЛ

К первой информации о задержании 3 мая 1994 года германскими спецслужбами в немецком аэропорту 6 граммов оружейного плутония на Лубянке отнеслись иронически.

Откуда? Каким образом и почему такой скандал всего о шести граммах оружейного плутония? И почему именно 6 грамм? И почему именно Россия называется в качестве страны-«экспортера»?

Попытка выяснить обстоятельства уткнулась в стену отчуждения, воздвигнутую немецкими спецслужбами.

Но не прошло и месяца, как очередной скандал всколыхнул мировую прессу. Снова контрабанда, снова оружейный плутоний и снова страна-экспортер Россия. Теперь уже не 6, а 300 грамм. Ситуация стала приобретать некий фатальный характер, потому что доморощенные российские СМИ стали искать и находить иные факты бесконтрольного движения радиоактивных материалов. Это было естественно, хоть и ненормально, так как во многих отраслях применяются такие материалы как в виде необогащенного, так и в виде изото-

пов. Радиоактивные материалы применялись даже в быту, хоть и в ничтожно малых количествах.

Август 1994 года стал месяцем борьбы против радиации.

Никто не возражал. Тем более в специальных службах, на которые возложены функции контрразведывательного обеспечения стратегических объектов. Утверждать, что радиоактивные материалы невозможно украсть, было нелепо. Украсть в России можно все. Но чтобы похитить оружейный плутоний?!. Верилось с трудом, тем более что вес заявленной немцами контрабанды не тянул ни для чего-либо серьезного. Даже предметом рассмотрения МАГАТЭ является не менее 18 граммов оружейного плутония.

Кроме того, было важно вообще определиться, а чей, собственно, плутоний был обнаружен в мюнхенском аэропорту? А может, американский или французский, не говоря уже об индийском или пакистанском... Это требовало уточнения. Но немцы ничтоже сумняшеся заявили его как русский. Специалистам верилось с трудом. Чекистам не верилось вовсе.

Для проведения экспертизы надо было провести изотопный анализ, чего сами немцы не могли сделать. Во всяком случае, в такие сжатые сроки.

Не прошло и трех дней (хотя на такую экспертизу нужно около полугода), как они сделали однозначный вывод: страна-экспортер — Россия.

Впрочем, уже предварительный политический анализ давал почву для подозрений. Активность германских спецслужб в такой, мягко

говоря, нелепой форме точно совпадала с кампанией по выборам канцлера Германии. Скандал давал возможность Гельмуту Колю несколько весьма выгодных поводов для PR-кампании.

Информация, которой располагали специальные службы, позволяла сделать и иной вывод, чисто практического свойства. Провокация, об этом уже на Лубянке говорили вслух, помогала решить и иные две стратегические задачи. Первая — скомпрометировать Россию как ядерную державу, представив ее как ненадежного партнера. С другой стороны, можно было выдвигать тезис о необходимости взять Россию под международный контроль, с целью недопущения распространения ею расщепляющихся материалов.

Три задачи решались просто и примитивно.

Но была и еще одна причина столь высокой активности немецкой разведки и контрразведки. За два месяца до скандала в Москве был арестован агент, работавший на БНД (немецкую разведку).

Все это позволило государственному министру Берндту Шмитбауэру (координатору немецких спецслужб) позвонить директору ФСК Сергею Степашину и высказать ему ряд претензий. Это был второй звонок государственного министра. В первый раз Шмитбауэра интересовало, какого именно агента арестовали спецслужбы.

Разговор у Степашина оставил неприятный осадок. Государственный министр потребовал чуть ли не отчета со стороны России... «Кто вам дал право? Кого вы арестовали?»

Об этом разговоре директор ФСК доложил президенту и высказал ряд собственных предложений. В связи с тем, что позиция России была весьма убедительной (оружейный плутоний украсть невозможно), целесообразно осуществить встречу представителей двух стран, на которой расставить точки над *i*. Россия ничего не теряла, а выиграть могла много. Тем более что в «рукаве» ФСБ было еще кое-что, способное испортить настроение господину Шмитбауэру.

Такое решение было принято. Идею поддержал Гельмут Коль, намекнувший, что был бы «крайне заинтересован в добрых взаимоотношениях между Россией и Германией». Проще говоря, чтобы избежать нежелательных последствий для его выборной кампании. Несмотря на результат, сам факт встречи играл ему на руку.

Шмитбауэр напоминал триумфатора. Его свита, состоящая из президентов БНД и БФФ, а также специалистов иных, связанных с радиоактивными материалами ведомств, была ему под стать. Первая встреча должна была проходить с глазу на глаз.

Степашин был заинтересован в открытости. Шмитбауэр наоборот. Степашин предложил пригласить на протокольную встречу журналистов. Немецкий гость отказался. Тогда директором ФСК было принято решение пригласить российских и не приглашать немецких корреспондентов. Это был для Шмитбауэра прокол. Немецкие журналисты, два часа прождавшие съемки события, были разгневаны. Наши же напротив. Они впервые по-

лучили возможность эксклюзива. Со своей стороны ФСК распространило множество материалов о хранении и использовании расщепляющихся материалов. Глубоко оскорбленные в подозрениях атомщики открыли закрома, куда пустили несколько телегрупп, которые смогли убедиться в эффективности системы хранения материалов.

Первое заседание делегаций показало, что немцам есть что скрывать. Они не желали, во всяком случае на этом этапе, допускать сомневающих российских ученых к проведению экспертизы. Но сомневающиеся имелись и в иностранных научных центрах. Американские исследователи, посвященные в некоторые детали, вообще высказались за то, что плутоний может быть французского или японского производства.

Два дня переговоров и культурной программы для гостей были периодом выработки компромиссного решения. Правила игры определил директор ФСК: мы не оспариваем (пока) появившиеся в прессе утверждения напрямую, а гости не настаивают на своей первоначальной версии. Компромисс выразился в подготовке и публичном подписании некоего меморандума, суть которого сводилась к одному: договаривающиеся стороны осознают опасность неконтролируемого распространения радиоактивных материалов и готовы сотрудничать в борьбе с этим явлением.

Вскоре для германских специальных служб начались трудные дни. Информация о наличии в Германии черного рынка радиоактивных материалов всколыхнула воображение жуликов.

Российская контрразведка стала хватать любителей острых ощущений, тащивших все радиоактивное, что плохо лежит. Тащили, рискуя быть пойманными (что было элементарно), впрок ставя под угрозу жизнь и здоровье свое и своих близких. Тащили в коробках, картонках и даже в строительных рукавицах урановую смесь, отработанные материалы и ненужные, но вовремя не утилизированные изотопы из приборов. Их ловили, сажали и снова ловили других. Но черного рынка как не было, так и нет.

То российские, то болгарские, то иные проходимцы везли в Германию всякую радиоактивную грязь. Отсутствие рынка, а также невозможность какого-либо практического использования гранитных стержней либо килограмма урана-235 серьезно разочаровали жуликов и озадачили полицию. Собственно, сбылось то, о чем предупреждали в Москве. Но это было только начало.

Скандал, так триумфально начавшийся, перешел в иную фазу. Отсутствие новой информации о нем заставило немецких журналистов посмотреть на него с другой стороны. И все чаще стал звучать мотив провокации собственно немецкой разведки.

Шмитбауэр пригласил директора ФСК в Германию. Три дня переговоров об организации совместной работы по борьбе с организованной преступностью, терроризмом и наркомафией. О радиоактивной контрабанде вспомнили вскользь. Немцы передали нам материалы о распространении расщепляющихся материалов. Это была подборка... российс-

кой прессы о хищении таких материалов и задержании преступников.

На руководство немецких спецслужб члены российской делегации уже смотрели как на людей, дни которых сочтены. Так и оказалось.

Через пару месяцев отраженная волна начатого ими же скандала накрыла их и смысла в историю. Ни Коль, ни его команда не смогли скандал погасить.

Поездка в Германию дала серьезную пищу для размышлений о работе специальных служб. Особенно важной и поучительной была встреча в БФФ — ведомстве по защите конституции. Перед началом переговоров каждому члену делегации был вручен открытый, отпечатанный на русском языке отчет БФФ за год. В нем были отражены результаты работы против правого и левого экстремизма и национализма. В нем назывались партии и движения, по которым, согласно закону Германии, обязательно работать БФФ. Назывались и фамилии лидеров, и численность структур, и проведенные ими акции.

Сотрудникам БФФ не приходилось искать поводы для своего внимания к тем или иным партиям. Их ОБЯЗЫВАЛ закон. И поэтому они не краснели и не тушевались перед вопросом о политическом сыске, все было строго регламентировано.

«КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК»

Складывается впечатление, что число чеченоведов на душу населения России сегодня значительно превышает количество любителей футбола. И не важно, что многие из них вряд ли могут отыскать это национально-территориальное образование на карте, зато они знают, что, как, когда и при каких обстоятельствах необходимо сделать, чтобы урегулировать внутрироссийский конфликт. При этом с максимализмом, присущим именно обитателям нашей обетованной земли, разброс мнений колеблется от полного признания предъявляемых противоположной стороной требований до объявления им газавата, епитимьи и харакири.

Политики, неформальные лидеры движений, вольные художники от социологии с умным видом размышляют о судьбах Отечества, как жить — с Чечней или без оной.

Впрочем, за последние десять лет значительное число россиян стало реальными участниками событий. Тысячи погибших, искалеченных, сотни тысяч родственников погибших, сотни тысяч беженцев или временных

переселенцев — как юридически точнее можно квалифицировать эту категорию. И многие из них произносят слово «вайнах» исключительно раздельно: «Вай! На х...»

Страшно это. Страшно потому, что незначительный насморк октября 1991 года в конечном итоге перерос в синдром иммунодефицита. А попросту в то, что пока не лечится.

И люди, понимающие ложность сослагательного наклонения в истории, тем не менее с его помощью пытаются разобраться в хитро-сплетении кавказской чумы.

Впрочем, в их рассуждениях есть логика, которая характеризует цепь ошибок или просчетов.

«Если бы мы не начали строить Гудермесский химический комбинат, то и не было бы митингов протеста против его строительства.

Если бы не было митингов протеста «зеленых», то они не приобрели бы политическую окраску.

Если бы не был принят Указ о реабилитации репрессированных народов при отсутствии механизма его реализации, то обсуждение этого вопроса, санкционированное свыше, не было бы предметом обсуждения на политизированных митингах.

Если бы власти не отнеслись скептически к появлению так называемого «Объединенного комитета чеченского народа», или, как его называли, «окоченел», то не было бы политической структуры деструктивного характера, впоследствии взорвавшего Чечню.

Если не было бы ОКЧН, то не было бы и Джохара Дудаева, который с санкции Москвы

был привезен из Пярну. Если бы Руслан Хасбулатов не стал ревновать Дудаева к народной славе, то, возможно, советского генерала Дудаева Москва приняла бы как вполне «вменяемую» фигуру.

Если бы сразу Джохара Дудаева восприняли как перспективную фигуру в Москве, то, возможно, его бы поддержали. Ну, допустим, дали бы ему звание генерал-лейтенант (чеченцев такого ранга не было), возможно, он стал бы прислушиваться к голосу Москвы. Если бы он стал прислушиваться к Москве, то, возможно, не пошел бы на прямую конфронтацию.

Если бы он не пошел на прямую конфронтацию, то, возможно, не стал бы разгонять органы власти.

Если бы он не стал бы разгонять органы власти, то не было бы захвата здания КГБ Чечено-Ингушетии.

Если бы чекисты разогнали палками лидеров митингов на площади в сентябре 1991 года, то некому было бы штурмовать их здание.

Если бы они не штурмовали здание, то у них не оказалось бы на руках большого количества оружия, которое к тому времени было свезено в Грозный со всего Кавказа как в город с наиболее благоприятной обстановкой.

Если бы после штурма здания КГБ удалось бы изолировать зачинщиков, собрать оружие, то у бандитов не было бы эйфории победы.

Если бы не было эйфории победы и синдрома августа 1991-го, то, возможно, Руцкому удалось бы ввести чрезвычайное положение и исключить негативное развитие ситуации.

Если бы в сентябре власть обратила свое

внимание на Хасбулатова, стремительно набравшего популярность в Чечне на фоне падения авторитета Дудаева, то можно было бы не обращаться к личности Автурханова.

Если бы не надо было обращаться к личности Автурханова, то не надо было бы оказывать ему военную помощь.

Если бы не надо было ему оказывать военную помощь, то мы не вооружали бы Чечню.

Если бы не вооружали Чечню, то не надо было бы переходить к силовым методам.

Если бы не надо было переходить к силовым методам, не потребовалось бы направлять туда танки.

Если бы не надо было туда направлять неисправные танки, то не надо было бы обращаться к помощи танкистов из Кантермировской дивизии.

Если бы не надо было обращаться к помощи танкистов, то их не послали бы под прикрытием чеченской пехоты и с чеченскими проводниками в Грозный. Если бы чеченская пехота и проводники не разбежались, как трусы, то танкисты бы решили задачу.

Если бы они решили задачу, то Россия вернула бы себе Чечню.

Если бы Россия вернула после взятия Грозного Чечню, не надо было бы в декабре снова входить в Грозный. Если бы не надо было входить в декабре, то не надо было бы делать подарок в день рождения Павла Грачева 1 января.

Если бы не надо было делать подарок, то не надо было бы без подготовки проводить войсковую операцию.

Если бы без спешки и с умом проводили бы

войсковую операцию, то не погибли бы пацаны. Если бы не погибли пацаны, то общество бы не так политизировалось, и армия бы имела поддержку в своих действиях.

Если бы армия имела поддержку в своих действиях, то к маю операция была бы завершена, так как боевики компактно сосредоточились в горах и были блокированы. Если бы в апреле 1995 года в преддверии 50-летия Победы не был объявлен мораторий на ведение боевых действий, то бандиты и сепаратисты были бы уничтожены так же компактно, как они разместились.

Если бы они были уничтожены, то они не просочились бы, спустившись с гор, и не начали партизанскую войну.

Если бы они не начали партизанскую войну и не стреляли в спину, то меньше было бы потерь среди мирного населения, которое, ожесточаясь, стало множить отряды боевиков.

Если бы они не вливались в ряды боевиков, то не расширялось бы противодействие Российской армии.

Если бы не было противодействия Российской армии, то можно было бы сформировать легитимное правительство Чеченской Республики, а не прибегать к марионеточным фигурам.

Если бы мы не прибегали к марионеточным фигурам, то армия Масхадова (почти уничтоженная) не собралась бы в единый кулак и не стала бы в августе штурмовать Грозный.

Если бы генерал Пуликовский выполнил свой ультиматум и уничтожил бы остатки сепаратистов, то не приехал бы Лебедь.

Если бы не приехал Лебедь, то он не подписал бы договора о капитуляции.

Если бы он не подписал договора о капитуляции, то не было бы у боевиков ощущения реванша, а у России чувства позора.

Если бы у России не было чувства позора, то ей не надо было бы заигрывать с кукольной фигурой Масхадова и помогать ему деньгами.

Если бы мы не помогли ему деньгами, то эти деньги бы шли в карманы россиян, а не верхушке бандитов.

Если бы деньги не шли бандитам, они не укрепляли бы свою армию и не претендовали на возмездие.

Если бы они не претендовали на возмездие, то не осуществляли бы террористические акты безнаказанно.

Если бы они не были безнаказанными, то не посягнули бы на вторжение в Дагестан.

Если бы они не посягнули на Дагестан, то не надо было бы бомбить базы боевиков в Чечне.

Если бы мы не бомбили базы боевиков, то они не совершали бы теракты в Москве.

Если бы они не совершали теракты в Москве, то Москва не начала боевые действия против Чечни.

Если она вошла в Чечню, то ей надо брать Грозный.

Если его не взять к зиме или не найти другого приемлемого варианта, то война может затянуться.

Если война затянется, увеличатся потери. Если увеличатся потери, то изменится отношение к действиям властей в обществе».

Для Степашина Чечня была сравни тряси-не. Чем больше пытаешься вырваться, тем глубже засасывает.

Подписывая 23 октября 1991 года заключение комиссии о роли органов КГБ в августовских событиях, Степашин не задумывался о том, что именно в эти дни начиналось то, что одни называют антиконституционным путчем в Чечено-Ингушетии, другие Кавказской войной.

С сентября того года ситуация в Чечено-Ингушской Республике резко обострилась. Нападения на военнослужащих, захват здания правительства, беспорядки стали нормой в самой к тому моменту экономически благополучной республике Северного Кавказа.

Первыми опасность этого почувствовали представители общественности и религиозные деятели. Они взывали к Москве, но та была озабочена своими проблемами. Только 10 сентября в Грозный направилась делегация от РСФСР (как будто ЧИР не являлась ее составной частью). Ее встретили в штыки. Ряд резких заявлений вице-президента России Александра Руцкого был воспринят, как провокационный. Началась цепь необратимых на первый взгляд процессов в условиях абсолютной импотенции органов власти. Затаянная переписка Москвы с Грозным без принятия жестких мер носила косметический характер.

25 октября грянул гром. Митинг кучки националистов в Грозном выплеснулся с отведенной ему площади.

Время было — лучше не придумаешь. Органы власти были практически парализованы

внутренними дрызгами: «А где ты был 19 августа?» Москва мела пургу, которая сметала и правых, и неправых.

При попустительстве Москвы в Чечне прошли выборы. За первого президента ЧР проголосовало 85 процентов избирателей. Советский генерал Джохар Дудаев, покрывавший ковровыми бомбардировками братьев мусульман в Афганистане, стал первым лицом самопровозглашенного государства.

Первыми под каток попали чекисты.

В октябре группа практически небооруженных людей захватила здание КГБ республики. Как вспоминают участники событий, для восстановления законности не требовалось оружие. «Мы бы их разогнали палками!» Но приказа не поступило. Реакция Москвы была противоречивая. Председатель КГБ РСФСР Виктор Иваненко приостановил деятельность республиканского КГБ, фактически предав его сотрудников, бросив их на произвол судьбы.

Прибывший в Грозный по его поручению заместитель по кадрам Пятаков собрал изгнанных хулиганами из КГБ офицеров в... ГАРАЖЕ. Он передал «переживания» Иваненко и предложил сдать оружие(!).

Это был конец. Самый надежный отряд, фактически элитная гвардия была брошена своими полководцами. Через некоторое время от рук бандитов погиб офицер управления майор Толстенев. С перерезанным горлом его обнаружили в застенках СИЗО новой власти.

Возмущение, взорвавшее все чекистские коллективы России, пытались затушить шифровками из Москвы — «дескать, сам виноват».

Попытка введения чрезвычайного положения, инициированная Руцким, поддержки не нашла.

Шевеление где-то на краю географии нашей огромной страны на фоне тектонических процессов по развалу СССР было сродни укусу комара во время пожара. К российским окраинам мы относились так, как к матросу на подводной лодке: «да куда он денется?»

Может, потому внимание политиков было больше приковано к разделу советского имущества. Наиболее прозорливые и внимательные понимали, что огонек на окраине может при сильном ветре охватить огнем всю страну.

О ситуации того периода написаны тома.

Добавим только одно. Уже через несколько месяцев Джохар Дудаев осознал, что выпущенный из бутылки криминальный джинн уничтожит и республику, и его самого. Он ищет диалога с Москвой, та встает в позу. Он ищет контактов с Ельциным, тот держит дистанцию — «не царское дело!» И, противореча самому себе, делает судорожные, ошибочные шаги.

О способности принимать решения самостоятельно и делать сильные шаги Ельциным ходят легенды. Но в ситуации с Чечней он скорее всего полагался на своих советников и советников советников. Иных уж нет, а те далече. Хасбулатов — главный чеченовед, чеченоведы рангом поменьше — депутаты Верховного Совета Г. Старовойтова, Г. Бурбулис, М. Полторанин и прочие. Но что им, если советовать — не отвечать?

Александр Руцкой, с военной прямоотой желавший решить задачу одним кавалерийским

броском, оказался точнее, прозорливее, мудрее умудренных в подковерных баталиях политиков. История показала, что терапевтическая операция 1991 года была бы предпочтительнее хирургической последующих лет. Но, как уже отмечалось, история не терпит сослагательного наклонения... Век нынешних политиков короток. И отвечать за их ошибки приходится часто другим.

Досье

*Командующему войсками
Северокавказского военного
округа*

ДОКЛАД

*об общественно-политической обстановке
в Чечено-Ингушской Республике*

Докладываю, в общественно-политической обстановке в Чечено-Ингушской Республике (ЧИР) после проведенных 27 октября 1991 года выборов президента республики и парламента изменений в сторону снятия напряженности не произошло. Резко усилилась конфронтация противодействующих сторон: с одной стороны, Исполком общенационального конгресса чеченского народа (ИК ОКЧН) во главе с генерал-майором авиации запаса Дудаевым Д. М. и с другой стороны, Временный Высший Совет во главе с Бахмадовым Б. Д., сформированный из бывших депутатов Верховного Совета ЧИР.

Результаты выборов, законность которых Верховным Советом РСФСР не признана, объяв-

лены по средствам массовой информации 30.10.1991 года:

В голосовании приняло участие 490 тыс. человек, из общего числа населения республики 1 270 429 человек, что составляет 77% из числа избирателей. В выборах не принимали участия ингуши, часть русскоязычного населения.

Общий национальный состав, по данным переписи населения, в январе 1991 года составляет:

- чеченцы – 734501 чел.
- ингуши – 163762 чел.
- русские – 293771 чел.
- армяне – 14824 чел.
- украинцы – 12637 чел.
- евреи – 2651 чел.
- белорусы и др. – 2577 чел.

За Дудаева Д. М. проголосовали 416 181 человек, что составляет 85 % от принимавших участие в голосовании. Таким образом, Дудаев Д. М. объявлен первым президентом Чеченской Республики. На 9.11.1991 года назначена церемония принятия присяги в драматическом театре.

Группировка сил на 1.11.1991 года составляет:

а) Исполком ОКЧН, во главе с президентом Дудаевым Д. М., поддерживают:

– Вайнахская демократическая партия во главе с Яндарбиевым З. И., он же является заместителем председателя ИКОКЧН;

– партия «Исламский путь» во главе с Гантмировым Б. И. — он же председатель комитета обороны ОКЧН;

– общественно-политическая ассоциация «Гулам», входящая в координационный совет ОКЧН;

— «зеленое движение» во главе с председателем Гайтамировым Р. У.;

— военно-патриотический клуб «За родину», занимающийся подготовкой молодежи на традициях предков и практически готовящий боевиков для ОКЧН. Президент клуба — Идрисов Р. Э.

Кроме того, ОКЧН и лично Дудаев Д. М. пользуются неограниченной поддержкой основного количества тейпов (родов) чеченского населения.

В ОКЧН создан комитет обороны, занимающийся формированием национальной гвардии и народного ополчения. В национальной гвардии по состоянию на 1.11.1991 года состоит 62 тысячи человек, а с народным ополчением более 90 тысяч.

Непосредственно боевые отряды национальной гвардии составляют около 2 тысяч человек. Сведены в подразделения по принципу армейской организационно-штатной структуры. Основу составляют бывшие офицеры, прапорщики и солдаты, служившие в армии. На вооружении имеют стрелковое оружие всех типов, включая иностранного производства и времен ВОВ. На учебных центрах национальной гвардии готовятся подразделения спец. назначения, в том числе по борьбе с бронированными объектами. Налажены каналы получения и закупки оружия из-за рубежа, а также из районов со сложной общественно-политической обстановкой (Грузия).

б) Временный Высший Совет (ВВС) (13 членов), председатель Вахмадов Б. Д. назначен Председателем Верховного Совета РСФСР Хасбулатовым Р. И.

Поддерживают: Советы Шалинского, Надтеречного, Гудермесского и Наурского районов.

ВВС создал комитет национальной борьбы во главе с председателем Шалинского райисполкома Джамалхановым В. С. Комитет создает в противовес национальной гвардии свои боевые отряды, которые испытывают резкую нужду в оружии. ВВС практической власти не имеет.

Основные программные цели и задачи ИК ОКЧН и президента Дудаева Д. М. (из постановления совместной сессии ИК ОКЧН, членов парламента, совета старейшин, представителей руководства, а также выступления Дудаева Д. М. по телевидению 30.10.1991 года):

1. С 27.10.1991 года признать государственный суверенитет и национальную независимость Чеченской Республики.

2. Граждан Чеченской Республики призываю осени 1991 года распределить для прохождения воинской службы в рядах ВС СССР на территории республики, за исключением лиц, добровольно изъявивших желание проходить службу за ее пределами.

3. Создание рабочих групп для проведения переговоров с ингушской стороной по национально-государственному объединению вайнахского народа и ведения государственных переговоров с СССР и Россией по вопросам дальнейшего развития взаимоотношений во всех сферах, с открытием в Москве постоянного представительства Чеченской Республики, наделив главу постпредства полномочиями личного представителя президента.

4. Деятельность депутатской группы ВС СССР и РСФСР от бывшей ЧИАССР ограничить статусом наблюдателей.

5. Рассмотреть вопрос о деятельности и функциях органов КГБ (деятельность приостановлена ИК ОКЧН 5.10.91 г. с захватом здания КГБ), МВД и прокуратуры Чеченской Республики.

Предполагаемая структура власти в Чеченской Республике:

1. Президент.

2. Парламент — постоянно действующий законодательный орган.

3. Мехк-Кхел (суд страны) — как нравственная власть, имеющая законодательные полномочия, такие, как ратификация Конституции страны и поправок к ней, оказание недоверия к какому-либо члену парламента или президенту, изменение границ государства, лишение гражданства.

В вопросах построения суверенного государства ОКЧН поддерживают лидеры отдельных исламских государств, различные движения из республик Закавказья, Северного Кавказа, Средней Азии — последние готовы поддерживать ОКЧН и вооруженными формированиями в случае введения в республику войск МВД или частей СА. В этом случае исполком объявит национально-освободительную войну, а все противоборствующие силы (по их заявлению) консолидируются под знаменем ислама.

В течение последнего времени, с 21.8.1991 года в республике резко ухудшилась и имеет тенденцию к дальнейшему ухудшению криминогенная обстановка. С 8.10.91 г. идет бунт в следственном изоляторе г. Грозного, совершено несколько побегов, один из них массовый — до 60 человек.

Совершен побег из колонии строгого режима в г. Науре (до 15 человек). Имеет место выезд русскоязычного населения с территории республики, причем имеются факты, когда выезжающие останавливаются на заставах при выезде из республики, их имущество разграбляется или уничтожается как «нажитое в Чечне» и принадлежащее чеченскому народу.

Резко усилились волнения русскоязычного населения. Проводятся митинги, на отдельных предприятиях г. Грозного были запланированы и проведены забастовки. Основное требование — Чечено-Ингушетия должна остаться в составе России и Союза ССР. Казачье население республики выступило с заявлениями о создании Терской казачьей автономной области в составе РСФСР, при этом казаки готовы добиваться достижения своих целей и силой оружия.

Резко участилось количество попыток проникновения на территорию военных городков, охраняемых объектов с целью завладения оружием. Отмечены неоднократные попытки приобретения оружия и военной техники у личного состава, нападения на часовых с применением автоматического оружия. Жертв со стороны личного состава частей нет.

За всеми военными городками организована система наблюдения, все передвижения войск, включая отдельные машины, боевиками национальной гвардии прослеживаются. При возвращении из Буйнакского учебного центра были задержаны и блокированы подразделения артиллерии окружного учебного центра и мсд, дислоцирующейся в г. Владикавказ. Принятыми мерами эти подразделения освобождены. Задер-

жаны при въезде на территорию республики группы офицеров из штаба округа и Главного штаба Сухопутных войск, следующих в ОУЦ для работы, и выдворены за пределы республики боевиками национальной гвардии. Крайне затруднена организация и проведение занятий по боевой подготовке. Все стрельбы и вождение боевых машин приходится согласовывать с ИК ОКЧН, в противном случае проведение занятий блокируется. Проведение 500-километрового марша с водителями боевиками национальной гвардии практически сорвано, мотивировав движение колонны переброской войск для подавления демократического движения в республике.

Проводится работа боевиками по разведке системы охраны и обороны военных городков, их емкости, количества личного состава, наличия оружия, боевой и другой техники.

С учетом складывающейся обстановки, несмотря на принимаемые меры по охране и обороне военных объектов, есть реальная возможность физического захвата стрелкового оружия, боеприпасов, боевой и другой техники и в целом военных городков вооруженными формированиями.

Наличие только стрелкового оружия в ОУЦ составляет:

- автоматы — 31415 ед.*
  - пулеметы — 764 ед.*
  - винтовки — 357 ед.*
  - пистолеты — 7641 ед.*
  - гранатометы — 533 ед.*
- Всего: 40710 ед.*

Заявление о службе чеченцев на территории республики практически означает подготовку

личного состава для национальной гвардии, а также ее вооружение за счет МО СССР.

ОКЧН не скрывает своего намерения провести национализацию имущества, включая и имущество, принадлежащее МО СССР, — с этим заявлением выступил президент ЧР Дудаев Д. М. на пресс-конференции после его избрания.

Исходя из этого, возникает необходимость о немедленном принятии решения:

а) О вывозе за пределы республики вооружения и боеприпасов.

б) Об оставлении до 50 % выпускников ОУЦ за счет войск округа для обеспечения охраны военных городков до принятия присяги молодым пополнением и готовности к выполнению боевых задач.

в) О порядке комплектования частей ОУЦ осенью 1991 года.

г) О выводе ОУЦ из пределов республики, так как он может послужить базой для формирования национальных вооруженных сил (из заявления представителей штаба комитета обороны ОКЧН).

*Начальник 173-го гв. Окружного учебного центра
гв. генерал-майор*

И. СОКОЛОВ

К середине 1994 года о Чечне вспомнили.

События в этом национально-территориальном образовании все больше раздражали Кремль. Да и как иначе. Произвол, творившийся там, стал выплескиваться и в Центральную Россию. Оружие, наркотики, фальшивые авизо... Население маленькой республики стало заложником воцарившегося там крими-

нального беспредела и политического мракобесия. Сам Дудаев уже был не в состоянии обуздать преступность, не в состоянии овладеть экономическими рычагами. Он все чаще обращался к Москве, которая делала вид, что такого политика нет.

Ситуация близилась к развязке, но возник вопрос, КОМУ решать проблему? МВД? Но оно не имело своих структур на территории Чечни. МИД? Но Чечня не являлась субъектом международного права. Министерству обороны? Но оно не могло вести военные действия внутри страны.

Как всегда в таких случаях, бессилие политиков пытались компенсировать деятельностью спецслужб. Еще силен был миф о способности КГБ устанавливать и менять политические режимы во всем мире.

Инициативный руководитель ФСК стал наиболее приемлемой фигурой для разрешения проблемы.

В его руках была сосредоточена вся информация о событиях, происходящих, нет, не в самой Чечне, а вокруг нее. Более того, именно ФСК должна была защищать конституционный строй страны.

Степашин стал крайним. И он это понимал. Понимал, что сама система защиты конституционной безопасности разрушена еще в 1991 году. Были изгнаны или сами ушли люди, которые выполняли такие функции, работая в том самом управлении «3». Оставшиеся не желали снова возвращаться в эту структуру. Накануне событий, после создания ФСК руководство ведомства сделало изящный пируэт, со-

здав Управление по борьбе с терроризмом. Однако финт, непонятный для посторонних, был ясен для самих сотрудников. Как ни назови, но первичным в деятельности управления являлся политический сыск. И это было нормально для любой другой страны, кроме нашей. Предупредить акт политического терроризма можно, только владея полной, и желательно изнутри зоны риска (оппозиционной политической или общественной организации) информацией. А это... Короче, те же яйца, только в профиль.

Найти людей, владеющих всем комплексом знаний по данному вопросу, было не так просто. Назначенный руководителем управления генерал Анатолий Семенов был человек, безусловно, профессиональный, но в своей области — военной контрразведке. А это то же самое, что Коржаков из «девятки» — начальник службы безопасности президента...

Но назначить начальника было не самое сложное. Найти людей для работы в низовых звеньях оказалось сложнее. Семенов метался в поисках людей, но реально подбирал только тех, кто не совсем понимал свои задачи. Или тех, кто в условиях сокращения ведомства остался за бортом.

С него требовали информации, а он...

Степашин пошел на беспрецедентный ход — Семенов мог брать всех, кто ему нужен. И тем не менее.

С момента переаттестации прошло четыре месяца, а управление по-прежнему испытывало дефицит людей. Попадали к нему и такие, что... На фоне поставленных временем задач они были просто бессильны.

Впрочем, сам Степашин курировать это направление просто не мог. Десятки не менее важных задач были в поле внимания директора специальной службы. Вопрос решился неожиданно: курирование и управления, и чеченской проблемы поручили его заместителю — Евгению Савостьянову, начальнику столичного управления.

Савостьянов был человеком новой формации, свежей фигурой в системе. Ярый приверженец либеральных взглядов (гарантия недопущения ошибок прошлого), он был искушен в политике, закален в битвах, имел связи и среди демократов, и так называемых радикалов (значит, поддержку со стороны демократической общественности). Был в меру азартен, в меру вдумчив и осторожен... В высказываниях смел. Критики не боялся, имея против нее выработанный здоровый иммунитет. С профессионалами держался на равных.

К решению проблемы Савостьянов подошел с азартом человека, глубоко оскорбленного происшедшими событиями в одном из субъектов новой России. (За что боролись?) Он с головой окунулся в проблемы, которые усугублялись с каждым днем.

НАЧАЛО

Июльский захват заложников в Минеральных Водах застал директора ФСК Степашина в Кисловодске. Захваты проходили по какой-то нелепой закономерности. Каждый последний четверг месяца. Несмотря на то что бандиты свои действия не корректировали, более того, и не были знакомы, но столь ярко выраженная закономерность наводила на мысли...

Досье

17.12.93 — Десятки пассажиров скорого поезда Ростов — Москва оказались заложниками вооруженных и агрессивных бандитов.

24.12.93 — 4 террориста захватили в Ростове-на-Дону автобус, а затем вертолет с заложниками: 11 ростовских школьников, учительница, водитель автобуса, два пилота вертолета. Вертолет с террористами и заложниками прибыл на аэродром в Минводы. Туда вылетел самолет с деньгами, которые требовали бандиты, и сотрудниками МВД и бывшего МБ. В результате принятых мер трое из четырех террористов (все

четверо — жители Чечни) были задержаны на территории Чечни в районе села Бача-Юрт. Изъято оружие и значительная сумма денег в инвалюте, полученных ими как выкуп за освобождение заложников.

26.05.94 — Группа террористов захватила рейсовый автобус с более чем 30 заложниками в районе Минеральных Вод. Это произошло у населенного пункта Канглы. Лица, захватившие автобус, потребовали 4 автомата, 4 бронежилета, прибор ночного видения, 10 миллионов долларов, заправленный топливом вертолет без экипажа и наркотики. В результате проведенной операции заложники освобождены, трое из террористов захвачены, один из них блокирован подразделением «Альфа» и спецназом МВД. Захват террористов произошел на территории Чечни, в районе населенного пункта Бача-Юрт, в 15 км от границы с Дагестаном. Задержанные террористы — 2 чеченца, 1 ингуш.

27.05.94 — На территории Ингушетии вблизи границы с Северной Осетией убиты 8 граждан Грузии, строителей, ведущих работы на транскавказской автодороге. По версии ингушских правоохранительных органов, расстрел грузинских строителей совершен за считанные минуты, что свидетельствует о том, что действовали профессиональные террористы.

17.06.94 — Двое осужденных чеченской национальности захватили в качестве заложников трех медработников и двух осужденных в медсанчасти исправительно-трудового учреждения в Пензе. Правоохранительные органы Пензы блокировали террористов.

29.06.94 — В районе села Брагуны Гудермес-

ского района Чечни завершена операция по задержанию троих террористов, захвативших рейсовый автобус, следовавший по маршруту Моздок — Ставрополь, с 40 пассажирами. Трое террористов были задержаны и отправлены в Грозный. Все заложники освобождены.

29.07.94 — Захват вертолета с заложниками в аэропорту Минеральные Воды. В ходе проведенной операции по освобождению заложников пострадали пятнадцать человек, четверо погибли. Когда отряд спецназа предпринял штурм вертолета, один из террористов взорвал гранату в салоне. Все террористы — жители Чеченской Республики — были захвачены.

По мнению Анатолия Куликова, все три инцидента с захватом заложников, происшедшие в Минводах летом 1994 г., готовились и осуществлялись террористами по одному сценарию. «Последний четверг каждого месяца — такая печальная периодичность прослеживается в захвате заложников в районе Минеральных Вод».

29.07.94 — Захват 23-летнего сына атамана Кизлярского отдела Терского казачьего войска Александра Эльзона. Требования террористов — выкуп в размере 1 миллиарда рублей, угрозы казнить пленника, если не будет предоставлен выкуп. Атаманы всех казачьих регионов России заявили, что в случае смерти Владислава Эльзона в течение двух суток на чеченскую границу придут десятки тысяч казаков. Нарастала угроза столкновения казаков с чеченцами.

Отпуск был еще в самом начале, но отдыха не получалось. Телефонистки спецкоммутато-

ра разыскивали директора, где бы он ни находился. Звонили из Москвы часто. Звонили с Лубянки, звонили из Кремля и из Белого дома. И хотя это позволяло быть в курсе событий, вестей добрых эти звонки не несли. Оперативная обстановка была крайне сложной. Но не менее сложной была обстановка и политическая. Отголоски кремлевских интриг докатывались до Кавказа. Подковерные игры стали там нормой жизни. И одну из главных ролей в них играла команда Александра Коржакова, который на удивление многим из заурядного телохранителя неожиданно превратился во влиятельную и опасную для общества политическую фигуру. Как Григорий Распутин, он влиял на многое. Допускать к телу или не допускать. Принимать или не принимать. Докладывать или не докладывать. Для многих дружба с Коржаковым была залогом благополучия. Став врагом Коржакова, человек становился врагом трона. Получив в свои руки право ОРД — оперативно-розыскной деятельности (подслушивать, подглядывать, отслеживать), он приобрел еще более внушительный вид.

Обитатели Кремля, включая главу администрации президента, ощущали недреманное око и ухо главного охранника. Мифы о всеисилии охранника просто роились. Косноязычная речь казалась глубокомысленной, и за каждым междометием виделся скрытый смысл. Но охрана всего лишь охрана. А ему хотелось большего. Вскоре им был сформирован мини-КГБ. И по размеру, и по интеллекту. Но размах был глобальный. То в проблемы экономики лезут,

то в проблемы нефти... Обо всем, как говорил классик, разумение имели.

Иногда даже забывая, зачем их, собственно, держат.

Все чаще предметом его или его окружения интриг становился директор ФСК. Этому было свое объяснение. Ряд сотрудников СБ, в том числе первого круга, относились к категории людей убогих, но с непомерными амбициями. Не имея возможности реализовать себя в органах безопасности, они неожиданно оказались там, где их влияние на эти органы было достаточно велико. Реваншизм как социальная категория, реализуемый группой тщеславных людей, опаснее чумы. Во всяком случае, для тех, кто становится объектом этого реваншизма. В данном конкретном случае объектом была Федеральная служба контрразведки. Один из коллег Коржакова, человек обиженный и злопамятный (Баранников чуть не посадил его за разглашение служебной тайны), прямо говорил: «Мы вас (имея в виду ФСК. — А. М.) уничтожим. Мы сделаем то, что не удалось Бакатину». При этом основной идеей было полное подчинение органов исполнительной власти — госбезопасности — Службе безопасности президента.

В службе Коржакова периодически возникали разного рода завиральные идеи об очередном реформировании спецслужбы, смене его руководства. На этой интриге в какой-то степени и держалось всеисилие СБ. Вбросы такой информации не просто нервировали чекистов. Они выводили из себя, парализовывали работу госструктуры. Ну, если не сегодня завтра сни-

мут директора, зачем тогда работать? Сменится директор, сменится команда. Тогда...

Дважды это удавалось. В 1991 и 1993 году. Но если в первом случае для этого были некоторые предпосылки (общественное мнение, изжога после августовских событий), то в 1993 году реформа имела исключительно субъективный характер. Президенту навязывалась маниакальная мысль, что Министерство безопасности не проявило активности в октябрьских событиях, что Галушко человек КГБ, что в стенах Лубянки возможен антипрезидентский заговор. Несколько раз скандальные прогнозы попадали в прессу. В 1994 году в прессу была вброшена так называемая «Версия-1». Опубликованная в «Общей газете», она произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Находившийся на отдыхе президент, с подачи редактора «Известий» В. Голембиовского, просто рвал и метал. Самым нелестным из сказанного было: «Куда смотрят спецслужбы?» Разъяренный после выволочки, Степашин вызвал на ковер заместителя начальника Управления БТ (борьба с терроризмом) генерала Н. Брагина и дал ему срок три дня. «Найдешь — награжу. Не найдешь — уволю». Автора нашли через день, а для большего воспитательного эффекта, как доложил Н. Брагин, посадили в «Лефортово» на четыре дня. Им был теперь уже приближенный к нынешнему Кремлю Глеб Павловский, политолог, политовед и главный политтехнолог. Задача была решена только наполовину. Главное было выяснить — кто, с какой целью осуществил вброс «Версии» в прессу. (Сам Павловский свое участие категорически отри-

цал, заявляя, что делал этот вариант для себя. Для всей своей огромной души.) Забегая вперед заметим, что не прошло и нескольких лет, как Павловский, словно Сильвио из пушкинского «Выстрела», достал-таки Степашина. Премьер Степашин был объявлен кремлевскими имиджмейкерами «слабым», что послужило поводом для его отставки и замены Путиным.

Делом Павловского занималась прокуратура. Уголовное дело так и не было доведено до конца. Однако ни у оперов ФСК, ни у следователей Прокуратуры не было сомнений, что вброс был сделан людьми Коржакова, с целью обвинить коллег с Лубянки в неспособности разоблачать заговоры, а попросту — потворствованию таковым (Лубянка долго считалась у Ельцина структурой ненадежной). Не стану возводить напраслину на самого Александра Васильевича. Может, он это и не знал, не царского это ума дело, но...

До отставки Коржакова спецслужбы находились буквально на кипящем вулкане. Никто, включая президента, до конца не мог с уверенностью сказать, что с ФСБ будет завтра.

Бредовых идей было множество. Вот только несколько из них. Спецслужба должна быть раскассирована по следующему принципу: разведка должна быть передана в МИД. Контрразведка — в Совет Министров (?), Управление по борьбе с терроризмом — в МВД. Экономическая контрразведка — в зависимости от направлений — ведомствам. Туда же и подразделения по контрразведывательному обеспечению стратегических объектов. Военная контрразведка — в Министерство обороны. И все по-

ставить под контроль СБ. (В декабре 1994 года, после памятных событий по публикации «МК» «Лицом в снег», у мэрии, это почти произошло. Московское управление ФСБ оказалось в оперативном подчинении СБ.)

«Бред!» — говорили на Лубянке.

«Но какой размах!» — говорили в Кремле. О степени профессионализма самого Коржакова (забегая вперед), который не видел в глаза живого агента и не держал до своего назначения в руках ни одной разработки, мы можем судить только по одному факту.

В записанных с его слов так называемых мемуарах сообщается сенсационный факт — Евгений Киселев был агентом КГБ! То, что разглашение такой информации — дело подсудное, ясно и первокласснику. Но как это подается!

Он (или за него) пишет, что однажды ему кто-то принес цветную (в чем интрига именно с цветной?) ксерокопию личного дела агента «Алексеева», из которого Коржаков узнал, что журналист Евгений Киселев сотрудничал с КГБ. При этом Коржаков публикует некоторые страницы этого дела. Если бы не последнее обстоятельство, можно было бы принять это на веру, пожав плечами, — ну и что это за сенсация? Тысячи людей сотрудничали с КГБ в те годы. Да и вообще, разве может быть сотрудничество с государством посредством негласных контактов через орган исполнительной власти фактом компрометирующим? Для чекистов (Коржаков себя к ним тоже причислял) в этом нет ничего странного. Более того, органы госбезопасности были заинтересованы в этом, так

как основная задача их — получение информации. К агентуре на Лубянке всегда относились трепетно, с уважением.

Здесь же был налицо факт попытки выдать такое сотрудничество за что-то грязное, мерзкое... Впрочем, в этом весь Коржаков. Своими мемуарами он показал, что предательство — это образ его мышления.

Но оставим мораль. В книге, как уже говорилось, были опубликованы два документа — анкета и обложка дела. Даже младший опер, обративший внимание на обложку, определил бы подлог, сделанный людьми, далекими от органов безопасности.

В графе подразделение было написано «Второе главное управление», а чуть ниже пятизначный номер войсковой части. Слепить такое мог только человек с эрудицией дятла. Номер войсковой части является закрытым наименованием подразделения и потому рядом с наименованием открытым никогда не ставился. Липа! Грубая и нелепая.

Но это еще не все. На обложке дела, которое подавалось как архивное, не было АРХИВНОГО номера.

Но вернемся к лету 1994 года.

В тот период команда телохранителя «за стенкой» была наиболее активной. Периодически в печать вбрасывались разные слухи о ФСК, делались утечки служебной информации. Это злило, нервировало, создавало ощущение неуверенности. Перед самым отъездом Степашин имел неприятный разговор с Коржаковым, которому в довольно резкой форме высказал, что думает по поводу его подчинен-

ных, занимавшихся столь грязной работой. Тот в свою очередь по селектору провел разбор полетов (а может, сделал вид), пообещал урегулировать ситуацию. Но «взрывы компромата» из-под кремлевских ковров продолжались. Они оскорбляли нравственность и портили общественную атмосферу.

Степашин был начеку, но, находясь вдали от столицы, не мог влиять на процесс в должной мере. Чувствовал он и другое — как возрастают амбиции одного из его замов, получившего автономный участок работы.

Доброжелатели эзоповским языком сообщали свежие новости Москвы. Одна была хуже другой. Ситуация в Чечне по-прежнему не радовала. На политическом небосклоне замаячила фигура Хасбулатова, который несколько раз приезжал на родину в Толстой-Юрт и, по оценке экспертов, мог составить серьезную конкуренцию Дудаеву. Ситуация оказалась между двух огней. Ельцин не устраивал Дудаев, но также не устраивал и Хасбулатов.

Перед самым отъездом Степашину доложили аналитическую записку, суть которой сводилась к следующему. С учетом падения рейтинга Дудаева и возрастания оного у Хасбулатова было бы целесообразно сделать ставку на последнего. Писать такое было рискованно — документ проходит через секретариат, через другие руки... Как его доложат? С какими комментариями? Степашин позвонил Сергею Филатову — главе президентской администрации, чтобы предупредить заранее. Тот был категоричнее: «Я такой документ докладывать не буду. Ты что, с ума сошел, такое писать!»

У Ельцина на имя Хасбулатова могла быть реакция предсказуемая, но не логичная... Уже отправленный документ Степашин приказал вернуть. Документ был направлен Черномырдину.

До Минеральных Вод машина домчала быстро. На поле уже разворачивался финал трагедии. Старший оперативный начальник Анатолий Куликов, который на тот момент был главнокомандующим Внутренними войсками, на прибывшего Степашина посмотрел с ревностью: «Чего явился?» Но тот упредил недоуменные вопросы: «Решай все сам». Вмешиваться необходимости не было — местные чекисты знали свои задачи. Уже были приготовлены деньги и сюрприз для террористов. Они уже начали выдвигаться, когда неожиданно начался штурм. Все произошло в считанные секунды. Группа захвата уже почти ворвалась в вертолет, когда прогремел взрыв. Мощный столб пламени охватил машину. Из огня на поле прыгали люди, которые, петляя, пытались уйти от опасной зоны...

Пожарные бросились тушить пламя. Операция была сорвана. Не просто сорвана, а привела к гибели заложников. Побледневший Куликов вопросительно посмотрел на Степашина. «Не волнуйся, я никогда никого не сдавал», — ответил тот.

На что реально в тот момент мог повлиять Степашин? Ни силовых подразделений, ни каких-то особых сил и средств у него не было. Более того, эта операция даже отдаленно не

вписывалась в план операции «Набат». Захвата воздушного судна не было. Террористы захватили в качестве заложников простых российских граждан и в качестве транспортного средства потребовали вертолет. И естественно, главными действующими лицами были сотрудники МВД. Единственный вопрос — почему надо было спешить? Много лет назад в аэропорту Ленинграда также штурмовался самолет с террористами, братьями Симеонами, на борту. Спешка и непрофессионализм привели к жертвам. Работа над ошибками не была усвоена. И снова жертвы при проведении спасательной операции.

Это капля была последней, переполнившей чашу терпения президента. Последним терактом Ельцин был просто взбешен. Не последствиями, а именно самим фактом. Досталось всем, включая Черномырдина, которому и было поручено разработать меры по стабилизации ситуации.

На следующий день Степашина вызвали в Москву. Запланированному совещанию у Черномырдина предшествовали встречи с вице-премьером С. Шахраем и главой администрации президента С. Филатовым. Они передавали озабоченность Ельцина сложившейся ситуацией в Чечне. По всей вероятности, опасения Степашина, отозвавшего документ, были не напрасны. Возрастание роли Хасбулатова в Чечне на фоне последних терактов на юге России потребовало активизировать свои действия. В Москве Степашин узнал, что его заместитель Евгений Савостьянов дважды предпринимал попытки выйти на президента с

докладом о ситуации. Через Ильюшина пройти не удалось, но тому было доложено, что есть такой глава Временного Высшего Совета Умар Автурханов, который может стать фигурой, объединяющей нацию.

С момента создания Совета он фактически контролирует четверть территории Чечни. Короче, ситуация созрела... Такой же позиции придерживались специалисты по национальным отношениям С. Филатов, С. Шахрай, Э. Паин.

Это было против правил. Впрочем, на это директор ФСК закрывал глаза. Тебе поручено, ты и докладывай. Предполагал ли он, что в конечном счете за все будет отвечать не Савостьянов? Наверное, нет.

Ключевым вопросом был один: как (даже не кем) заменить Дудаева. К тому времени в Надтеречном районе уже создалась вполне на первый взгляд благоприятная обстановка для решения этой проблемы. Умар Автурханов, негласно одобренный Москвой, брал инициативу на себя. Ему были приданы советники, в том числе и военные, которые отработывали тактику действий. Жители, вступившие в ополчение, демонстрировали готовность силовым путем взять власть. Ситуацию форсировали. Степашин занимал сдержанную позицию. Обстановку он знал из докладов, что не способствовало выработке личного мнения.

— Давайте не будем торопиться, — призывал он.

— Хватит проявлять нерешительность, — был ответ. — В октябре ваше министерство занимало пассивную позицию... Вам что, пример

Галушко не урок? Вы что, боитесь, Сергей Вадимович?

И пример для Степашина был неудачный, и бояться ему тоже было нечего... Есть политическая воля, — значит, надо ее реализовывать. На совещании были решены и другие задачи, военные и, прежде всего, финансовые.

Что касается военных проблем, то на тот момент они не казались сложными. «Вкачать» вооружение, обмундирование и боеприпасы... Желание, с каким чеченцы сами брались за решение своей внутривластной задачи, пусть даже силовыми средствами, подкупало. Оружием владели, цель и задачи понимали, отдавали себе полный отчет в последствиях. Победят преступный режим, будут жить в суверенной, цивилизованной республике. Не победят сегодня, расплачиваться будут их дети завтра.

Несколько походов на Грозный создавали иллюзию их силы и решимости. Грозный не брали, но атмосфера была такой, что вот чуть-чуть... Еще немного...

Хасбулатов проезжал туда без проблем и ощущал себя триумфатором.

Однако походы походами, а ситуация зависла.

В сентябре Степашин вылетает в Моздок.

Моздок был пуст и по-провинциальному уныл. Пыльный и запущенный плац, крашеные коричневой краской бараки. Несмотря на жару, в казармах тянет плесенью и гнилью. Кабинет представителя президента в Чечне Александра Котенкова заставлен старой школьной мебелью, карта Чечни коробится от силикат-

ного клея. Неумелой рукой солдата нанесены какие-то стрелочки, флажки.

Впрочем, несмотря на внешнюю убогость обстановки, работа здесь проведена была большая. Котенков докладывал уверенно, апеллируя развединформацией. Она стекалась отовсюду. Население Чечни, уставшее от беспредела, готово было отдаться хоть черту, хоть дьяволу, чтобы, наконец, начать новую жизнь. На Москву уже косо не смотрели, вдоволь хлебнув своего суверенитета. Первые выплаты пенсий, пособий, первые ростки мирной жизни, пусть на одной четвертой части республики, но все же...

Особое место в докладе было уделено собственно продвижению в глубь Чечни. Местные жители умело держали оборону от нападающих боевиков Дудаева, но сами не очень охотно шли вперед. Глубоко укоренившиеся тейповые отношения, традиции кровной мести не позволяли поднимать руку на единоверцев. Разговоры о начале активных действий так и оставались разговорами. Как ни пытался Котенков подтолкнуть их вперед, ему это не удавалось. Ситуация зависала.

К обеду прилетел Автурханов. Как ни старался он казаться воином, тянул лишь на рядового необученного. Лакированные ботинки, торчащие из-под форменных брюк, еще больше усиливали это ощущение. Степашину он понравился (это была их первая встреча). Бывший майор милиции, служил в Сухуми. Не глуп, логичен, готов к решительным действиям. Впоследствии эти наблюдения подтвердились. От опасности не бежал, ездил со Степа-

Вручение награды отцу погибшего милиционера.
Махачкала, 1998 г.

Соболезнования отцу погибшего милиционера.
Махачкала, 1998 г.

Граница с Чечней. Станица Курская, 1999 г.

Митинг. Станица Курская, март 1999 г.

Смотр созданного милицейского полка.
Станица Курская, 1999 г.

**А. Квашнин, С. Степашин, А. Черногоров.
Ставропольский край, март 1998 г.**

**Министр внутренних дел С. Степашин в бригаде ВВ.
Буйнакск, 1998 г.**

Переговоры Е. Примакова с А. Масхадовым.
Владикавказ, 1998 г.

После коллегии МВД, в Центральном музее МВД России.
1998 г.

Премьер Е. Примаков на заседании коллегии МВД. 1998 г.

**С. Степашин с директором ФСБ В. Путиным.
31 октября 1998 г.**

«Увезу тебя я в тундру...» Ямал, 1998 г.

С. Степашин
вернулся в семью...
народов Севера.
Ямал, 1999 г.

Коллегия ФСБ.
С. Степашин — премьер, В. Путин — директор ФСБ.
Июнь 1999 г.

Благодарность министра внутренних дел С. Степашина
Э. Сагалаеву. 1998 г.

Министр внутренних дел С. Степашин в гостях у президента
Азербайджана Г. Алиева. Баку, август 1998 г.

С. Степашин и президент Израиля Вейцман.
Израиль, декабрь 1998 г.

Утвержден конституционным большинством.
После голосования, первая затяжка! 19 мая 1999 г.

Премьер-министр С. Степашин. 1999 г.

С. Степашин и Н. Аксененко. Два кандидата... снова сели не так... Белый дом, 1999 г.

Маршал И. Сергеев, С. Степашин и А. Пискунов в Белом доме. 1998 г.

С. Степашин и художник М. Шемякин в Белом доме.
Июнь 1999 г.

шиным по всей Чечне. Не боялся, а если и боялся, то вида не подавал.

Он тоже доложил обстановку. В закрытой комнате в течение трех часов шел откровенный разговор. Автурханов рассказал обо всем, особо подчеркнув, что одного желания сегодня недостаточно. Надо активизировать помощь и материальную, и техническую. Впервые был поднят вопрос о создании полномасштабной армии со всеми видами вооружений. Армия не ополчение. Уж если и создавать ее, то при условии, что она может быть интегрирована в Вооруженные силы России. Значит, нужны инструкторы, советники. Кроме того, только легким стрелковым оружием не обойдешься, необходимо тяжелое вооружение.

Ситуация оказалась не совсем такой, как ее докладывали. Впоследствии Степашин сетовал, что уже на начальном этапе с Автурхановым работали люди, неадекватно воспринимавшие обстановку. В основном они базировали свои выводы и оценки на мнении Автурханова и его окружения. Но это была одна только сторона вопроса. Следовательно, изначально шла дезинформация. И на основании ее принимались решения. Перепроверить было сложно, потому что на этих же мнениях базировалась информация и других ведомств. Ситуация фактически закольцовывалась.

Было ясно, что в Надтеречном районе рассчитывают на действия Москвы. Москва до этого дня рассчитывала на их собственные силы.

Вмешаться? Принять такое решение сам Степашин не мог. Нужно было решение правительства. Но кардинально решать этот вопрос не стали и там.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В АД

Прибывшая техника с платформы своим ходом сойти не могла. Танки, несмотря на проведенный профилактический ремонт в Свердловске, признаков жизни не подавали. Только два из этой партии могли скатиться на землю. Остальных стаскивали, матерясь и потея, бойцы народного ополчения.

Вместе с ними матерились и инструкторы, прибывшие из Москвы. Через пару месяцев неожиданно для многих эти парни оказались за штурвалами танков.

Предупреждал же Лев Толстой в «Хаджи Мурате» — нельзя им верить!

Танковая колонна, вкатившая в Грозный, оказалась без прикрытия. Джигиты, два месяца красовавшиеся в новенькой форме и с промасленными автоматами, разбежались после первых выстрелов, оставив и без прикрытия, и без проводников в незнакомом городе российских танкистов. Только группа казаков, невесть как оказавшаяся в числе десанта, пыталась расчистить дорогу для тяжелых машин.

Бой был кровопролитным. Больше суток держались парни в ошетинившемся городе.

Больше суток они ждали помощи. Но связи с ними не было.

Степашину доложили, что город взят. Это вписывалось в стратегию военных. (О взятии Грозного двумя батальонами десантников Павел Грачев говорил не ради красного словца. Он был прав. Но для этого нужно было немного. Тем, кто разрабатывал военную фазу операции, — сесть и подумать. Продумать все до деталей, до мелочей. Но, как писал Ярослав Гашек, «война шла своим чередом, пока не вмешался Генеральный штаб».)

В этот день президент выступал с ежегодным посланием. Связавшийся с ним директор ФСК доложил о взятии Грозного. Однако, вернувшись из Кремля, Степашин был вынужден выслушать новый, в корне противоречивший первому доклад: «Ведется ожесточенный бой. Есть потери среди танкистов. Нужна помощь».

— Каких танкистов? — чуть не потерял дар речи директор.

— Какие в танках.

— Откуда они там? Ведь мы же говорили только об инструкторах и ремонтниках.

Начальник управления пожал плечами.

— Так получилось.

Полагать, что просто так все получилось, было наивно. Отдавая поручение подобрать людей для обучения ЧЕЧЕНСКИХ танкистов, Степашин предупреждал, что ни одного русского не должно быть среди вооруженных людей. Более того, подбор должен был проводиться исключительно среди резервистов. Однако танкисты были действующими.

К ночи ситуация еще более усложнилась.

— Я готов подать рапорт о своей отставке, — чувствуя свою вину, предложил генерал.

— Кому.. нужна твоя отставка, — Степашин схватился за аппарат кремлевской связи.

Грачев чуть не плакал.

— Ребята гибнут! Нужна помощь.

Степашин знал, что резерв есть. В Моздоке были сосредоточены силы внутренних войск для начала возможных действий.

Ерин идею поддержал. Попросил немного времени, чтобы связаться с Куликовым. Для этого надо было заручиться поддержкой президента. Выслушав доклад директора ФСК, он с мнением согласился. «Вводите войска!»

Однако от Куликова пришла очередная информация. «Все кончено! Вводить войска поздно».

А в Грозном шел бой.

РАЗБОР ПОЛЕТОВ

Впервые Степашин пожалел. Пожалел, что понадеялся на людей, которых он еще вчера называл профессионалами. Сегодня они отводили глаза, по инерции краснели, реально осознавая, что отвечать придется ему.

· Ответственности перед властью он не боялся. Ему было стыдно перед преданными танкистами.

ФСК выкручивалась, как могла. С позиций сегодняшнего дня действия танкистов сродни воинскому подвигу. Они шли не на прогулку. Они шли отстаивать конституционную целостность России. И краснеть им не за что. Как не за что краснеть вдовам и детям погибших. Их мужья умерли как герои. Но...

«Известия» разразились зубодробительной статьей. Правда, автор не удосужился заглянуть в закон, который предусматривает возможность привлечения любых российских граждан для выполнения специальных заданий органов госбезопасности на конфиденциальной основе. И компетенция ФСК была соблюдена в той ситуации полностью.

Впоследствии, анализируя ситуацию, Степашин вспоминал:

«Когда мы говорим о проблеме Чечни, вернее, проблеме Чечено-Ингушетии, нужно вернуться к концу 80-х годов. В Чечено-Ингушетии, как и везде, шли очень сложные политические процессы. Начали проводиться демократические выборы, в том числе и партийных органов. В Чечено-Ингушетии всегда первым секретарем был русский. Этого требовала специфика взаимоотношений. Разумовский, тогда зав. отдела ЦК партии, вел подготовку пленума Чечено-Ингушского обкома партии в 90-м году, где первым секретарем должны были избрать Владимира Семенова, до этого работавшего вторым секретарем, первым секретарем горкома. Я хорошо знаю этого человека, мы с ним прошли войну в 94—95-м годах. Он был представителем правительства в этой республике до Кошмана. Отважный, смелый, искренний, глубоко порядочный человек, настоящий профессионал. Все шло по плану. Доку Гапурович планировался вторым.

Но, как я потом узнал из уст самого Семенова, одновременно Завгаев провел работу среди своих сторонников на пленуме. И неожиданно для ЦК был избран первым секретарем обкома партии. Он тоже человек сильный, мощный, жесткий, если не жестокий, хороший организатор. Но сработало то правило, о котором я говорил. Это вызвало недовольство среди других тейпов и социальных групп Чечни.

Завгаев, по сути дела, поддержал ГКЧП. В Чечено-Ингушетии начался процесс условной демократизации.

Освободительное движение возглавил Зелымхан Яндарбиев («Зелимхаша-портвейн-

щик»). Бывший писатель, он работал в типографии, но звали его «портвейнщик», потому что он пил портвейн, а в Чечне портвейн не пьют. К ним примкнул Мовлади Удугов — бывший молодой коммунист, исключенный из партии за воровство комсомольских денег, и секретарь комсомольской организации города Гудермеса «Салмаша» Радуев. Я думаю, тем, кто потом поддерживал их, в том числе Сергею Адамовичу Ковалеву, надо бы разобраться в биографиях всей этой плеяды откуда-то взявшихся лидеров освободительного демократического движения. Я с ним разговаривал, но он не очень охотно воспринимает то, что ему не хочется воспринимать.

Позиция Верховного Совета в значительной степени определялась тем, что тогда председателем был Хасбулатов, чеченец из Толстого-Юрта, со своими взглядами и видами, яростный личный враг Доку Завгаева. Он посылает большую группу людей для изучения обстановки. Там были и некоторые политики (Бурбулис, Руцкой, Шахрай). Они докладывали, что Завгаева надо убирать. «Коммуняка» — как тогда говорили. Было сделано все, чтобы Завгаев был снят со своих должностей. Затем произошел разгон Верховного Совета, процесс стал неконтролируемым.

В результате к власти сначала пришел конгресс чеченского народа (КЧН), затем он выкинул Верховный Совет, было убито несколько человек, разграблено КГБ, бежал Шалинский танковый полк, затем бригада внутренних войск.

Как оставляли оружие? Приказа не было из Москвы. Если бы был приказ ответить на на-

падение, смели бы. Вот тогда бы Северокавказский военный округ действительно за несколько дней навел бы порядок.

Чеченцы начали блокировать военные городки при страшном попустительстве властей. При попытках захвата оружия они вперед пускали женщин и детей. Наши терялись. Эти подонки, так называемые горцы, всегда пускали впереди себя женщин и детей, это делали и Басаев, и Хаттаб.

К ноябрю 91-го года было понятно, кто такой Дудаев. Борис Николаевич был тогда в прекрасной форме, он был мощен, силен, это был тот Ельцин, за которого голосовала вся страна. Он своим указом в ночь с 6 на 7 ноября вводит чрезвычайное положение на территории Чечено-Ингушской республики.

Я тогда был членом Президиума Верховного Совета, как раз на ноябрьские приехал в Ленинград вместе с Юрием Яровым, он тоже был членом президиума. Нам ночью позвонил Хасбулатов, вызвал в Москву. Мы срочно прилетели. Утром 8 ноября состоялось заседание Президиума Верховного Совета, которое вынесло на Верховный Совет вопрос о ЧП. К сожалению, Верховный Совет тогда не поддержал введение ЧП. Главным аргументом, переломным моментом было выступление Виктора Баранникова. Он сказал, что внутренние войска не готовы. Тогдашний министр обороны Шапошников сказал тоже, что не готовы, бомбить не будем, хотя до этого собирался Кремль бомбить (помните, за что он в августе маршала получил?).

Эти два выступления стали переломными. Верховный Совет не поддержал указ президента. Я считаю, был упущен второй шанс.

Шанс не был использован в силу жесткого противодействия Ельцина и Горбачева.

В течение нескольких лет велись переговоры, а в это время вырезались семьи русских, уничтожалась интеллигенция. В этот период Чечню покинули 350 тысяч людей — цвет чеченской нации. Русское население просто физически уничтожалось.

Мы говорим «великая держава», так великая держава за одну только вырезанную семью сравнивала бы Грозный с землей, как это делает Клинтон, как это делает Шредер, любая уважающая себя нация, власть.

Любые переговоры с Дудаевым были бы блефом. Я лично с ним встречался в конце 94-го года в Грозном, правда, об этом никто не знает. Уже тогда было понятно, что это параноидальная личность. Абсолютно неуправляемая. Правоверным мусульманином его тоже назвать нельзя. Свои главные боевые награды он получил за ковровые бомбардировки афганских сел.

94-й год. Велись переговоры, начала укрепляться оппозиция в лице Автурханова в Надтеречном районе, это исконные русские станицы. Были люди достаточно одиозные, типа Лобзика — Лабазанова, известного бандита с большой дороги, бывшего охранника Дудаева.

Затем начался демонстративный захват автобусов каждый последний четверг месяца.

Это переполнило чашу терпения президента. В августе я был вызван из отпуска в Москву.

Состоялся жесткий разговор и с руководителем государства, и с Черномырдиным. Было проведено несколько совещаний в закрытом режиме. Было принято решение о помощи оппозиции.

Но танкисты никак не должны были идти в город.

Операция готовилась плохо. Из трех населенных пунктов — Черноречья (Гантамиров), Толстого-Юрта (Лабазанов и Хасбулатов) и из Первомайского (Автурханов и Хаджиев) должны были войти в Грозный. Гантамиров повел себя странно. Он вошел и вышел из города.

Хасбулатов не пошел...

Пошли только Автурханов с Хаджиевым.

Дудаев бежал, сбежала большая часть оппозиции, город был взят. Вместо того чтобы наводить порядок, устанавливать комендантские посты, блокировать основные улицы, Умар Автурханов зачем-то собрал всех своих командиров в Доме политпросвета рядом с ДГБ, начал проводить совещание и вместо совещания получил огневой удар. Были блокированы и наши танкисты.

Два дня город держали. Хаджиев и Автурханов официально обратились к президенту с просьбой оказать помощь федеральными войсками. Два дня танкисты отстреливались с остатками сил Автурханова. Два дня федеральные силы не принимали участия.

Я тогда дважды звонил президенту. Борис Николаевич: «Да, да, надо принимать решение». Затем шли доклады других военных, которые говорили, что Степашин не владеет обстановкой, нечего нам в Грозном делать. В пер-

вый раз я столкнулся с элементами так называемой ревности. Через два дня погибло 6 человек танкистов, остальные были взяты в плен.

Мы тогда захватили Усмана Имаева, генерального прокурора Чечни, до этого он был руководителем Центробанка и главным «донором» Дудаева, это была специальная операция. Из грозненских покоев в лефортовскую келью. Это козырь! Имаев требует бумагу и компьютер. Пока суть да дело, он излагает свое видение ситуации в Чечне. Взгляд на политическую ситуацию, политиков. После этого я вступил в прямой контакт с Дудуевым и мы договорились об освобождении танкистов.

Как это ни неприятно, но Имаев снимает трубку и заказывает разговор с Джохаром Дудаевым. Тот понимает ситуацию с полуслова:

— Отдам всех, без каких-либо условий!»

Но ситуация кардинально меняется. Группа депутатов вмешивается в ситуацию. С. Юшенков, Э. Памфилова, Г. Явлинский летят в Чечню. Они мужественны и решительны. Готовы к самопожертвованию. Дудаев милостиво выдает им по несколько пленников.

Через несколько дней домой в обмен на Имаева возвращаются все танкисты. «Бывшие» военнослужащие зачисляются в ФСК, откуда они увольняются с пенсией. Погибшие также задним числом зачисляются на службу в контрразведку, и им тоже назначается пенсия посмертно от ФСК.

Далее события развивались уже по нарастающей. Началась подготовка войсковой операции. Но готовилась она в полуоткрытом режиме...

План, увы, был раскрыт, я думаю, тогда надо было подумать о переносе сроков, тем более что время было очень неудачное — зима, туман, применение артиллерии и авиации было затруднено. Однако части поспешно подтягивались в Моздок. 12 декабря в День Конституции войска были введены.

ДЕКАБРЬ

Прочь из Москвы, сюда я больше не ездук...

А. Грибослов

Над этим месяцем висел какой-то рок. Во всяком случае, так казалось Степашину. Не успели чуть приостыть страсти в связи с неудачным рейдом на Грозный, как свалились другие неприятности.

2 декабря ему позвонил начальник ГУО Барсуков, сообщивший о снятии с должности одного из заместителей Степашина Евгения Савостьянова, начальника столичного управления.

Барсуков, вспомнив всех родственников Савостьянова, вылил на голову изумленного Степашина потоки обвинений во всех смертных грехах. Из страстной речи Степашин понял, что несколько часов назад у мэрии Москвы произошло столкновение между спецгруппой Савостьянова и спецназом ГУО.

По утверждению Барсукова, была сорвана талантливо задуманная операция. Возмущенный президент, которому все это было доложено в красках, немедленно подписал указ об отставке Савостьянова на... теннисном турнире.

Восстанавливая происшедшее, Степашин узнал следующее. Профессионалы ФСО реши-

ли серьезно припугнуть медиа-магната Владимира Гусинского. Установив за ним наружное наблюдение, они умышленно стали демонстрировать свои намерения. Сопроводив его до мэрии, где находился офис последнего, бойцы кремлевского спецназа разоружили, помяв бока, его охрану. Картинно разложив водителей и охранников на снегу, они демонстрировали агрессию и решительность. Люди в камуфляже и черных масках настолько напугали Гусинского, наблюдавшего все это из окна, что тот обратился к своему старому знакомому Савостьянову и, передав суть происходящего, попросил помощи. Тот, не мудрствуя лукаво, направил туда своих «тяжелых» (группу физической защиты, которая использовалась в борьбе с бандитами). Еще были памятливы события октября 1993 года у той же мэрии. Не дай бог, что произошло что-то из той же серии... Кратко дав отеческий наказ руководителю «тяжелых», он их благословил на подвиг.

Те в свою очередь, прибыв на место, особо церемониться с вооруженными людьми не стали. По принципу Александра Лебеда — «положить, разобраться кто такой и, если жив, отправить назад» — они в считанные секунды разметали по тому же снегу бойцов непонятного спецназа. При этом была сломана рука, ключица и челюсть. Досталось и руководителю операции — контр-адмиралу в маске и кашемировом пальто. Последствия могли быть более существенными, если бы один из «тяжелых» не узнал своего приятеля, работавшего в ФСО.

Такого позора ни Барсуков, ни Коржаков от ФСК стерпеть не могли. Намарав срочно указ, они его стремительно подписали у Ельцина, сопроводив своими комментариями. Тот не стал вникать в суть проблемы. Его не интересовало и то, что его личная охрана, можно сказать, гвардия короля была посрамлена областными чекистами. На его месте другой президент тут же сменил бы поверженных лицом в снег на победителей. Не стал он вникать и в суть самой операции...

Для Степашина это был удар. И по престижу конторы, и по его личному.

Это наложилось на опубликованную в «Известиях» статью о завербованных чекистами танкистах. Скандал потряс своей заданностью и нелогичностью. Люди, защищавшие конституционные основы, оказались в положении наемников, словно они воевали за деньги в интересах третьей страны. Демократическая пресса на все лады перемывала кости погибшим офицерам.

На удивление быстро сменило свою позицию в отношении них и руководство МО. Грачев сделал большие глаза и развел руками: «Первый раз слышу!» Командир дивизии опустил глаза и написал рапорт об отставке. Это было не по-офицерски.

Степашин чувствовал себя преотвратно. Было не до работы. Указом президента столичное управление ФСК было передано в оперативное подчинение ФСО, то есть Барсукову. Недоверие?

Такого не было за всю историю органов госбезопасности, чтобы управление ведомства пе-

реподчинялось, хотя бы в оперативном плане, ведомству иному.

Интриги... Интриги... Кремлевские кардиналы схватили бога за бороду.

6 декабря состоялось заседание Совбеза, на котором окончательно было принято решение стремительными действиями российских войск начать и закончить войну (двумя батальонами!).

Запад, молчавший до поры до времени, глухо начал роптать. Докладывавший о реакции политиков Запада министр иностранных дел Андрей Козырев четко сформулировал идею: успеем провести операцию до окончания Рождества — наши партнеры не заметят, даже если Чечня опустится ниже уровня моря. Если мы операцию затянем, то под давлением оппозиции политики вынуждены будут высказать свою точку зрения не в пользу России. А это чревато и осложнением наших отношений, и возможными санкциями.

По решению президента на место должны были вылететь министры обороны и внутренних дел, директор ФСК. Политическое руководство было возложено на вице-преьера Николая Егорова.

Накануне отлета в Моздок Степашин провел совещание руководящего состава ФСК. Слушал вполуха, мыслями находясь уже там. Коротко изложив задачи, выслушав доклады руководителей, он совещание закончил.

Через час он связался с начальником ЦОС ФСК и продиктовал текст информации для СМИ. Ключевая фраза сообщения: «Дудаеву объявлен ультиматум о сложении полномочий и разоружении своих бандформирований».

Информация ушла на ленты агентств с пометкой «срочно». И тут же в кабинете начальника ЦОС зазвенел «инфарктник» — телефон прямой связи.

— Информация ушла?

— Да.

— Срочно ко мне.

В кабинете Степашина находился Николай Егоров. Он был бледен и казался нездоровым. Степашин, напротив, был решителен и возбужден.

Прочитав текст, они оставили все, вычеркнув «объявлен ультиматум».

— Дай поправку, — вернув текст, приказал он.

— Но текст уже на лентах.

— Это твои проблемы. Дай поправку.

Прощаясь, он неожиданно бросил:

— Передачи носить будешь?

7 декабря Степашин был на Кавказе.

ГРОЗНЫЙ, ЯНВАРЬ

*Мы несем едино бремя,
Только жребий наш иной:
Вы оставлены на племя,
Я назначен на убой.*

Денис Давыдов

Если бы на командный пункт вошел Джохар Дудаев, Лев Яковлевич Рохлин удивился бы меньше. Он смотрел сквозь раздавленные стекла очков, по-стариковски привязанных веревочкой к затылку, на Степашина, как на пришельца с другой планеты.

Эта планета, куда ввалился директор ФСК, член Совета безопасности, дрожала от грохота снарядов, плавилась от огня пожарищ, оглушала стоном раненых. Степашин был бодр, выбрит и ослепителен в своей необмявшейся еще куртке на меху и нелепой генеральской фуражке с двухговым «цыпленком табака» на высокой тулье.

Рохлин ему был готов простить все. С прибытием на КП Степашина к нему вернулась надежда. Надежда, что их не бросили, не забыли...

Вернулась уверенность, что все, что сейчас происходит, — это звенья одного гениального плана, рожденного в недрах мудрейшего Генерального штаба. Несколько фронтов рвались к центру города — туда, где высился как укор президентский дворец, потрепанный, но непо-

бежденный, в подвалах которого находятся те, кто принес неисчислимые страдания чеченскому народу.. Так казалось.

Степашин был иного мнения. Еще несколько часов назад он сидел в фешенебельном мягком вагоне на моздокских путях, где решалась судьба и Грозного, и этой войны. Горько было сознавать, что все, что происходило, с точностью до деталей повторяло события ноября 1994-го. Так же как тогда, по нескольким направлениям к столице Чечни шли колонны, так же как и тогда, они петляли по узким улочкам, упираясь в тупики, попадая под огонь боевиков. Так же как и тогда, не было нормальных проводников, нормальных карт, нормальной связи. Впрочем, ненормальность стала нормой нашей жизни, нашей смерти.

А Моздок гудел от рева техники и воинских команд. С минутными интервалами на его взлетные полосы плюхались беременные десантом и техникой военно-транспортные самолеты. Амуниция, оружие валились в грязь, создавая непроходимые завалы. Неразбериха и бестолковость, брань, крики и лязганье затворами...

Сидеть и ждать отрывочной, неполной и зачастую ложной информации сил не было. Особенно после очередного потрясения, которое он испытал несколько дней назад...

Ему и вице-премьеру Егорову сообщили, что Ерин с Грачевым улетают в Москву, что их вызвал президент. Степашин проводил их на аэродром и вернулся на «Плотину» (позывной КП в Моздоке). Ночью его разбудил звонок президента:

— Где Грачев? — без предисловий начал Ельцин.

— У вас. Они вылетели в Москву.. Вы их вызвали.

Впервые Степашин услышал от президента грубость.

— ...Кто их вызвал?

Теперь уже не понял ничего Степашин. В здравом уме и трезвой памяти он с Егоровым их проводил.

— Ищите! И доложите! — Ельцин бросил трубку.

Степашин ничего не понимал. Поднял Егорова:

— Николай, Грачев с Ериным пропали...

Поиски, как и интрига, завершились быстро. Вызвав генерала Корабельникова и начальника военной контрразведки Алексея Молякова, спросил в упор:

— Где Грачев?

Корабельников отвел глаза.

— Если скажу, меня уволят.

— А если не скажете вы, Алексей Алексеевич, — обратился он к начальнику военной контрразведки, — я уволю вас.

Степашин побелел.

— Что за игры?

Оказалось, что они имитировали отлет и отогнали самолет на другую стоянку. Впоследствии Степашин не решился выяснять у министров суть их нелепого замысла. Не доверяли? Не хотели втягивать? Боялись, что грандиозный план взятия «Зееловских высот» будет сорван директором контрразведки? Не понял этого пируэта и вице-премьер Николай Егоров.

Через несколько часов разгадка открылась. Ночью танки пошли на Грозный. На Грозный пошла пехота, разбрызгивая грязь, сквозь ночь и дождь.

В неизвестность...

К вечеру 31 декабря стало ясно, блицкрига не получилось. Начались кровопролитные бои. Майкопская бригада редела на глазах, медленно, но верно превращаясь в сплошной «груз-200». Отсутствие связи, неразбериха...

31 декабря Степашин связался с Барсуковым и предложил ему подтянуть спецназ к Грозному для работы по локальным объектам. В ответ он услышал брань: «...Элиту, гвардию послать на войну?» Разговаривать больше смысла не было. Группа «Альфа» была отправлена в Москву. А пацаны, безусые и необстрелянные, словно куски живого мяса, согласно оперативному плану Генштаба, бросались в пекло.

Сам Степашин решил ехать в Грозный. Экипаж готовил полковник Поповских — начальник спецназа ВДВ (в настоящее время под следствием в связи с убийством Дмитрия Холодова).

Наутро, когда ситуация стала еще драматичнее, Степашин все-таки вырвался вместе с Егоровым в эпицентр событий...

К запаху пороха, пыли и грязных пропотевших за дни боев тел примешивался запах скисшего яблочного сока и дорогого коньяка, которого на консервном заводе — ставке Рохлина — было в избытке. Ввиду отсутствия воды

им и умывались, и утоляли жажду. Но не брал хмель...

Четвертые сутки шел бой. Четвертые сутки десантники из корпуса Льва Рохлина миллиметр за миллиметром продвигались к заветной цели — президентскому дворцу. Он уже дымился, словно огромный корабль, подбитый в бою. Его котлы еще кипели, дизели крутили винты, но он уже был покойник. Еще немного — и корма будет медленно уходить в воду, сквозь пробоины в бортах хлынет в трюмы вода, рванут котлы, обжигая тела кочегаров, и дым, смешавшись с паром, скроет от взора наблюдателей стройное тело корабля. Черт побери, кому нужен этот дворец? Но азарт боя уносит все посторонние, второстепенные мысли, оставляя одну, пожалуй, главную: «Взять любой ценой». Любой ценой теперь, после потерь, унижения, нужно взять этот дворец. Разбираться зачем, предстоит потом.

Вон уже видны остовы танков, сожженных в том проклятом ноябре... Весь мир обошли кадры мертвых, закопченных, местами оплавленных громадин с торчащими из люков сгоревшими телами экипажа. Эти кадры стали символом трусости и мужского позора. Нет, не солдатского. Наши товарищи погибли, как солдаты, как настоящие мужики. И кто бы что ни говорил, но погибли они за Родину, преданные и проданные. В горячке боя брошенные на произвол судьбы в незнакомом городе разбежавшимися джигитами.

«Восток — дело тонкое», — говорил красноармеец Сухов. Молодые солдаты новой Рос-

сийской армии понимают: Кавказ — дело странное.

До чего уродливое представление имели мы о нем, осознавал Степашин. Все не так. Все иначе. Мало кто может четко и однозначно сформулировать ответ на вопрос: что это такое на самом деле? Командиры полагали — они разбегутся от первого залпа. Не разбежались. Политики и знатоки межнациональных отношений пророчили — они боготворят женщин и стариков, а они гонят толпами своих единоверцев — сестер, матерей, детей на русские пулеметы, скрываясь за их спинами. Классики внушали — они горды и открыты, предпочитают честный бой и никогда не стреляют в спину. Но каждый день в Моздоке мощными паяльниками лудится жесь, пакуя «груз-200», и половина парней, лежащих в цинковых одеждах, убиты в спину. Сегодня уже металла не хватает для изготовления последнего приюта товарищам. Пленка, в которую завернуты бойцы, шуршит на ветру, словно души друзей рвутся из-под нее наружу.

Здесь убивают подло — из-за угла, из-за спин женщин и детей... Не спасает бронежилет. Часто он становится причиной серьезных ранений и мучительной смерти. Открытые голова и шея — лучшая мишень для снайпера. Квалификация последнего не особенно важна: первого разряда по стрельбе за глаза достаточно, чтобы с пятидесяти метров положить десяток-другой необстрелянных воинов.

Часто, подстрелив одного бойца, снайпер бьет наповал всех, кто пытается оказать ему по-

мощь, издеваясь над истекающей кровью жертвой. Тогда в ход идет артиллерия.

Перед входом в Чечню даже боевые генералы были убеждены, что чеченцы не умеют пользоваться боевой техникой, а боеготовность ниже ватерлинии. Но их гранатометы жгут и жгут наши машины...

Десятки самолетов были готовы к выполнению дудаевского плана «Лассо». Суть его сводилась к нанесению бомбовых ударов по российским городам с аэродрома «Северный». Но с декабря подбитыми птицами застыли самолеты на взлетном поле аэродрома «Северный». Если бы их не уничтожила российская авиация, война шла бы не только на земле. Даже тонна взрывчатки, брошенная с борта учебного самолета, — не «фунт лиха».

Политики изучали Кавказ по карским шашлыкам да сухим винам.

Все смешалось. Вчерашние друзья стреляют друг в друга. В этой фантазмагорической мешанине прежние враги стали плечом к плечу и сомкнули ряды, забыв обиды и оскорбления.

Но как бы то ни было, бойцы шли вперед, разрывая криком «Ура!» свои глотки, твердо веря, что будет взят этот проклятый дворец, и тогда...

Для Степашина, для военных, решавших боевую задачу, было ясно, что шла речь о престиже страны, которая почти в одиночку одолела фашизм, но через пятьдесят лет после Победы оказалась беззащитной перед замороженным криминальным режимом собственного суверенного разлива. Болезнь уходила вглубь. Ее метастазы распространялись по

всей России, угрожая и целостности государства, и безопасности ее граждан. И если вчера надо было сломать хребет кучке фанатиков, поставивших свой народ на грань катастрофы, то сегодня пришлось воевать по полной программе. Ну а воюя, вели себя, ломая этот хребет, как слоны в посудной лавке. И не было вины в том, что летчики не могли разрушить махину дворца ракетой с первого раза. Строили-то свои. И на века. И не было вины в том, что в бой шли пацаны. Где было взять опытных бойцов? Процесс разрушения армии и спецслужб принял необратимый характер, ветераны ушли. А молодое поколение, как стало ясно в середине девяностых, нынче выбирает «Пепси». Но, что бы ни говорили, слепые щенки первого года службы уже на третий день боев приобретали качества солдата. Как тогда, в сорок первом, когда, как и теперь, отступить было некуда.

И проблевавшись от вида первого в своей жизни трупа, они стискивали зубы, а их генетическая память, заложенная отцами, выдавала код.

Находясь в эпицентре событий, Степашин так и не мог понять, почему наши артиллеристы, наши летчики не могут завалить громадину дудаевского пристанища. Впоследствии на этот вопрос не могли ответить и специалисты-промышленники, прибывшие туда вместе с Олегом Сосковцом, разрабатывавшие высокоточное вооружение. Обходя оставшиеся руины, они качали головами, так и не открыв загадку, почему на учениях бомбы ложились точ-

но в пятачок, а сейчас развалили все вокруг, но так и не попали в цель.

В начале января Дудаев пошел на крайний шаг — из тюрем были выпущены все уголовники, пожелавшие воевать против русских. Вместе с ними на поле брани пришли и тюремные нравы. Они не щадили никого, в том числе и своих. Группа украинских националистов, воевавшая на стороне Дудаева, попытавшаяся уйти из Грозного, была расстреляна без суда и следствия.

Кольцо сжималось. Отчаяние нередко охватывало даже самых преданных Дудаеву людей. Руководитель ДГБ С. Гелисханов начал сепаратные переговоры с руководством российской контрразведки о возможности перехода вместе с двумя батальонами на сторону федералов. Вспоминая о тех днях, Масхадов рассказывал, что в бункере все чувствовали себя обреченными. Они могли надеяться только на чудо. И эти чудеса периодически происходили.

Команды, отдаваемые военным, чередовались с удивительным постоянством. «Вперед! Стоять! Вперед! Стоять!»

Москва вела непонятную игру. Каждая остановка, каждая передышка для боевиков были бальзамом на раны. Сквозь неплотные позиции федеральных войск во дворец подвозилось вооружение, боеприпасы, доставлялась развединформация, из дворца выносились раненые. Нередко коридоры создавались для прибывших в Грозный депутатов. Они, потрясая мандатами, мотались через линию огня, внося коррективы в ход сражения.

Досье

Из беседы с бойцом ВДВ в/ч 41450

— Было это после того, как мы взяли три здания 3 января 1995 г. К нам пришли парламентарии, их было 7 человек, и представились. Представился депутат Сергей Адамович Ковалев, с ним еще 2 депутата, фамилии я не помню, 2 служителя христианской церкви, подполковник — пленный начальник штаба полка и чеченец с ними. Пришли они к нам с предложением сдаться. Аргументировали они тем, что мы находимся в окружении, находимся одни.

Вопрос: Это сам Ковалев говорил или депутаты?

Ответ: Беседовал Ковалев, депутаты вставляли. Основную линию гнул Ковалев. Сначала те, кто его встречал, хотели просто-напросто по-русски послать его подальше. Но потом пропустили. Он разговаривал со старшим, кто у нас был, — замполит батальона. Фамилия замполита — майор Холов. Разговаривал он с ним. Солдаты присутствовали при этом. Вот как стояли в охране. Это 9-я рота.

Было какое-то затишье, перемирие там объявили, и он предложил нам сдаться, сложить оружие. Он говорил, что находится здесь в качестве представителя Российского правительства. Договариваются о том, чтобы забрать военнопленных, обменять их и гарантировал, что в этот же день мы будем в Моздоке и отправят нас домой.

Вопрос: То есть он конкретно предложил сдать оружие?

Ответ: Да. На что мы ответили, что мы военные, принимали присягу и этого делать не будем. Он еще раз просил подумать.

Нам сказали, что мы окружены и если не сдадим оружие, мы погибнем все. Поэтому подумайте. И в это же время перемирия и затишья (они говорили, в нас никто не стреляет), в это время у нас погибает солдат. Снимает его снайпер с наблюдательного поста попаданием в голову. То есть в то время, когда они были именно у нас. Спустился солдат за санинструктором. Кричит, что Сергея Мордвинцева ранили. Через 10 минут санинструктор прибегает со слезами на глазах, сказал, что Серега Мордвинцев погиб. И тогда ему (Ковалеву) ответили: «Вот видите — мы не стреляли. Стреляли ваши. Мы сдаваться не будем».

Он еще раз сказал, чтобы мы подумали. Но ему однозначно сказали, что сдаваться не будем. Они развернулись и пошли. Служители церкви нас перекрестили. И они ушли. Вот такая была встреча.

Степашин понимал, что целью любой войны является установление мира. Вместе с Егоровым он мотался по Грозному, встречался с военными, мирными жителями, старейшинами. Вместе с ними, не прячась от пуль и осколков, ездил Саламбек Хаджиев. Академик, доктор наук, бывший директор нефтяного института, депутат Верховного Совета СССР. Он пешком без охраны пришел в свой разрушенный дом — институт, где скрывались его сотрудники. Пришел, чтобы доказать всем, что начатое дело по восстановлению конституци-

онного строя в Чечне не блажь, не прихоть Москвы, а объективная реальность, которая должна в корне изменить жизнь на его родине.

Оказавшись здесь, Степашин понял, что, несмотря на все происходящее, на боль, ужас и даже смерть, именно здесь настоящая жизнь...

ПОБЕДА, РАВНАЯ ПОРАЖЕНИЮ

Дворец был взят и Грозный освобожден, но предстояла серьезная работа не на один месяц. Медленно, продвигаясь шаг за шагом, армия и внутренние войска вышибали боевиков из их щелей. Тяжело выбивали, с большими потерями и среди своих ребят, и среди мирного, ни в чем не повинного, случайно оказавшегося в зоне боев населения. В большой драке, когда смерть ходит за тобой след в след, выбирать оптимальные методы не приходится. Горели машины, осуждающе на все происходящее смотрели пустыми глазницами дома и постройки.

Воевавшие здесь юнцы не видели Сталинграда военного, но те, кто мог сравнивать, говорили, что Грозный был страшнее. Страшнее оттого, что столица Чечено-Ингушетии была одним из самых красивых и зеленых городов на Кавказе. Возвращаясь домой, бойцы показывали фотографии видов «нового» Грозного тем, кто помнил город цветущим. Люди плакали.

В армии плакали из-за другого. Там, наверху, словно не хотели знать, что происходит здесь. Политики, приезжавшие для поднятия

собственного престижа в глазах избирателей, ограничивали свое жизненное пространство габаритами спецвагонов на моздокских путях, предусмотрительно окруженного батальоном спецназа.

Походив по окраинам и потолковав с тыловиками, спешили в Москву с чувством исполненного долга.

И если к командующим группировок еще вчера, до начавшегося наступления, относились, как и положено относиться к большому начальству, то, пройдя через гарь и кровь со своими бойцами, Бабичев, Трошев, Степашин и Рохлин стали для солдат родными. И несмотря на ожесточенность боев, на шквал огня, встретившего десант, первые потери в корпусе Рохлина начались только через неделю. Там, наверху, не знали, не чувствовали, а может, просто не хотели знать, что происходит ЗДЕСЬ. Но вступившие в бой на этой земле понимали и чувствовали, ЧТО происходит там.

Офицеры и солдаты скорее интуитивно ощущали, чем реально знали о той невероятно яростной борьбе, которая велась в Москве за собственные «чеченские интересы».

Об этом можно было судить по разного рода заявлениям, декларациям, прогнозам политиков, далеких от войны, от реалий здесь происходящего. Не меньшую пищу для размышлений давали команды, поступающие сверху: «Стой на месте, иди сюда».

Как смачно звучит она из уст сверхсрочника. Как цинично — из уст политика. Но первый своим солдатом не пожертвует, ЭТИ — жертвуют.

Троцкистский лозунг «ни мира, ни войны» оборачивался для воюющих потерями, а для внешнего мира — слезами матерей и жен, ставших вдовами, появлением огромного количества сирот в мирное время.

ДУДАЕВ

К этой теме Степашин возвращался не раз. Поставленная президентом задача — «решить проблему Дудаева» — заставляла вновь и вновь искать возможности устранения этой зловещей фигуры с политической карты Чечни. Речь вовсе не шла о том, чтобы организовать на него покушение или подослать к нему наемных убийц. Россия и ее специальные службы при всей своей мощи не могли использовать опыт Израиля и его Моссада. Кому-то это покажется странным, но дело обстояло именно так. К ликвидации без суда и следствия наши спецслужбы были морально не готовы. Да и по большому счету реальных условий для этого уже не было. Система безопасности Дудаева была не просто надежна. Она основывалась на том, что лидер Ичкерии постоянно находился в окружении своих ближайших нуреков в расположении бандформирований. Послать для его ликвидации элитный спецназ значило погубить людей. Впрочем, и мировой опыт охоты на Фиделя Кастро и Ясира Арафата, несмотря на все усилия Моссада и ЦРУ, эффекта не дали. Немереное количество смертников, посланных

для их убийства, бесславно кончали свой жизненный путь на дальних подступах. Тем более было сложно это сделать в условиях войны, когда степень бдительности и осторожности возрастают в геометрической прогрессии.

Дудаев систематически появлялся на экране, грозил, юродствовал и задавался. От этого было тошно...

Рассуждения о том, что журналисты не раз встречались с Дудаевым и потому он не так уж недосягаем, носили досужий характер, а потому профессионалы относились к ним с долей иронического скептицизма.

Впрочем, и без российских спецслужб Дудаев имел многочисленных врагов, в том числе и кровников, которые готовы были положить жизнь для реализации акта мести. Их было много, и покушений на Дудаева немало.

Естественно, что при удачном стечении обстоятельств... «Лягер ком лягер» — «на войне как на войне». Объяснять все эти обстоятельства было сложно. Но Кремль настаивал, не оставляя в покое Степашина даже в Чечне: «Что с Дудаевым?»

Впоследствии Степашин оценивал личность Дудаева следующим образом.

«Я считаю, что Дудаев — совершенно ломаная фигура и не очень понятная. Оказавшись в экстремальной ситуации, он был, по сути, загнан в угол. С ним можно было говорить в какой-то степени еще до штурма Грозного, в декабре 94-го, но зимой 1995 года это было уже бесполезно...»

ТУРЦИЯ

Появление в России первых наемников из мусульманских стран стало тревожным симптомом. И роль специальных служб в этом процессе тайной не была. По оперативным данным, приоритет здесь держала Турция.

Привыкший все вопросы решать полюбовно и всегда искать компромиссы, Степашин решился на жесткий ход. Получив «добро» от Ельцина, он начал наводить мосты с турецкой разведкой. Откликнулись они быстро, согласившись на встречу, оговорив, что готовы провести ее в апреле 1995 года на условиях конфиденциальности.

Наутро после прибытия стало ясно, что конфиденциальности они желали только от нас. На первых полосах турецких газет фамилии членов российской делегации были набраны крупным шрифтом.

Партнеры по переговорам делали большие глаза и натужно демонстрировали свое негодование. Играли плохо. Не по Станиславскому. «У нас свободная пресса, как и у вас. Что мы можем поделать с ней?» Появление фамилий объясняли утечкой от пограничников.

Впрочем, для российской делегации это не имело особого значения.

Встреча во дворце Ататюрка — официальной резиденции главы Турции — длилась два дня.

Разговор был откровенным, хотя многое исходящее от турецких партнеров принимать на веру можно было только с большой поправкой.

«У нас много чеченских диаспор. Они имеют связи по всему миру. Они, а не правительство и не спецслужбы, оказывают помощь чеченцам. Они закупают оружие и переправляют в Россию».

Вопрос о том, каким образом большие партии пересекают границу, ставил их в тупик. «Из Турции не может уйти ни один ствол. Даже пистолет нельзя пронести через нашу границу». По их мнению, виноваты были все. И Грузия, и Азербайджан, и даже Украина с Белоруссией, только не Турция.

Впрочем, и они в долгу не оставались. В ответ на претензии российской стороны сотрудники турецких спецслужб выдвигали претензии о поддержке Россией РКП (Курдской рабочей партии). Они называли места дислокации различных клубов РКП, в том числе и в Москве. Для российской делегации это был козырь. Все понимали, что деятельность структур РКП на территории России не носит какой-либо противоправной деятельности, а потому любые преследования ее членов могли носить исключительно политический, а не правовой характер. Российская сторона не могла идти на конфликт с законом, и тем не менее, так же как и турки, выражала

озабоченность распространением терроризма и сепаратизма. Со своей стороны делегация ФСК высказала недоумение проведенными бомбардировками лагерей курдов, в результате которых погибло много женщин и детей. Они же недоумения действиями российской авиации не выражали.

На второй день было подписано соглашение ФСК и МИТ (турецкой разведкой) по борьбе с терроризмом, наркобизнесом и организованной преступностью. Со своей стороны турки кое-какие документы передали.

В протоколе встреч в Турции было еще два важных мероприятия.

Встреча с президентом Демирелем прошла для Степашина в невероятно теплой атмосфере. Тот говорил об уважении к России, понимании проблем, вставших в связи с чеченскими событиями. Он говорил о том, что Турция верна традициям, заложенным еще Ататюрком, и будет соблюдать нейтралитет, когда речь идет о территориальной целостности России. К сожалению, в связи со смертью отца премьер-министра Турции встречу с ней пришлось отложить.

Не менее важной была встреча в парламенте Турции. Степашин неожиданно для себя увидел, что внутренняя атмосфера последнего ничем не отличается от атмосферы Верховного Совета России. Там тоже имеются свои жириновские и ковалевы. Встречи в парламенте оказались, пожалуй, самыми важными в череде переговоров. Там тоже, как и у нас, не все почитали свои специальные службы и готовы были сделать все, чтобы ограничить их всеси-

лие (на это жаловались и руководители МИТ). А потому вмешательство во внутренние дела России турецкой разведки могло взорвать размеренный ритм их взаимного существования. Намекнув на отдельные факты, что и у них «кое-кто, кое-где порой честно жить не хочет», но не акцентировав на этом внимания и отметив для себя возможность использования мины замедленного действия, Степашин на высокой ноте закончил встречу с парламентариями, которые аплодисментами проводили его.

Вспоминая эту поездку, Степашин отмечал: «Турция занимает особое место в плане взаимоотношений с представителями власти мусульманского мира. Это была поездка по приглашению спецслужб, мы подписали соглашение с крупнейшим мусульманским государством о совместной борьбе с терроризмом в условиях войны на территории России. Хотя практическая реализация этого соглашения и по сей день вызывает много вопросов, но в политическом плане это было важно.

Важно и то, что у меня была личная встреча с президентом Турции, человеком-легендой, который пользовался в то время непререкаемым авторитетом, встреча была два часа. Причем с их стороны она была подчеркнута теплой, и после встречи он официально заявил о том, что Турция выступает за единство России, никакой независимости Чечни быть не может, Турция против терроризма.

Это была очень важная в политическом плане поездка, как с точки зрения спецслужб, так с точки зрения политики России».

Оставленная мина замедленного дей-

ствия — роль разведки Турции во внутрирос-
сийском конфликте — была взорвана в 1998
году. Когда все существующие соглашения
были нарушены, когда роль турецкой разведки
стала приобретать угрожающий характер, ФСБ
предала гласности факт вмешательства во
внутренние дела России.

Все руководство МИТ ушло в отставку.

БУДЕННОВСК

Если вы этого не сделаете, вы проиграете...

Ширвани Басаев

В победе «Динамо» над «Ротором» в этом матче Степашин не сомневался. Вечером его ждали на стадионе. Начальник команды несколько раз звонил, уточняя, приедет ли Степашин на матч. Сегодня им особенно хотелось видеть на трибунах почетного динамовца, который много внимания уделял команде.

Впрочем, Степашин разрывался между двумя пристрастиями. С «Динамо» помимо служебных его связывали личные отношения. Но как ленинградец он просто не мог изменить питерскому «Зениту».

В этот день были спланированы учения по плану «Набат».

С каждым годом такую операцию стало проводить все труднее. Число ведомств с функциями оперативно-розыскной деятельности стремительно увеличивалось. И более внимательно надо было относиться к деталям взаимодействия. Старшим на учениях был заместитель директора ФСБ Валентин Соболев, традиционно имеющий отношение ко всем видам транспорта, в том числе авиационного. Он докладывал, что все репетиции проведены. Уточ-

нены детали. «Альфа» будет отрабатывать «на людях» элементы штурма воздушного судна. У них есть сюрприз...

Созвонившись утром 14 июня с Олегом Сосковцом и договорившись о встрече на матче, Степашин ознакомился с последними шифровками.

Они были тревожными. Из разных регионов докладывали, что Дудаев, фактически лишенный былой власти и силы, прилагает отчаянные усилия, чтобы переломить ситуацию. Оставшись с небольшой кучкой единомышленников, как впоследствии вспоминал Аслан Масхадов, он готовится к последнему сражению. Сражению, исход которого был предрешен в пользу федералов. Иного варианта уже не оставалось. Федеральные силы давили по всем направлениям. Большая часть территории Чечни уже находилась под их контролем. Накануне над Ведено был водружен флаг России.

Масхадов и Яриханов в Назрани позже, в 1996 году, рассказывали: «Мы считали, что все — конец именно летом 1995 года. Нас осталось человек восемнадцать... Мы были в штабном вагоне Джохара и готовились, в общем-то, к смерти. Сдаваться мы, естественно, не собирались. Поход Басаева был неожиданностью. Он сначала не собирался идти в Буденновск, он собирался идти в Кавминводы. Хотел захватить самолет и лететь бомбить Москву...»

Отчаяние стало естественным состоянием бойцов Дудаева. Многие перешли на противоположную сторону. Кое-кто, отчаявшись, кое-

кто «на ловлю званий и чинов». Внутренние противоречия раздирали верхушку изнутри.

Разуверившись в своем президенте, некоторые полевые командиры стали действовать самостоятельно, стремясь тем самым не только перехватить у него инициативу во власти сейчас, но и закрепиться во власти на будущее.

Из шифровки, которую прислали Игорь Межаков (заместитель Степашина, командированный в Грозный по линии ФСБ) и командующий группировкой Анатолий Куликов, следовало, что, по оперативным данным, группа боевиков намерена прорваться в один из южных городов России и осуществить серию терактов. Наиболее вероятно под руководством Шамиля Басаева. Шифровка была направлена практически во все подразделения ФСБ и МВД.

Накануне ночью Степашин сам подписал записку президенту о возможности рейда Басаева и других бандитов, которые, по сути дела, загнаны в угол.

Это было серьезным предупреждением. Впрочем, такие предупреждения шли постоянно. От систематических угроз уже устали все. Наступило состояние, которое можно было бы назвать патриархальной умиротворенностью. Нельзя все время быть в состоянии непроходящей тревоги, тем более что многое носило исключительно пропагандистский характер. Сигналы проверялись, усиление за усилением лишало оперативных сотрудников и милицию сна и отдыха. Начинало казаться, что громкие заявления Удугова, который, не умолкая, гнал «дезу», направлены на то, чтобы окончательно

измотать федеральные силы ожиданием. При этом каждый понимал, что если, не дай бог, что-то случится, то головы не сносить...

Все от начала до конца в пропаганде Удугова было густо напичкано ложью, отделить правду от нее было просто невозможно. Он угрожал, он пугал, он нагнетал... Угрозы были одна другой нелепее. Если удавалось, то происшедшие катастрофы выдавались им как акции мщения. Он готов был взять на себя ответственность даже за извержение Везувия... Чем серьезнее становилась ситуация, тем активнее действовала пропаганда бандитов. И она достигала своего результата. Многие из оглашенного чеченским Геббельсом выплескивалось на страницы российских газет. Это раздражало. Раздражало военных, раздражало силовых министров, раздражало президента... «Да что вы, в конце концов, не можете унять нашу прессу...» — нет-нет да звучало и в адрес самого Степашина, и в адрес всего ФСБ. Но ситуация, которая генетически была памятна по прошлым годам — КГБ мог все — кардинально изменилась. Влияние на процесс носило исключительно межличностный характер. Единственным аргументом в споре со СМИ могли быть только неопровержимые факты. Впрочем, тогда лишь некоторые газеты и телеканалы старались им следовать. Большинство предпочитало пользоваться информацией с той стороны. Причин такого положения было несколько. Но главной была одна — непонимание силовыми структурами значения прессы, предвзятое отношение априори ко всем журналистам и нежелание это скрывать. «Я с вами не желаю раз-

говаривать», — нередко бросал генерал Квашнин досужим корреспондентам. Они ему платили тем же. Вопрос взаимоотношений власти и прессы становился темой дня.

По этому вопросу Степашин пригласил к себе одного крупного медиа-магната, с которым хотелось определить правила игры. И у одного и у другого на руках были свои козыри. Важно было дистанцироваться от ведомственных подходов, чтобы выйти на оптимальную схему взаимопонимания. Собственно, об этом и шел разговор за закрытыми дверями. И один и другой понимали, что информационно ситуацию необходимо менять. Важно было определить как. Отсутствие единого информационного центра, где сосредоточивалась бы вся информация, имело серьезные последствия. Фактически создавалось впечатление сплошной лжи.

Информация, распространенная одним ведомством, не подтверждалась другим, зачастую опровергалась третьим. Обзванивая своих контрагентов, журналисты пытались «расцветить» краткую информацию агентств собственными подробностями. Но что могли сказать в МВД об операции, проведенной ФСБ? Могли ли знать в ЦОС ФСБ о потерях МВД или о заявлении министра обороны? Это буквально бесило журналистов, которые искренне полагали, что в «горячих цехах» тайн друг от друга нет. А они были...

И ФСБ, и МВД, и Министерство обороны на информационном поле играли свою игру, нередко по своим правилам. Правилам, рожденным общей обстановкой нервозности во-

круг главных фигур. Манипуляторы в Кремле, в непосредственной близости от всенародно избранного, дергали за ниточки, создавая атмосферу неуверенности глав ведомств в завтрашнем дне. «Борис Николаевич, что-то уж больно Степашин разговорился... Борис Николаевич, смотрите, что пишут о Ерине... А Грачев...» Закулисные интриги вокруг силовиков носили перманентный характер. Откровенные «наезды» зачастую разрабатывались в Кремле. «На то и Коржаков за стенкой, чтобы министр не дремал...» У последнего была совершенно отвязанная, как сейчас говорят, команда... Им было все «божья роса».

А потому пресс-службы МВД, ФСБ и кое-кто в Министерстве обороны (пресс-секретарь Грачева Агапова больше вредила, чем...) стремились максимально укрепить авторитет своего шефа, не дать мракобесам в Кремле понизить его рейтинг в глазах президента. Результат известен — нескоординированность действий приводила к еще более тяжелым последствиям.

Фактически шла борьба не против пропаганды Удугова, а против пропаганды своих коллег, что еще более страшно. Великие говорили: «У победы много отцов, поражение всегда сирота». Так было и тогда. Как только ситуация на бранном поле менялась, менялась она и на не менее «бранном» поле информационном. И обмениваясь мнениями с магнатом, Степашин принимал его аргументы, которые были и его собственными, выстраданными... Только взаимопонимание, доверие и поддержка журналистов может изменить ситуацию.

Но как мог Степашин повлиять на ситуацию в целом? Да, собственная пресс-служба будет делать все, что он скажет. Будет предоставлять любую находящуюся в ее распоряжении информацию. Да, сможет даже оказать некоторую помощь журналистам в зоне конфликта. Но что дальше? Если другие ведомства играют по другой программе?

Невероятно нужный и обстоятельный разговор остался незаконченным.

На проводе аппарата ВЧ был Игорь Межаков. «Группа боевиков прорвалась на территорию Ставропольского края и осуществила нападение на отделение милиции г. Буденновска. Информация проверяется».

Министр внутренних дел Виктор Ерин был не в курсе. Взяв паузу для уточнения сведений, он перезвонил через пятнадцать минут. «Да, такая информация есть. Но полную информацию мы сейчас уточняем. Я сам вылетаю туда». Действовать по линии ФСБ Степашин поручил Межакову.

На часах было десять тридцать. Президент выслушал доклад Степашина молча. «Действуйте как можно жестче...»

Через час на столе Степашина лежало подробное досье Басаева.

Басаев Шамиль Салманович. Родился 14.01.65 г., выходец из тейпа Ялхорой (к этому тейпу относится и З. Яндарбиев, а к одному из ответвлений — Ортсхой — принадлежал и покойный президент Дж. Дудаев), села Дышне-Ведено Веденского района ЧИАССР, чеченец, про-

живал по месту рождения, образование среднее, женат, имеет дочь.

Жена — уроженка Абхазии (установочных данных нет). Отцом жены является прапорщик авиационной части в г. Гудаута (Абхазия) Дженя Юрий Кукунович. Басаев женился на его дочери Анжеле в 1993 году и увез ее в Чечню.

(По другим источникам, после войны в Абхазии он женился на 17-летней Индире Дженя из селения Мгундзрыхва Гудаутского района Абхазии). Она родила ему сына.

В период его пребывания в Абхазии ему как командиру чеченского отряда были выданы чистые бланки абхазских паспортов.

Родители жили в с. Ведено. У Басаева три брата. Один погиб при обстреле Ведено в начале 1995 года, старший брат — Ширвани Басаев — боевик, был комендантом с. Бамут.

Приметы: на вид более 30 лет, рост 170—172 см, среднего телосложения, волосы русые, с залысинами, борода черного цвета.

Восемь раз ранен, семь раз контужен. Страдает сахарным диабетом. По характеру уравновешенный, спокойный, осторожный. Проводимые им боевые операции отличались дерзостью. Не курит, не употребляет алкоголь. Непревзойденный в Чечне военный стратег и тактик. Любит хвалиться своими знаниями техники и вооружения. Чрезвычайно хитер. В последнее время избегал прямых боевых контактов с противником. Пытается прославиться хорошими знаниями религиозной догматики. Стремится показать себя провидцем. Любит бравировать перед женщинами. В отношении к России непримирим. В последнее время все его высказывания и речи направле-

ны на саморекламу в плане приписания всех заслуг себе лично. Обладает личным мужеством. Честен. Чуток к общественному мнению на том или ином этапе.

Радиопозывные — Акация, Спартак, Пантера-05.

До 1970 года проживал в с. Дышне-Ведено, затем в ст. Ермоловская ЧР. С 1983 года работал разнорабочим.

Три раза поступал на юридический факультет МГУ, но не проходил по итогам конкурсных экзаменов.

С 1986 года жил в Москве, где в 1987 году поступил в Московский институт инженеров землеустройства. Его занятия по компьютерной технике вел преподаватель Константин Боровой. Занимался спортом, имел 1-й разряд по футболу. В 1988 году отчислен из института за академическую неуспеваемость. Занимался коммерцией. Задолжав крупную сумму денег бизнесменам, в том числе чеченцам, вернулся в Чечню.

С 1989 по 1991 год учился в Стамбуле в Исламском институте.

19—21 августа 1991 года участвовал в защите Белого дома. В интервью газете «Московская правда» 27 января 1996 года он говорил: «Я знал, что если победит ГКЧП, на независимости Чечни можно будет ставить крест...»

Летом 1991 года добровольно вошел в состав незаконного вооруженного формирования, созданного ОКЧН. Самостоятельно изучал теорию военного дела «по российским учебникам». В интервью «Независимой газете» 12 марта 1996 года он рассказывал об этом так: «Заниматься

стал, потому что имел цель. Нас было человек тридцать ребят, мы понимали, что просто так Россия Чечню не отпустит, что свобода — вещь дорогая и за нее надо платить кровью. Поэтому усиленно готовились». В том же интервью он опроверг информацию, что проходил подготовку в Абхазии на базе российского 345-го воздушно-десантного полка: «Там ни один чеченец не учился, потому что их не брали».

Группа Шамиля Басаева была основана в июне — июле 1991 года под названием «Ведено» для охраны зданий, где проходили съезды Конфедерации народов Кавказа и общенационального конгресса чеченского народа. В состав группы вошли жители сел Беной, Ведено, Дышне-Ведено, Бамут и других горных сел.

Активный участник событий «чеченской революции» августа—ноября 1991 года. 5 октября 1991 года принимал участие в захвате здания КГБ ЧИАССР в составе спецподразделения Руслана Шамаева.

В ноябре 1991 года в знак протеста против введения чрезвычайного положения в Чечено-Ингушетии совместно с Сайд-Али Сатуевым и Лом-Али Чачаевым (последние, по некоторым данным, принимали участие в террористической акции в г. Буденновске) осуществил угон самолета из аэропорта Минеральные Воды в Турцию, за что получил признание у руководства ОКЧН. Басаев заставил летчиков вылететь в Турцию, где террористы сдались местным властям и после переговоров добились переправки в Чечню в обмен на освобождение заложников.

Осенью 1991 года одновременно с Д. Дудаевым выставлял свою кандидатуру на пост президен-

та Чечни. После прихода к власти Дудаева им была создана диверсионно-разведывательная группа, базировавшаяся в 12-м городке г. Грозного. Группа была создана с целью защиты «свободы и интересов ЧРИ и ее президента».

В конце 1991 — начале 1992 года Басаев принимал участие в боях в Карабахе на стороне Азербайджана.

Летом 1992 года Басаев находился в Абхазии, но ничем определенным не занимался. В июле вернулся в Чечню, где его застало начало абхазских боевых действий. Уже через 5 дней с группой вооруженных людей (15—20 человек) Басаев выехал обратно в Абхазию. В Пятигорске на него обратили внимание и попытались задержать, но он совершил захват рейсового автобуса, объявил пассажиров заложниками и под их прикрытием выехал в Карачаево-Черкесию, где группа смогла оторваться от преследователей, освободила заложников и через перевалы вышла в Абхазию. Там Шамиль Басаев первое время командовал лишь своей небольшой группой, затем — интернациональной разведывательно-диверсионной ротой, считавшейся лучшей в абхазских частях. О нем отзывались как о грамотном командире, заботившемся о жизни своих подчиненных.

По неофициальным данным, большой вклад в формирование Басаева как военного специалиста и профессионального диверсанта внесли российские военспецы и советники, работавшие на абхазской стороне.

В 1992 году он входил в состав группы «смертников», занесенных при жизни в поминальные списки в мечетях Чечни (институт т. н. моджа-

хедов — борцов за веру, отдавших себя на службу Аллаху в религиозной войне).

С 1992 года Басаев являлся командующим Гагринским фронтом в Абхазии. В январе 1993 года на совместном заседании президентского совета Абхазии и парламента Конфедерации народов Кавказа был назначен командующим экспедиционным корпусом в Абхазии. Басаеву было вменено в обязанность «координировать, объединять, направлять в нужное русло и контролировать прибывающий поток чеченцев».

К 1993 году Басаев возглавил батальон, в котором за период его нахождения в Абхазии подготовку прошли около 5 тысяч боевиков различных национальностей. Батальон отличался жестокостью действий, был укомплектован уголовниками, дезертирами из СА, гражданскими лицами с экстремистскими наклонностями, в основном из с. Гехи Урус-Мартановского района Чечни.

Так, осенью 1993 года им была проведена акция по уничтожению гражданских беженцев из Абхазии в районе Гагры и поселка Леселидзе, где было расстреляно несколько тысяч безоружных людей, и резня мирного населения неабхазского происхождения в Сухуми.

В декабре 1993 года на 5-м съезде Конфедерации народов Кавказа Басаев был утвержден командующим войсками КНК, начальником штаба войск КНК был назначен адыгеец Амин Зехов.

Затем указом Ардзинба он был утвержден в должности заместителя министра обороны республики.

В Чечню Ш. Басаев с батальоном (380—450 человек), который в Грозном стали называть аб-

хазским, вернулся в феврале 1994 года и занял обособленное место среди командиров боевых групп. В отличие от Р. Лабазанова и Б. Гантамирова, группировка Басаева не стремилась включаться в дележ сфер экономического влияния и политические или криминальные разборки, хотя ситуацию с грабежами составов в Чечне поставил под контроль именно Басаев.

В период вооруженного противостояния между руководством Дудаева и оппозицией в Чечне в 1993 году Басаев занял выжидательную позицию, выступал посредником на их переговорах. Вместе с тем резко осуждал разгон городского собрания в г. Грозном. В декабре 1993 года поддерживал требования оппозиционеров об отставке Дудаева.

С апреля по июль 1994 года, по собственному утверждению, был в Афганистане, в провинции Хост, где вместе с одной из своих групп проходил подготовку: «Подготовка проходила за мой счет. Я тогда оружие продал, у друзей в долг взял и поехал. До сих пор, кстати, 3,5 тысячи долларов за эту поездку должен» («Независимая газета», 12 марта 1996 года). В интервью газете «Известия» (25 апреля 1996 года) Басаев сообщал, что в течение 1992—1994 годов трижды выезжал со своим «абхазским батальоном» в лагеря афганских моджахедов, где учился тактике ведения партизанской войны.

Летом 1994 года Басаев вступил в боевые действия против оппозиции на стороне Дудаева. В июле в Грозном «абхазский батальон» вел боевые действия с группировкой Лабазанова. Формирование Басаева также сыграло свою роль во время неудачной попытки штурма Грозного оп-

позицией. Басаев считался одним из наиболее близких соратников чеченского президента. Личный состав «абхазского батальона» осуществлял охрану Д. Дудаева.

К началу боевых действий с федеральными войсками под командованием Ш. Басаева находилось около 2 тысяч человек. После разгрома в Ведено в батальоне осталось 200—300 человек. 3 июня 1995 года ракетно-бомбовым ударом был уничтожен дом дяди Басаева — Хасмагомеда Басаева, в результате чего погибли 12 родственников Ш. Басаева, в том числе родная сестра Зинаида, 1964 г. р.

Через три часа стало ясно многое. Бандиты, ворвавшиеся в город, оставили за собой гору трупов. Попытались захватить здание милиции, но получили отпор... Захватив больницу, они взяли в заложники огромное число людей и продолжают бесчинства.

Дальнейшие события развивались по уже не раз прописанному и описанному в печати сценарию. Увы, многое на тот момент не было ясным. Штурмовали милицию и не штурмовали здание ФСБ...

Почему? Оказалось, что вывеска горотдела была зеленого цвета — не обратили внимания. Почему не подтянулись войска местного гарнизона? Как удалось колонне беспрепятственно пройти по всему Ставропольскому краю? Эти «почему» нанизывались одно на другое, как жемчуг на нитку. Но чем больше проходило времени, тем сложнее становилась ситуация.

Сидеть в Москве и получать обрывки информации было мучительно. Вечером, получив «добро» от президента, Степашин вылетел в Буденновск. Ельцину все это не нравилось вдвойне. Он вылетал в Рейкьявик, где ему и без Буденновска придется отвечать на многие неприятные вопросы политиков, связанные с ситуацией в Чечне, а тут это... Понимаешь!

По прошествии времени Степашин не раз возвращался к вопросу: «А надо ли было лететь? Надо ли было лететь Ерину?» На этот вопрос многие отвечали однозначно — не надо. С точки зрения логики он с этим согласился. Ну что в той ситуации может директор ФСБ, в подчинении которого на месте всего один, ну два десятка офицеров спецслужбы? Буденновский горотдел УФСБ по Ставропольскому краю, как впоследствии оказалось, вместе с водителем и секретаршей насчитывал 6 человек. Подтянутые из Москвы и Ставрополя силы специалистов-техников вполне могли решить поставленную перед НИМИ задачу. Локальную задачу для спецслужбы.

Своего силового блока Степашин в спецслужбе создать еще не успел. Вновь образованное Управление специальных операций насчитывало 18 человек, во главе с бывшим командиром «Вымпела» генералом Герасимовым. Они себя зарекомендовали отлично в период штурма Грозного. Но 18 бойцов, даже во главе с генералом, — все равно 18... Пусть даже 18 Рэмбо.

Вылетели вечером. Прибыли в Буденновск затемно. Вместе с директором ФСБ в Буденновск вылетел вице-премьер, министр по де-

лам национальностей Николай Егоров. Поездка ему далась тяжело, ускорив развитие болезни — рака легких. Еще в начале 95-го он начал страдать от этого недуга, мучаясь ночами под обстрелами в Грозном от болей. Но боя не покинул. И вылетая в Буденновск, он запасся болеутоляющими.

В Буденновске их встретили Виктор Ерин, его заместитель Михаил Егоров и заместитель Генерального прокурора Олег Гайданов. Ерин ввел прибывших в курс дела. По его приказу главным оперативным начальником был назначен Михаил Егоров. С этого момента все его указания получали силу приказа двух министров.

Практически всю ночь шли обсуждения что и как делать. Теоретически Степашину было проще всех. Маленькая группа специалистов ФСБ со своими обязанностями справилась отлично. Через несколько часов здание больницы уже было оборудовано техникой, и руководитель операции имел полное представление о том, что происходит в «логове» противника. Но это только теоретически. Практически же Степашин, как и его коллега по МВД, полностью принял на себя ответственность за операцию. За ее последствия.

Даже неспециалисту было ясно, что дело проигрышное. Сегодня, по прошествии многих лет, даже люди искушенные нет-нет да и заявят, что, дескать, «Альфа» и СОБРы могли и «штурмануть» и уничтожить боевиков. Да вот, дескать, Черномырдин помешал... Но на месте было виднее. Штурм неизбежно привел бы к многочисленным жертвам не столько с обеих

сторон, сколько среди мирного населения, оказавшегося в здании.

Старшим по переговорам был назначен начальник УВД Ставропольского края Николай Медведицкий. Степашин вспоминает, что Басаев затребовал высокую планку заложников. «Готовы были идти и я, и Ерин, и Егоров, но этого нельзя было делать. В переговорах с бандитами надо иметь возможность маневра...»

Переговоры переговорами, но полная картина проявлялась постепенно. Ночью из больницы приходили люди, которых намеренно отпускали бандиты. Они сообщали новые подробности, уточняли недостающие детали. Не обошлось и без истерик. Больные, отпущенные на волю, рыдали, призывали принять все условия Басаева, спасти людей. Их можно было понять, но... Условие бандитов было одно — немедленный вывод всех наших войск из Чечни и признание независимости Чеченской Республики.

Президент перед самым отлетом в Исландию снова принял доклад министра внутренних дел, выслушал последнюю информацию и снова потребовал принять самые жесткие меры...

Ночью прибыло подразделение «Альфа». Московская и краснодарская группы. Командир «Альфы» Александр Гусев развел руками — в таких условиях действовать не приходилось, да и проблематично, можно ли вообще. Первый этаж был заминирован, подходы находились под прицелами снайперов. Подавить их не было никакой возможности, так как живым щитом в окнах стояли женщины. Тем не менее

его штаб сел за разработку операции. Несмотря на психологическую несовместимость спецподразделений бывшего КГБ и МВД (считалось, что одни работали в белых перчатках, другие в сапогах), сегодня все противоречия необходимо было отбросить, подчинив совместные усилия решению общей задачи. Впрочем, все противоречия, пусть даже технического свойства, отбросить так и не удалось.

Пока шла разработка самого штурма, переговоры не прекращались ни на минуту. Степашин взял на себя весьма деликатную миссию. Ему необходимо было встретиться с чеченскими авторитетами, которые должны были убедить Басаева, повлиять на него.

В Буденновск командующим группировкой Анатолием Куликовым были срочно доставлены Руслан Лабазанов, брат Басаева Ширвани, другие фигуры, способные хоть чем-то помочь...

Но и Лабазанов и Ширвани Басаев скептически отнеслись к этой идее. Более того, Ширвани, что называется, на голубом глазу (Степашин отметил у него удивительно голубые глаза), предложил свое решение проблемы. Жестокое и, по его мнению, единственно верное.

«Уважаемый Сергей Вадимович (они всегда так обращались к Степашину), вам необходимо сейчас задержать меня, взять в заложники родственников Басаева, которые находятся в Ведено, привезти их сюда. Вывести перед больницей и сообщить Шамилю, что, если он не покинет больницу и не отпустит людей, все они будут расстреляны. А потом исполнить это, расстреливая по одному...»

«На это мы пойти не можем...», — качнул головой обескураженный предложением Степашин.

«Если вы этого не сделаете, вы проиграете...» — потерял интерес к беседе Ширвани.

Тогда же Степашин от Ширвани узнал, что семья Басаева жива, вопреки упорно распространяемым утверждениям. Кое-кто пострадал при одном из попаданий, когда охотились за Басаевым, но близкие родственники были живы.

А ситуация усугублялась. Пока штабные колдовали над схемами, Басаев пытался активизировать ситуацию. Начались расстрелы заложников. В основном жертвами были военнослужащие. Оставшийся «на хозяйстве» Виктор Черномырдин не уходил со связи. Степашин докладывал обо всем, в том числе о самых на первый взгляд несущественных деталях.

Неожиданно для всех премьер взял штурвал на себя. Это было так странно и нелепо, что у многих руководителей операции это вызвало шок, закончившийся витиеватой тирадой, самым приличным словом в которой было слово «премьер»...

И хотя в тот момент Степашин тоже потерял дар речи, но по прошествии лет он несколько смягчил свои оценки ЧВС. «Я понимаю Черномырдина как человека. Трудно из Москвы чувствовать оперативную обстановку. Но если быть совершенно откровенным... Я бы не стал и в чем-то обвинять Черномырдина, хотя кое-кто пытается на него повесить все то, что произошло там. Спецслужбы и МВД долж-

ны заниматься своими делами, политики своими. Но, безусловно, выход второго лица в государстве, находившегося в Москве, отсекает возможность ведения с ними какого-либо диалога. Все!»

Поразительно, но по прошествии стольких лет, испытав все, что можно было испытать, — взлеты и стремительные падения, предательства друзей и вчерашних товарищей по работе, получив возможность сегодня свести счеты со своими обидчиками, которые подвергли его столь унижительным испытаниям, Степашин остается верен себе. Он не пытается ни на йоту переложить свою, может быть в данном случае мифическую, ответственность за случившееся на кого бы то ни было. И дело здесь не в дружбе или особых отношениях с Черномырдиным, здесь дело в принципе. Каждый должен нести свой крест сам. Каким бы тяжелым он ни был.

По сути дела, Басаев получил свой карт-бланш, хотя было понятно, что ни президент, ни премьер никогда не приняли бы решение о выводе всех войск из Чечни.

Все разговоры, компромиссы и предложения после этого разговора просто-напросто отменялись. Стало ясно, что нужны какие-то экстраординарные меры.

Впрочем, и до разговора и после это было ясно. В такие короткие сроки, при таком количестве заложников и столь высокой степени агрессивности боевиков любая операция была обречена если не на провал, то на многочисленные жертвы.

И тем не менее. Сегодня Степашин вскрывает карты.

«Задача была не только и не столько (об этом замысле не знали те, кто непосредственно ее осуществлял) штурмом выбить бандитов из больницы, сколько резко изменить ситуацию. Басаев был на сто процентов уверен, убежден (к нему туда ездил Сергей Адамович Ковалев), что мы не решимся. Мы прекрасно знали, о чем они ведут речь. Мы через технические возможности знали, что бандиты (многие из них были подколоты) уже праздновали победу. Они ходили по коридорам, великодушно похлопывали больных... Эйфория была вызывающая. Поэтому когда мы пошли утром штурмовать, мы хотели показать, что мы пойдем до конца. Сегодня многие бойцы из спецподразделений говорят, что если бы их не остановили, они пошли бы дальше.

Нет ни права, ни повода усомниться в их мужестве... Да, они пошли бы дальше, да, закрепились бы на первом этаже, но на 99 процентов сегодня я могу говорить, что все закончилось бы трагически.

И я, и Ерин, и покойный Николай Егоров, и Михаил Константинович Егоров, и Олег Гайданов, заместитель Генерального прокурора, четко определили, что, если не решим проблему Буденновска, мы уйдем».

После неудачного штурма Басаев резко изменил риторику. Уже не ставил вопрос вывода войск с Кавказа. Он попросил несколько автобусов и тех, кто готов вместе с ним выехать в Чечню.

И снова Степашину пришлось привлекать свои силы. Подготовка автобусов была тща-

тельной. Соответствующая техника находилась в каждом из них.

Не было только одного, того, что, по мнению отдельных доморощенных экспертов, должно было решить исход операции — психотропных веществ, подмешанных в воду. Негодуя по поводу обвинений в том, что чекисты «могли решить проблему малой кровью», Степашин отмечал: «Нелепо! Такие препараты действуют индивидуально. Один засыпает через тридцать минут, другой — через две. Стоило бандитам почувствовать что-то неладное, как колонна взлетела бы на воздух... К чертовой матери! Легко рассказывать тем, кто ничего не понимает...»

Несмотря на существующую договоренность премьера с Басаевым, Ерин поставил жесткую задачу Анатолию Куликову — бандитов не выпускать... Дипломатическая миссия переговоров, предупредить Черномырдина о принятом решении была поручена Степашину. Ерин плевался и иметь контакты с премьером после его беседы с Басаевым не хотел. Деликатный по натуре министр внутренних дел просто кипел, проклиная дилетантов, подсказавших председателю правительства этот ход.

Наверное, и сам Черномырдин понял, в какую историю он вляпался. Ультиматум Степашина он выслушал, обронив: «Я согласен... Только из Ставропольского края они должны выйти. Я дал слово!»

«Как получится...» — ничего не обещая, констатировал Степашин.

Вернувшись к больнице после тяжелого разговора с Черномырдиным, Степашин уви-

дел совершенно взбешенного руководителя операции Михаила Егорова. На нем не было лица, а изъяснялся он исключительно междометиями. Из его резкого монолога Степашин понял, что тот только что говорил с Черномырдиным, который категорически запретил проводить какую-либо операцию. Степашин так до конца и не знает, был ли такой разговор на самом деле, хотя не верить первому заместителю министра внутренних дел не может.

Скорее всего, разговор все-таки был. Черномырдин хорошо знал, кто является руководителем операции, и, что бы ни говорил, о чем бы ни предупреждал премьера Степашин, последнее слово будет именно за Егоровым. Здесь как на корабле. Даже если на борту будет сам президент, он не вправе вмешиваться в действия капитана. Таким капитаном, отвечающим за все, был Михаил Егоров. И все, включая самого министра внутренних дел и директора ФСБ, ему должны повиноваться...

Ерин тем не менее снова связался с Куликовым и еще раз подтвердил свой приказ бандитов уничтожить на территории Чечни. Куликов же повел себя странно. Приняв к сведению этот приказ, он связался со... Степашиным и с образными оборотами, приличествующими моменту, стал выговаривать: «Вы что там... делаете! Вы их не должны выпускать... Уничтожать...»

Это было тем более странно, что неподалеку находился его непосредственный начальник, отдавший распоряжение, понятное человеку, владеющему русским языком. Скорее всего, Куликову нужна была отдушина, чтобы излить свое негодование. Сделать это Ерину

было невозможно. Тот не хуже Куликова знал богатые закрома «великого и могучего». Тем более что своих приказов министр не отменял. Степашин был более приемлемым «собеседником». Во-первых, деликатный... Во-вторых, имеет влияние на Ерина, в-третьих, близок к Черномырдину. В-четвертых, не начальник для самого Куликова.

Наверное, в чем-то Куликов был прав. Отчасти... На месте были сосредоточены наиболее квалифицированные спецназовцы. Их силами при некоторой подготовке можно было провести операцию на пути следования. Самому же Куликову было неизмеримо сложнее. В его руках была лишь грубая военная сила, танки, БТРы, авиация. Фактически ему предстояла не тонкая операция, а грубая ампутация... Он не хотел, судя по всему, брать ответственность на себя, реально понимая последствия этого шага.

Степашин слушал долго, не перебивая. В завершение резюмировал: «Анатолий Сергеевич, вы командующий войсками, заместитель министра внутренних дел. У вас есть свой министр. Докладывайте ему обстановку.. Он вам дал соответствующее распоряжение...»

Колонна с террористами прошла по трассе не так триумфально, как об этом писалось. Дважды предпринимались попытки остановить колонну, в том числе на территории Ставропольского края. Но нескоординированность действий не позволила решить задачу. После исторического разговора премьера с террористом мало кто хотел бы взять на себя ответственность и рискнуть...

Впрочем, история повторилась через полгода. Глава Дагестана Магомедали Магомедов тоже давал обещание Радуеву, что тот беспрепятственно с заложниками уйдет из Кизляра. Тогда федеральные силы нарушили это обещание. Радуев был остановлен на границе с Чечней, но на территории Дагестана. Но это было позже.

После выхода колонны из Буденновска настроение участников операции, что называется, было ниже ватерлинии. Вернувшись в гостиницу, Степашин с Ериным включили телевизор.

На экране Жириновский в передаче Александра Любимова обливал Немцова соком. «Паноптикум!»

Дальнейшая судьба, во всяком случае в ближайшее время, была ясна.

«Ну что, надо уходить в отставку?»

Премьер-министр С. Степашин с Е. Строевым
и В. Шабановым. 1999 г.

Беседа с президентом Франции Ж. Шираком.
Сараево, август 1999 г.

Большая восьмерка. Кельн, 20 июня 1999 г.

Владивосток, июль 1999 г.

С. Степашин с юнармейцами в день ВМФ.
Владивосток, июль 1999 г.

День Военно-Морского Флота. Владивосток, июль 1999 г.

С. Степашин и А. Гор. Вашингтон, июль 1999 г.

Переговоры в США. Комиссия Гор — Степашин.
Июль 1999 г.

Пресс-конференция С. Степашина и А. Гора.
Вашингтон, июль 1999 г.

С. Степашин в гостях у А. Гора (Гор с внуком). Июль 1999 г.

**Встреча с Биллом Клинтонем в Овальном кабинете.
Июль 1999 г.**

В Белом доме, как у себя дома. Июль 1999 г.

Конгресс в США. Июль 1999 г.

В конгрессе США. Июль 1999 г.

Пресс-конференция С. Степашина и А. Гора.
Вашингтон, июль 1999 г.

Премьер С. Степашин в Национальном пресс-клубе.
Вашингтон, июль 1999 г.

После отставки. С мамой Людмилой Сергеевной
на Пискаревском кладбище. С.-Петербург, август 1999 г.

«Призрачно все...»
Исполнение песни на дне рождения у друга Э. Островского.
2001 г.

С. Степашин с супругой Тамарой. 2000 г.

«Яблоко». С.-Петербург, 1999 г.

Снова депутат. 2000 г.

Представители президента в округах. 2001 г.

ОТСТАВКА

Все, о чем наутро докладывал Степашин президенту, тот слушал заинтересованно. Более часа он принимал доклад. Многого из рассказанного Ельцин просто не знал. Ни Степашин, ни Ерин не пытались спрятаться за спину друг друга. Говорили откровенно, без робости расставляя акценты.

Ельцин был еще ТЕМ Ельциным. Он активно реагировал, задавал точные вопросы, говорил резко...

— Вы готовы подать в отставку? — завершил беседу президент.

— Да, Борис Николаевич, рапорт лежит в папке.

— Оставьте, я приму решение.

На заседании последующего (через три дня) Совбеза досталось всем. Неожиданно объектом критики стал директор погранслужбы Андрей Николаев. Он, конечно, готов был ради солидарности принять удар и на себя, но в такой форме! От того, что президент не знает про отсутствие государственной границы между субъектами Федерации, стало стыдно всем.

О чем бы ни докладывали министры, их судьба была предрешена. Степашин выступил с тщательным анализом случившегося. И это не было оправданием. Важно было проанализировать причины, чтобы пришедшие на смену «приговоренным» министрам не повторяли сделанных ошибок, чтобы эти ошибки не искупались ценой чьей-то жизни...

На выходе из зала заседаний министров ждала засада. Журналисты дымились от нетерпения. Они, как патриции Колизея, уже опустили большой палец вниз — «Убей его!» Но последнее слово было за тем, кто остался за закрытыми дверями.

На лице Степашина была странная ухмылка. Какое-то облегчение, как после субботней порки.

— Уходить надо, — почти весело бросил он.

Эта фраза с пометкой «срочно» вылезла на телетайпы всех агентств.

Впрочем, Степашин еще надеялся. Надеялся на то, что президент будет объективен. Что тот поймет сказанное час назад в зале заседаний. «Что мы хотим от спецслужб, которые стали жертвами чудовищного эксперимента, проводимого над офицерами, преданными Родине?! Пять реорганизаций за четыре года, смена вывесок, министров и их команд. Лишение спецслужбы силовых подразделений, которые были основными действующими лицами в подобных ситуациях. Лишение веры людей в завтра...» Но это была внутренняя риторика. Публично обвинять президента в развале спецслужб Степашин бы не стал никогда.

Внутренняя порядочность не позволяла ему бросить камень в того, с кем вместе он пришел в большую политику. Того, с кем в критические дни августа рисковал всем.

Накануне заседания Совбеза в Государственной думе прошло голосование по поводу отставки всех силовых министров. Голоса распределились не в пользу Грачева и Ерина. Степашин большинства против себя не получил. Это в какой-то мере отражало степень ответственности за Буденновск, но легче от этого не было.

С тяжелым сердцем Степашин ехал на дружескую вечеринку — начальник столичного управления Анатолий Трофимов стал генерал-полковником. В машине с ним находился его первый заместитель Анатолий Сафонов.

Они вышли на улицу растерянные и бледные. Сафонов шепнул коллегам: «Только что позвонил Ильюшин и сказал, что подписан указ об отставке».

Праздник был скомкан, но повод сесть за стол остался. Даже два. «Король умер, да здравствует король!» — кричали в таких случаях французы. Кто станет королем, можно было только гадать. Через час приехал Николай Егоров. Он узнал о случившемся и оставить Степашина не захотел. Для него впоследствии Буденновск обернулся еще большей трагедией. Болезнь, приносившая невыносимые страдания, внезапно обострилась, и через несколько месяцев его не стало. А тогда он думал только о том, как поддержать товарища.

То и дело к столу подходили охранники и приглашали к телефону. Спецкоммутатор без

проблем разыскивал теперь уже бывшего директора. Звонили многие. Звонил Юрий Батурин, звонил Сергей Филатов... Все понимали «правила игры» и высказывали отнюдь не ложные сочувствия.

В довершение к прочим неприятностям пришло известие, что в Уфе террористами захвачен вертолет. Заместитель директора ФСБ Валентин Соболев встал из-за стола. Надо было объявлять план «Набат».

— Дави их, Валя! — бросил ему вдогонку Степашин.

БУМЕРАНГ

Войну начинают военные, заканчивают политики. И снова Чечня достала Степашина. Вроде бы все нормализовалось. Он отдохнул, отгулял сразу несколько нереализованных за прошлые годы отпусков, получил назначение на должность руководителя административного департамента правительства России, обнаружив и в этой работе остроту и привлекательность.

С его приходом «оказалось», что такой департамент в правительстве «существует» и способен эффективно решать множество вопросов, связанных с деятельностью силовых структур. «Под Черномырдиным» работать было интересно, тем более что взаимопонимание было полным. О Буденновске не вспоминали...

Как член Совета обороны (существовал такой орган) Степашин решал и иные, не менее сложные проблемы.

Предстоящие выборы президента России требовали изменения ситуации в мятежной республике — Чечне. Война приобрела перманентный характер, то обостряясь, то затухая.

Ни конца ни края ей не было видно. От нее все устали. Победы менялись поражениями. Поражения множили мортиролог погибших и с той и с другой стороны.

Споры вокруг нее не прекращались. В преддверии выборов конкуренты Ельцина делали на нее особую ставку. Каждый заявлял, что у него в тайном кармане есть единственно правильный, единственно возможный план, способный удовлетворить всех. Чтобы и волки были сыты, и овцы целы.

Но, как и сто лет назад, точки зрения о том, что делать с Чечней, носили крайний, зачастую взаимоисключающий характер. От «сравнять с землей» до «бросить все и уйти». Ни то ни другое не было приемлемым. На первое не хватало сил, на второе...

Выходить на выборы в такой ситуации Ельцин не мог. Нужны были радикальные, нестандартные и, возможно, для кого-то непопулярные шаги. Побывавший в Чечне Ельцин на броне танка подписал указ о прекращении боевых действий. «Вы победили», — пытался убедить он военных. Но в это не верил ни он сам, ни те, кому его слова были адресованы. Победа, когда каждый день гибнут люди, плохо ассоциировалась с флагом над рейхстагом.

Но факт констатирован. И, как во времена Политбюро, весь государственно-бюрократический аппарат начинает работать над утверждением этого тезиса. Военные блоки в программах новостей уходят на второй, третий план. Звонят оркестры на проводах армейских колонн. Уставшие от грязи, вони, копоты, от «грузов 200», от всего, что сопровождает войну,

офицеры и солдаты покидают Чечню без сожаления, понимая, что возвращаться придется...

Под председательством Черномырдина создается Комиссия по урегулированию ситуации в Чечне. Министр национальностей Вячеслав Михайлов становится председателем комиссии по переговорам. Степашин его заместителем.

Ставка делается на Масхадова. Несмотря на противоречивость этой фигуры, многие видели в нем и достойного противника, и перспективного политика, который в состоянии стать неформальным лидером.

«Мне тогда казалось, — вспоминает Степашин, — что Масхадов близок к нам по духу, по подходам к решению проблемы. Он был более взвешенной фигурой, устраивавшей всех. Дудаев политический вес уже потерял, Басаев был слишком одиозен и зловещ, Яндарбиев опасен по воззрениям, Удугов просто мелок».

Получив санкции от Ельцина и Черномырдина, Степашин ищет подходы к лидерам Чечни. На своей даче он проводит консультации с представителем ОБСЕ Тимом Гульдеманом. Поразительно, но и тот был крайне заинтересован в скорейшем разрешении кризиса. Впрочем, у него были больше личные мотивы...

Втроем Степашин, Михайлов и Гульдеман приходят к единому мнению, что попробовать можно. Тем более что и противоположная сторона ищет таких контактов. Степашин предлагает свой телефон для связи. Гульдеман при контактах с боевиками передает его Масхадову.

На связь они вышли сами...

Вступить в контакт с врагами без санкции было бы самоубийством. Но санкция была, и санкция самая высокая. Однако уже через несколько дней стало ясно, что и это небезопасно. Встретивший его Михаил Барсуков, отводя глаза (он никогда не встречался с собеседником взглядом), недовольно пробурчал: «Что ты там болтаешь с Удуговым?..» Было понятно, что телефон на контроле и неизвестно, что директор ФСБ, уже теряющий власть и влияние на Ельцина, может докладывать президенту. В попытках удержаться в колоде он может по-своему изложить суть и характер переговоров. Степашин просит директора ФАПСИ Старовойтова ознакомить его со сводками записи телефонных переговоров. Тот знакомит, и Степашин обнаруживает, что ничего, кроме общих обтекаемых фраз в беседах с Удуговым не допускал. И тем не менее было ясно, что все держится под контролем, и в этих условиях отстаивать свою точку зрения будет сложно.

Помимо Степашина в группу «переговорщиков» также вошли зам. секретаря Совбеза Владимир Страшко, мудрый человек, и командующий группировкой Вячеслав Тихомиров. Человек решительный и жесткий. Именно таким его знали чеченцы, а потому понимавшие его значение в составе комиссии.

Почти весь период подготовки переговоров члены комиссии работают в Чечне. Встречаются с людьми, обсуждают варианты возможного документа. Боевики торгуются, предлагают свои варианты.

27 мая председатель правительства России Черномырдин и исполняющий обязанности

президента Чечни Яндарбиев подписывают в Москве Договоренность о прекращении огня, боевых действий и мерах по урегулированию вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики. Вячеслав Михайлов и Хожахмед Яриханов подписывают протокол, в котором определяются меры по обмену насильственно удерживаемых лиц.

На следующий день, 28 мая, Ельцин подписывает Указ о проекте Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Чеченской Республики. Его же распоряжением для восстановления экономики и социальной сферы было дано поручение правительству выделить 90 млрд рублей для выплаты пособий на детей, ликвидировать все задолженности, что составляло 4,1 трлн рублей.

Медленно, с издержками и трудностями, но ситуация сдвинулась.

Практически с апреля, с короткими перерывами, Степашин с Михайловым находились в Чечне. Грозный, Гудермес, райцентры.

Встречи, переговоры, контакты.

1 июля, несмотря на риск, они вместе с А. Квашниным приезжают в Шатой. По дороге несколько раз останавливаются. Едут открыто. Как вспоминает Вячеслав Михайлов, было важно показать всем, «кто в доме хозяин». Это был большой риск. Впоследствии оказалось, что несколько раз они были в оптических прицелах чеченских снайперов. Но Масхадов не дал приказ «на отстрел».

Последнюю встречу перед подписанием соглашения члены комиссии провели с лидерами сепаратистов в Новых Атагах. На столе уже лежал проект назранских соглашений.

Суть назранских соглашений, которые были подписаны в конце июня, можно изложить в трех пунктах. Мы фиксируем прекращение боевых действий с обеих сторон, немедленное разоружение всех незаконных формирований под контролем федеральных сил и ОБСЕ, сохранение трех бригад на территории ЧР, создаем условия для выборов. Они с этим соглашались. Ни о каком суверенитете речи не шло.

Фактически это была капитуляция. Один из авторитетных политиков чеченского происхождения писал Масхадову: «Это обман. Ни в коем случае не подписывайте этого документа...»

Письмо не дошло, документ был все-таки подписан.

После назранских соглашений Михайлов и Степашин еще находились в Чечне.

Проведенные выборы главы республики разочаровали и озлобили боевиков. Сбылось предсказание чеченского политика.

К августу обстановка накалилась. Из разных источников поступала информация о возможном штурме Грозного. Она поступала по разным каналам. Назывались даже сроки — начало августа. Но игра в мир зашла слишком далеко. Информацию принимали, но ничего не делали.

Готовилась инаугурация. Генералы гладили мундиры и чистили обувь.

6 августа полторы тысячи боевиков вошли в Грозный. 15 тысяч российских войск и 5 тысяч чеченских милиционеров оказались бессильны. Заместитель руководителя группировки генерал Пуликовский, объявивший ультиматум, был ошельмован. Российские средства массовой информации объявили его чуть ли не главным виновником трагедии. Масхадов впоследствии вспоминал, что для боевиков это были критические дни. ВСЕ наличные силы находились в Грозном! За его пределами не было ни одного боевика, а потому выполнение угрозы Пуликовского могло поставить точку в истории этой войны.

Но приказ ему отдать не дали. 15 тысяч российских солдат и офицеров оказались заложниками нерешительности Москвы.

Степашин был в гуще событий. Вместе с ним были только Вячеслав Михайлов, Николай Кошман да Пуликовский.

Но за громом оркестра Москва не слышала их призывов.

А в Грозном шел бой.

Только поздно ночью, в 2 часа, Степашин и Михайлов, прилетевшие в Москву, добились встречи с председателем правительства Виктором Черномырдиным. Президент был болен, и ему было не до Чечни...

МВД

Чем может грозить нормальному человеку назначение на пост министра внутренних дел, Сергей Степашин понимал прекрасно. МВД не просто министерство, это — воюющее министерство. Пожалуй, оно в силовом блоке, если не считать МЧС, несмотря на все сложности своего существования, сохранило бойцовские качества.

Обстановка в стране усложнялась с каждым годом. Стали преобладать тяжкие и особо тяжкие преступления. Разгул терроризма стал превышать все мыслимые нормы. Убийства, расстрелы бизнесменов, политиков, криминальные разборки не позволяли расслабиться ни на минуту. После устранения на «чеченском» фронте Российской армии милиция и внутренние войска оказались на первом плане отражения агрессии со стороны Ичкерии.

Но, несмотря на это, смута нынешнего времени затрагивала и МВД. Пусть в меньшей степени, чем иные правоохранительные органы, но... Быть министром внутренних дел — все равно что идти по трясине. Чем больше дергаешься, тем больше засасывает. «И уж не встать,

и не попасть в анналы, и даже павшим славы не сыскать...» — писал поэт Городницкий.

На смену милиционеру Виктору Ерину пришел военный Анатолий Куликов. Пришел со своими установками и определенной предубежденностью в отношении милиции. На руководящие посты вместе с ним пришли офицеры и генералы внутренних войск. Но с преступностью нельзя воевать по карте. Какими бы талантливыми, смелыми и мужественными ни были его соратники, но опыта работы в правоохранительной системе у них было мало, если не сказать, что не было вообще. Вместе с ними в стены на Житной вошли армейские традиции. Сам Анатолий Куликов многого не мог понять. Не мог адаптироваться к полугражданскому ведомству, не мог понять, почему его появление в министерстве не оглашается зычной командой «министерство, смирно!», почему дежурные приемной не надевают китель, почему.. Таких «почему» было много. И тем не менее он уверенно постигал науку милицейского ремесла. Впрочем, его больше интересовали проблемы криминала, смежные с политикой, — зоны риска. Как военный, он шел напролом, делая все более жесткие заявления. Как отмечал впоследствии редактор газеты «Завтра» Александр Проханов, «Анатолий Куликов — человек, у которого руки по локоть в крови. Но мы (патриоты) готовы принять его в свои ряды только за его решительные заявления в отношении войны до победного конца в Чечне, национализацию банков и за ненависть к олигархам».

Скорее всего, повышенный интерес к политике и нелюбовь к олигархам его и сгубили. Это было очевидно для всех и неожиданно для него. Его обида была искренней. И было от чего. На погонах красовалось четыре большие звезды — генерала армии. Только недавно к портфелю министра прибавился чемодан вице-преьера. Расширился горизонт, появились новые рычаги влияния. Он всерьез решил создать жесткую вертикаль оперативно-розыскной работы, взяв на себя основные координирующие функции всех силовых ведомств. Для многих это показалось возвратом к указу о создании МБВД, а потому явлением опасным. Его поддерживал президент, у него были неплохие отношения с председателем правительства. Все рухнуло вместе с правительством. Президент сделал очередной «сильный ход»... В списке фамилий министров внутренних дел России, укрепленном рядом с приемной, напротив фамилии Анатолия Куликова появилась вторая дата — 1998 год.

Как и отправленный в 1991 году в отставку директор Агентства федеральной безопасности Виктор Иваненко, Куликов счел себя оскорбленным в лучших чувствах. Но в отличие от того, не раз повторявшего афоризм «революция пожирает своих детей», Куликов утверждал, что нашему Отечеству сегодня не нужны преданные люди. Он не понял, что для новой политической элиты важна не преданность Отечеству, а важна преданность Семье. К отставке Куликова люди отнеслись по-разному. Его оппоненты ликовали — ушел в историю очередной ястреб. Симпатизировавшие недо-

умевали. Патриоты ликовали от другого — Ельцин в очередной раз проявил свои антигосударственные настроения, показал свою зависимость от олигархов. Милиционеры, пожав плечами, их же и расправили, в надежде, что по принципу эволюции на смену военному все-таки министерство возглавит милиционер. Что большая политика, от которой страдает дело борьбы с преступностью, перестанет быть политикой министерства.

Проходящие перманентные реформы высших эшелонов в меньшей степени касались низовых звеньев, а потому психологическая устойчивость работающих там была достаточно высока. Следовательно, фундамент был устойчив и надежен. Более того, отношение в обществе к МВД несколько изменилось. Да, милицию ругали, да, работой ее были многие недовольны, но альтернативы не было. Именно в милицию шли люди со своими бедами и невзгодами. Да и куда идти?

Стать министром внутренних дел Степашин и не мечтал, и не желал.

«Я пребывал в хорошем расположении, шла активная работа по реформе Министерства юстиции, многое получалось. Получалось неплохо... Но совершенно неожиданно (я приехал на день рождения к бывшему министру юстиции Терехиллову) меня разыскивают через спецкоммутатор и приглашают в Кремль.

Там меня принял глава администрации президента Валентин Юмашев и начал на первый взгляд странный разговор:

— Кого бы вы видели министром внутренних дел?

Я назвал Владимира Васильева — заместителя министра.

Юмашев поморщился и совершенно неожиданно перевел разговор в иное русло. Мне было заявлено, что с Борисом Николаевичем эта тема предварительно обсуждалась, и было поручено передать его предложение возглавить МВД. Это было и неожиданно, и в некоторой степени нелепо. Я сказал, что и года не проработал министром юстиции, только начало получаться, что это интересная работа... Идти на МВД я не хотел совершенно искренне, ведь есть достойные люди и в самом министерстве, а дергать человека с должности на должность — это не дело. Юмашев выслушал мои аргументы и обещал передать их президенту, который примет окончательное решение. Разговор был в субботу, а в понедельник я проводил коллегию в Министерстве юстиции и около 11 часов поступило сообщение, что меня срочно вызывает Ельцин.

Накануне мне звонил Черномырдин, видимо, он знал об этом предварительном решении: — Сергей, не отказывайся.

У меня с Черномырдиным всегда были добрые отношения, я ему верил и к его мнению прислушивался.

В приемной меня ждал Юмашев, который сообщил, что Борис Николаевич принял решение, поэтому, если я вздумаю отказаться, должен иметь в виду, что решение будет прежним.

Ельцин меня принял очень тепло, достаточно лестно отозвался о работе Министерства юстиции, мы вспомнили Чечню, поговорили о других проблемах. Был хороший разговор, но

затем президент подвел итог. Он сказал, что с учетом опыта моей работы в Минюсте, в аппарате правительства, он полагает, что мне нужно возглавить Министерство внутренних дел. Я снова изложил свою точку зрения, что желательно было бы мне поработать еще года два министром юстиции. Мне искренне хотелось, чтобы Министерство юстиции приобрело ту значимость, то звучание, которое во всех странах мира имеет одно из главных ведомств.

Президент прервал:

— Все правильно, но сегодня нам важнее МВД, и это мое решение.

Возражать было бессмысленно — я военный человек... В тот же день был подписан указ, и в этот же день мы с Юмашевым прибыли в МВД, собрали коллегию.

Юмашев зачитал указ, просил «любить и жаловать».

В этот же день я, уже в должности министра, встретился со всеми заместителями. Новых коллег я знал давно. Они приняли меня удивительно спокойно, тем более что особой революции я делать не собирался. У меня была идея, которую я сразу изложил, суть которой была проста. Для МВД основная задача — бороться с преступностью, предупреждать ее, а потому основную составляющую должны представлять профессионалы чисто милицейского свойства, уйти от войсковой составляющей, которая в последнее время стал преобладающей. Структура должна быть более оперативной, более подвижной... Была предпринята попытка изменить функции ГАИ, хотя точное по сути новое название было многими воспри-

нято неоднозначно. Но именно безопасность движения, по моему мнению, являлась главной задачей для инспекторов дорожного движения... Требовалось серьезное переосмысление и задач внутренних войск — самой острой с точки зрения задач структуры МВД».

Каким бы привлекательным с точки зрения реализации своих замыслов ни представлялось МВД, Минюст Степашин покидал с разочарованием от нереализованных идей. После достаточно скучного административного департамента правительства России, где, как в почетной ссылке, коротал дни бывший директор ФСБ, Министерство юстиции казалось ему безбрежным океаном со своими бурями, штормами и подводными рифами.

Девять месяцев в Министерстве юстиции — этот срок пролетел как один день. Примечательно, что за эти месяцы Минюст в глазах обывателя стал приобретать вполне солидные очертания госоргана. И даже банный скандал с Валентином Ковалевым не повлиял на это. Напротив, он как бы разграничил две эпохи в судьбе Минюста.

«Я собирался в отпуск, заслуженный, нормальный. Не было войны, шел 1997 год... — вспоминает Степашин. — Неожиданно мне позвонил Владимир Путин — руководитель контрольного управления администрации президента (с ним я был очень хорошо знаком еще по Ленинграду, у нас были дружеские отношения) — и сказал: «Сергей, надо встретиться». Договорились встретиться на улице у Белого дома. Он подъехал, и мы немного погуляли в парке. Визит не был неожиданным, но причи-

на приезда оказалась странной. Он говорит: «Вот, Ковалев ушел, почему бы тебе министром юстиции не быть? Ты доктор юридических наук, опыт у тебя большой».

Я был обескуражен, хотя и польщен. Говорю: «Несколько неожиданное предложение, хотя и интересное. Но как на это посмотрит президент?»

«Если ты не возражаешь принципиально, то я тогда переговорю», — закончил он разговор.

По всей видимости, у него уже был разговор с Ельциным. Через два дня меня вызывает к себе Черномырдин и говорит, что есть такое предложение. Я попросил сутки, чтобы подумать, потому что это было достаточно серьезно. Я действительно хотел подумать и уточнить, что представляет собой Минюст, с кем придется работать, какие задачи решать. Провел несколько встреч, посоветовался с людьми, которые ко мне равнодушны, и принял решение, что надо рисковать.

У меня сложилась очень удачная ситуация, в отпуск я, конечно, не поехал, июль, август работал, продумывая кадровые вопросы. Павел Крашенинников, мой первый заместитель, подтянул поближе тех, с кем вместе работали ранее, Геннадия Батанова, Владимира Энгельсберга, Эдуарда Ренова, многих других людей, активных и ответственных. За короткий срок мы подготовили новую концепцию Министерства юстиции, где были прописаны многие позиции, необходимые для того, чтобы Минюст стал Минюстом. Была резко повышена заработная плата работникам органов юстиции, которые были просто в загоне, президентом был

подписан указ о двойном подчинении министерства, что резко повысило его статус. Передана система ГУИН, создан институт судебных приставов.

Это была интересная творческая работа...»

За девять месяцев в Минюсте было сделано, как оценивают сами работники, столько, сколько не было сделано за последние 10—15 лет.

Успех всегда окрыляет. И после Минюста в МВД Степашин не вошел, а буквально ворвался.

Кадровая политика Степашина в МВД не отличалась оригинальностью. Его девиз был всегда один — собрать вокруг себя профессионалов и дать им возможность продуктивно работать. При этом его мало интересовало, кто из какой команды. И тем не менее некоторые корректировки были необходимы.

Он возвращает в МВД уволившегося генерала Владимира Страшко, которого очень хорошо знал по Чечне; возвращает в систему из Совета безопасности и делает своим помощником Николая Соловьева (ныне первый заместитель министра — начальник Следственного комитета); Савелий Тесис стал начальником Управления по борьбе с экономическими преступлениями; назначает своим заместителем Владимира Рушайло. Это назначение вызвало недоумение. Слишком много разного рода слухов ходило вокруг этой фигуры.

Но Степашин предпочитал полагаться на собственные ощущения и факты. Запросив ФСБ и Генпрокуратуру, он убедился, что законных оснований для «отвода» у него нет. Оппо-

ненты, имевшие свою точку зрения, остались при ней. Первым отреагировал Анатолий Куликов, уволивший Владимира Рушайло из системы МВД. Он прибыл на Житную и долго втолковывал Степашину, что Рушайло назначать нельзя. Но на столе у нового министра лежали официальные документы. Он остался при своем мнении.

Степашин вспоминает: «В связи с этим назначением ходило много легенд, что его рекомендовал чуть ли не Березовский, Строев или Гусинский. И назывались фамилии совершенно разные, взаимоисключающие, но я могу однозначно сказать, что идея приглашения Рушайло была моей личной. Когда первый раз я побеседовал с Рушайло, он мне понравился. Я запомнил, как он уходил, красиво, с достоинством. Я вспомнил себя после Буденновска... меня затронуло. Кроме того, я знал, что среди милиционеров он слыл сильнейшим оперативником, авторитет у него был большой, хотя было много вопросов...»

Возвращение Рушайло на должность заместителя министра несколько усложнило обстановку в МВД. Но это было скорее межличностным фактором. Все были заняты конкретными проблемами, а потому отношения носили исключительно деловую основу. В конце концов милицейские генералы привыкли к неожиданным поворотам судеб...

Ни тогда, ни сейчас, по прошествии долгого времени, Степашин о своих назначениях не пожалел.

Через несколько месяцев под руководством Рушайло был проведен ряд операций по осво-

бождению заложников. Первым из плена боевиков был освобожден Валентин Власов — полномочный представитель президента России в Чечне, похищенный и удерживавшийся бандитами несколько месяцев. Своего друга Степашин встречал в Домодедове. Власов был бледным, усталым и до конца не осознавшим случившееся. Он смотрел на все удивленными глазами, не веря в свое освобождение.

В День милиции Степашин вместе с Власовым вышли на сцену концертного зала «Россия», чтобы поблагодарить всех сотрудников милиции за службу, за работу, за дружбу. Зал стоя приветствовал бывшего пленника.

Через некоторое время Рушайло снова доказал свой профессионализм. Он провел операцию по освобождению еще одного пленника. Теперь это был гражданин Франции — представитель Верховного комиссара ООН по делам беженцев Винсент Коштель. За его судьбой следил весь мир. Прибывший с гуманитарной миссией на Кавказ, он стал жертвой чеченского «гуманизма». Его похитили в ночь с 29 на 30 января 1998 года во Владикавказе из своей квартиры.

Несколько месяцев плена, грязных, вонючих подвалов, издевательств. Президент Франции просил, умолял, требовал принять исчерпывающие меры. Требовали правозащитные организации. Требовал от своих подчиненных и министр внутренних дел. Самые квалифицированные специалисты были командированы на Кавказ. Переговоры, уговоры, угрозы и предупреждения. 12 декабря операция, руковод-

ство которой осуществлял по поручения министра внутренних дел генерал Владимир Рушайло, была завершена.

В аэропорту Коштель дал первое после освобождения интервью.

«Позвольте мне поблагодарить всех тех, кто сегодня утром, в 4 часа утра, рисковал ради меня своей жизнью. Была проведена операция, которая длилась 5 минут, я был освобожден на границе между Чечней и Ингушетией. Трое бандитов-террористов были убиты, а два представителя спецслужб России были ранены, кажется, не очень серьезно. Мне тоже приходилось рисковать своей жизнью ради других людей, и вот теперь ради меня рисковали жизнью эти люди...»

Я думаю сегодня о тех семьях, членов которых уже не вернуть, которые были хладнокровно уничтожены в Чечне. Некоторых просто так убили. Мне повезло — я жив. Я дорожу своими коллегами, многие из них умерли. Некоторые были изнасилованы, другие были ранены. Все это абсолютно неприемлемо».

В. Коштель подчеркнул, что, если государства Кавказа желают рассчитывать на гуманитарную помощь, они должны предоставить всем организациям, которые доставляют эту гуманитарную помощь, необходимые гарантии безопасности.

Касаясь вопросов похищения людей, господин Коштель заявил: «Я знаю, кто ответствен за мое похищение, я считаю, что должен состояться суд. Если не будет суда, то процесс похищения людей будет продолжаться...»

Я немного физически устал. Первый и второй месяц было много насилия, меня допрашивали, и все это было очень серьезно.

Сегодня утром физически было очень трудно. А психологически — я очень хорошо себя чувствую сейчас, когда меня освободили, и без выкупа. Но до этого меня несколько месяцев держали без дневного света, 20 минут дневного света каждый божий день — это очень трудно, и вообще это очень трудно описать словами. Так что я сейчас не хочу об этом говорить».

Премьер министр Франции г-н Жостен по телефону поздравил Коштеля с освобождением из плена, французские власти выразили благодарность в адрес МВД России. В коммюнике, в частности, говорилось:

«Французские власти выражают свою горячую благодарность всем тем, чьи усилия привели к такому результату. Особые слова благодарности адресованы президенту Ельцину, премьер-министру г-ну Примакову, министру внутренних дел г-ну Степашину и всем тем службам, усилия которых увенчались успехом...»

КОРОЛЯ ДЕЛАЕТ СВИТА

Как уже отмечалось, люди, с которыми пришлось работать в МВД Степашину, были ему знакомы ранее. К ним он относился с высоким доверием. Понимал их проблемы, психологию, закрывал глаза на некоторые недостатки или особенности характера.

И что бы ни говорили о его замах на коммунальных кухнях, он знал одно — на этих людей можно положиться, доверить сложную проблему. Он с большим уважением относился к своим заместителям — генералам Владимиру Колесникову, Владимиру Васильеву, Петру Латышеву, Игорю Кожевникову начальникам управлений Ивану Голубеву, Петру Неделину, Ивану Храпову, многим другим. Это были достойные люди и профессионалы высокого класса. Время показало, что в них он не ошибся. Владимир Васильев стал заместителем секретаря Совета безопасности, а затем вновь был назначен (уже новым президентом России) первым заместителем министра внутренних дел. Петр Латышев стал представителем президента в уральском округе. Иван Голубев был рекомендован на пост полномочного представите-

ля президента в Карачаево-Черкесии, где проявил себя и как мужественный генерал, и как тонкий политик. В 2000 году он стал Героем России. Сейчас он заместитель министра внутренних дел России.

Но первый круг — это первый круг. От него зависит многое, но не все. Судьба министерства решалась на земле. В областных, городских и районных подразделениях. В этом Степашин смог воочию убедиться, подводя итоги за первый год своей работы в МВД.

Знать, с кем работаешь, как работают вдали от Москвы, можно только за счет личных контактов, при этом вникая не только в показатели служебной деятельности, но и изучая человека, которому доверена борьба с преступностью в огромном регионе. Динамика его разъездов была высока, иногда казалось, что в Москве он бывает только проездом.

И не все его визиты оказывались парадными. Точнее, не оказывались парадными для тех, кто так полагал. Большое число провинциальных начальников было заменено. Но это не было чисткой. Он стал активно осуществлять ротацию, которая должна была исключить застои в оперативной работе, не допустить сращивания с криминалом. Причина одна — рост преступности. И это зло прогрессирует как в количественном, так и интеллектуальном плане. Оно проникает в государственные структуры, разъедает их изнутри. Многие милицеские начальники были буквально повязаны местной властью, а нередко и братвой, а потому ждать от них серьезных результатов было нельзя. Тем более что для местных жителей это

не было большим секретом. Приписки, дутая отчетность, сокрытие преступлений...

Удивительно, но первой «жертвой» стал тот, кого Степашин знал хорошо еще по работе в военном училище, — его начальник Анатолий Пониделко. На момент назначения Степашина министром тот был начальником ГУВД по Санкт-Петербургу и области. Назначенный Анатолием Куликовым из его же команды, будучи войсковым офицером, он стал демонстрировать в коллективе то, что иначе, как «фокусами», не назовешь. То ли в погоне за дешевой славой, то ли искренне понимая так свое предназначение, он начал настоящий разгром профессиональных кадров Питера. Противопоставляя себя многотысячному коллективу, он, нередко публично, иначе, как бандой преступников, своих подчиненных не называл. Поразительно, но его пресс-служба даже не пыталась в материалах, записанных журналистами «с голоса», смягчать его эпитеты.

По любому навету мог снять, уволить, наказать. Играя в демократа, он опубликовал свой прямой телефон и потом мог часами выслушивать жалобы, претензии, доносы. Принимал решение жестко. Ряды профессионалов стали истончаться, грозя перерасти в необратимый процесс самоуничтожения.

До сих пор по Питеру ходит легенда, согласно которой Пониделко, прибывший в маленькую деревушку, долго выслушивал жалобу женщины, у которой год назад украли двух кур. Устроив публичный разнос местному начальнику, он послал гонца на рынок, где были приобретены две хохлатки. Их он публично вручил по-

страдавшей, продемонстрировав «способность» лично раскрывать преступления.

Над причудами Пониделко хохотали, пожимали плечами, но...

Преступность в Питере росла, раскрываемость падала...

Терпеть такое было нельзя. И Степашин пошел на крайний шаг.

Со временем пришлось дважды менять командующих внутренними войсками, командира дивизии им. Дзержинского. Каждый такой шаг для Степашина был тяжелым испытанием. Незлопамятный по натуре и открытый в общении человек, он тяжело переживал столь радикальные меры.

Но времени для перевоспитания не было.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

В январе 1999 года, подводя итоги года, Степашин вынужден был констатировать, что преступность росла в арифметической прогрессии. 2,6 млн преступлений наполняли милицейские сводки. Преобладали тяжкие и особо тяжкие преступные посягательства, они уже составляли более 60 процентов.

В 53 субъектах Федерации участились умышленные убийства, более чем в трети регионов — случаи причинения тяжкого вреда здоровью. Похищения людей стали «нормой» не только для кавказского региона, но и для Москвы, Санкт-Петербурга, российской провинции.

Сложное социальное положение людей, экономический кризис стали, как и в другие непростые времена в России, средой для преступных посягательств корыстной направленности. Кражи, грабежи, разбои, вымогательства... И все это при отягчающих обстоятельствах. Вернулся из послевоенных времен термин «бандитизм». И не только в горячих точках. Милицейские сводки напоминали сводки с фронта. Практически в мирное время от рук бандитов гибли сотни милиционеров.

И несмотря на все усилия МВД ситуация не выправлялась.

Особую тревогу у министра и его коллег вызывали преступления, порожденные недальновидной экономической политикой.

Отмена только одного закона о монополии на производство и реализацию спиртных напитков привела к разрастанию несметного числа преступлений на водочном фронте. Уход от налога, выпуск фальшивого, и потому опасного для здоровья людей, пошла, передел собственности, сопровождающийся криминальными разборками, были только верхней частью этого айсберга. Многочисленные попытки ввести процесс в контролируемое русло натыкались на дыры в законах, открытый саботаж со стороны чиновников, выявляли мощный процесс слияния государственного аппарата с криминалом. Многие такие чиновники носили внушительные значки членов Федерального собрания.

Пока милиционеры вместе с сотрудниками других правоохранительных органов пытались навести хоть какой-то порядок, потоки лицензионной и левой водки множили доходы водочных королей. Они проявляли невероятную изворотливость и пытливость ума. На введение акцизных марок они ответили подделкой оных. По закону это преступлением не было. (Пока!) Упущенную выгоду от проверок и ревизий они покрывали розливом пошла в ночное время, почти в конспиративных условиях. Риск оправдывает средства. Точнее, средства оправдывают риск. Достаточно вспомнить, что в Советском государстве водка давала 30% бюджета страны. Знали российские государи императоры, как делать деньги в нашей пьющей (все,

что течет) стране! Государство усилиями экономистов-новаторов, отменивших монополию, еле-еле сводило концы с концами, не получая даже 10 процентов от промысла. Для исправления только одной ошибки (отмены одного закона) МВД разработало 18 поправок в нормы действующего законодательства. И даже их принятие только частично скорректировало положение. А пока суть да дело, в России гибель людей от отравления паленой водкой исчислялась десятками тысяч. И это только по установленным диагнозам.

Обнаружение и ликвидация 3 тысяч подпольных цехов кардинально не повлияли на объемы незаконного оборота спиртного. При крайне низкой производительности они со своей продукцией занимали достаточно скромную нишу на нелегальном алкогольном рынке, годовые объемы которого превышали 140 миллионов декалитров.

Анализ, проведенный коллегами Степашина, показывал, что основной вал продолжали давать лицензированные производители спиртного за счет выпуска левой, неучтенной продукции. Однако случаи выявления таких фактов единичны. Государство не получало десятки миллиардов рублей.

Степашин пошел на беспрецедентный шаг: он собрал наиболее влиятельных и деловых представителей отрасли. «Что будем делать, братцы?» И они ответили, пошли навстречу, потому что их империи тоже страдали от выпуска фальшивой продукции. Стенограмма этой встречи и беседы стали предметом для изучения специалистов. Много логичного и правильного было в их словах.

Августовский дефолт 1998 года заставил по-новому взглянуть и на нашу кредитно-банковскую систему. Банкиры и деловые люди стали постоянными посетителями Житной. Приглашение их в МВД было связано не с тем, чтобы выклянчивать у них деньги для ведомства. Многие стали советниками министра.

Делить людей на своих и чужих было не в правилах Степашина. Он общался со всеми, для кого судьба России была не пустым звуком. С теми, кто в силу своих возможностей (экономических, политических, иных) был способен влиять на процессы. Перечень посетителей, которых он принял на Житной, поражал своим спектром. Иначе быть не могло. Слишком сложное время, слишком мало этого времени.

Работая в течение года в условиях ограниченного финансирования, испытывая острый кадровый дефицит, МВД удалось решить основные задачи. Стройная и жизнеспособная система министерства была не только сохранена, но и продолжалось ее совершенствование.

Была активизирована работа по раскрытию и расследованию преступлений. Как бы ни критиковали работу МВД его оппоненты, но факт остается фактом — были установлены виновные в совершении 1,8 млн преступных посягательств. Количество пресеченных преступлений экономической направленности возросло более чем на 15 процентов. Было выявлено свыше 18 тысяч преступных посягательств на интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления, треть из которых составили факты взяточничества; 16 тысяч лидеров и активных участников организо-

ванных преступных групп, избличенных в совершении 29 тысяч преступлений.

Но за положительными результатами, о которых докладывал министр, скрывались серьезные проблемы.

И Степашин это понимал.

Он знал, что количество привлеченных к уголовной ответственности наиболее опасных преступников от экономики сократилось в 50 регионах. Это был тревожный симптом. Можно было предполагать, что причины этого кроются в сращивании государственного аппарата (в том числе и милицеских структур) с криминальными структурами. Как объяснить тот факт, что раскрытие таких преступлений в Ингушетии сократилось на 45 процентов, в Калмыкии, Карелии, Воронежской, Еврейской автономной, Новгородской, Оренбургской, Пермской, Томской областях — на четверть. Как объяснить, что чем больше преступлений такого характера (что очевидно) совершалось, тем меньше была раскрываемость. Ведь при эффективной работе правоохранительной системы даже в самых сложных условиях пропорции должны сохраняться. Но еще более тревожило (и Степашин говорил об этом на коллегии) неоправданно большое число преступлений, дела о которых прекращены. В Адыгее, Калмыкии, Северной Осетии, Туве, Хабаровском крае, Еврейской автономной, Иркутской, Липецкой, Пензенской, Тамбовской областях до суда не дошло от 39 до 64 процентов экономических преступлений компетенции криминальной милиции.

Это было тем более странно, так как на их выявление и расследование затрачивались не-

малые силы и средства. Ущерб же только по выявленным преступлениям экономической направленности превысил 20 млрд рублей — пятую часть всего дефицита федерального бюджета на 1999 год.

Следовательно, констатировал Степашин, МВД, располагая достаточно полной информацией о криминогенных процессах в ключевых отраслях экономики, о наиболее влиятельных и опасных преступных группах и сообществах, их лидерах и коррумпированных покровителях в органах власти, продолжало медлить с принятием адекватных правовых мер.

В значительной мере это было связано с тем, что многие специализированные подразделения по борьбе с организованной преступностью ослабили прессинг преступных формирований. Более половины раскрытых ими преступлений никакого отношения к деятельности организованных преступных групп не имели. В подразделениях Дальневосточного, Центрально-Черноземного, Восточно-Сибирского регионов доля таких преступлений составила от 60 до 75 процентов.

«Доверие граждан стоит очень дорого, — подчеркивал министр на совещаниях, коллегиях, встречах с оперсоставом. — Уверен, что без него борьба с преступностью в лучшем случае будет топтаться на месте, в худшем — обречена на полный провал».

У Степашина были все основания для критики и в адрес другого мощнейшего отряда милиции общественной безопасности — участковых инспекторов милиции. И при этом он также основывался на проведенном опросе.

Для человека, который прошел не одну вой-

ну, побывал во многих горячих точках, наиболее болезненной была проблема внутренних войск. Их подготовки, слаженности действий и, самое главное, воинской дисциплины, которая в боевой обстановке носит не парадный, а исключительно жизнеопределяющий характер. Несмотря на все усилия командования, так и не был снижен высокий уровень преступности в частях ВВ. Более 60 процентов от всех зарегистрированных преступлений были связаны с самовольными оставлениями военнослужащими воинских частей, недостаточно эффективно решалась задача по искоренению неуставных взаимоотношений. «Боеготовность внутренних войск, — подчеркивал Степашин, — это не только умение личного состава метко стрелять, выдерживать многокилометровые марши, владеть прочными навыками рукопашного боя и выживания в экстремальных условиях. Это еще и уверенность в том, что в боевой ситуации тебе придут на помощь, прикроют огнем, не оставят раненым на поле боя.

Может ли рассчитывать на это боец внутренних войск, независимо от того, кто он: солдат-первогодок или «дед», если взаимоотношения между ними строятся на регулярном, с доходящим до садизма мордобое, вымогательстве денег, унижении старшими человеческого достоинства младших по образу и подобию лагерных разборок? Можно ли считать, что подразделения, пораженные «дедовщиной», в состоянии успешно выполнять боевые задачи?

Вину за неудовлетворительное состояние дисциплины, которая, на мой взгляд, во внутренних войсках мало ассоциируется с воинской, целиком и полностью возлагаю на

командный состав. Многие офицеры, командиры соединений и частей нередко занимают позицию невмешательства в «теневую» жизнь воинских коллективов, либо укрывают противоправные поступки своих подчиненных».

Но самой страшной бедой системы Степашин считал многочисленные проявления коррупции, сращивания сотрудников милиции с преступной средой, расплодившиеся милицейские «крыши», которые встают на защиту явных негодяев. По данным органов прокуратуры, которые лежали у него на столе, в I полугодии 1998 года за нарушения законности было наказано свыше 16 тысяч сотрудников органов внутренних дел, тогда как в соответствии с ведомственной отчетностью — лишь 4,6 тысяч, или почти в четыре раза меньше.

Сверхзадачей, которую ставил перед собой и своими коллегами Степашин, было стремление вернуть доверие к милиции. Именно поэтому он пытался принципиально изменить подход к системе отчетности. «Самое главное сегодня, — подчеркивал министр, — добиться не дутой, а реальной картины в сфере борьбы с криминалом, какой бы она ни была. Важно добиться стопроцентной регистрации преступлений. Только таким образом мы сможем вернуть доверие. Я как министр буду карать не за снижение процента раскрываемости, а за укрывательство преступлений. Для нас важны не интересы цифр, а интересы людей, пострадавших от преступных посягательств. Каждый человек должен знать, что, каким бы мелким ни было совершенное преступление, милиция не оставит его без внимания».

КУРСКАЯ

С середины 1998 года ситуация на границах с Чечней стала усложняться. Набеги на сопредельные районы стали регулярными. Угоны скота, грабежи, похищения людей. Располагая даже приблизительной информацией, в МВД считали, что в плену у боевиков и бандитов находится более 1000 заложников.

Особенно страдали от этого жители приграничных районов Ставропольского края. Совместные мероприятия, проводимые МВД России и Главным управлением государственной шариатской безопасности, давали не очень эффективные результаты. Во-первых, сотрудники последнего были мало профессиональны, а во-вторых, они не могли контролировать всю территорию Чечни. Даже влияние Аслана Масхадова — президента республики — распространялось лишь на несколько районов Грозного. Предпринятые им шаги по проведению конституционной реформы были фактически блокированы его же окружением.

В феврале 1999 года полномочный представитель президента России в Чечне докладывал:

«6 февраля 1999 года, по просьбе Президента ЧРИ А. Масхадова состоялась встреча, на которой он изложил концепцию исламской шариатской реформы.

А. Масхадов пояснил, что исламская шариатская реформа замышлялась им два года назад, поскольку он предусматривал рано или поздно противостояние ветвей власти.

В ходе реформы своим указом от 4 февраля 1999 года он ликвидировал должность вице-президента, и В. Арсанов отправлен в отставку с этого поста. А вся полнота власти в республике сосредоточивается в руках президента. Действия различных сил, партий и движений прекращаются или ограничиваются.

В течение месяца будет переработана Конституция ЧРИ, которая пополнится некоторыми положениями Корана. После переработки Конституции ЧРИ схема правления на территории республики будет выработана следующая: Президент — Совет — Парламент — Председатель — Кабинет министров — Правительство.

Пояснил, что в течение 1998 года Парламент ЧРИ полностью парализовал законотворческую деятельность в республике, блокируя почти все предложения Президента ЧРИ по составу Правительства: назначения вице-премьеров, министров, определение блочной системы комплектования подчиненности министров вице-преьерам Правительства, равно как и десятки других документов, исходящих от Президента ЧРИ на утверждение Парламенту. Эта система блокирования законотворческой деятельности Парламента управлялась бывшим и. о. председателя Кабинета министров Ш. Басаевым через парла-

ментариев, внедренных им при проведении выборов в Парламент. Президент А. Масхадов лишил Парламент законотворческой деятельности, объясняя это решение введением полного шариатского правления на территории ЧРИ.

А. Масхадов заверил руководство Российской Федерации, что все подписанные им ранее документы с федеральным центром — Договоры, Соглашения и др. документы остаются в силе, и он лично как президент «жестко» будет следить за соблюдением всех их положений и обязательств Чеченской Республики.

Заявил, что оценку его деятельности в руководстве республики дает только народ Чеченской Республики. Только народ может потребовать от него ухода с поста или находиться в должности Президента ЧРИ.

На время создания новой формы правления в Чеченской Республике А. Масхадов убедительно попросил сократить до минимума комментарии социально-политической обстановки в ЧРИ средствами массовой информации.

06.02.99 г.

ЧЕРНЫШЕВ».

Переговоры и предпринятые шаги по обмену представителями мало что давали. В Чечне шла двойная игра.

Ни одного факта похищения людей, краж, разбоя МВД без внимания не оставляло. Тем более когда дело касалось жизни сотрудников милиции. А их стреляли, резали, убивали... Местных сил было явно недостаточно. Блокировать границу можно было, но с огромными финансовыми затратами и привлечением люд-

ских ресурсов. Руководство Ставропольского края могло помочь только частично.

Степашин отдает приказ в случае проникновения бандитов на территорию сопредельных районов открывать огонь на поражение без предупреждения. «За уничтожение бандитов буду награждать!» В конце 1998 года в Ставрополе создается Оперативный штаб МВД. На него возлагаются координационные задачи. Но войска всего лишь войска. Без грамотной профессиональной оперативной работы они бессильны. Надо заранее знать, где, когда, какими силами и с какими целями попытаются проникнуть на территорию Ставропольского края. С этим было крайне сложно...

Февральская поездка в станицу Курскую, что на границе с Чечней, была сложной. И эмоционально, и физически. Люди, уставшие от беспредела, требовали принятия срочных мер. Назревал неуправляемый процесс этнических погромов. В каждом преступлении жители видели руку чеченца, а потому готовы были осуществить скорую расправу.

Приезд Степашина еще больше подогрел страсти. Московские чиновники не особенно жаловали эти края.

В самом центре собралась толпа людей; которые ждали.

Степашин вышел к людям. «Не дело министра выступать на митинге, но случай особый. Вы ждете моего мнения, и я обязан его высказать!»

О чем говорил тогда министр на площади станицы?

«Мы полностью будем менять систему деятельности наших внутренних войск здесь, на границе с Чеченской Республикой, особенно в наиболее тревожном Курском районе. Задача будет поставлена одна — чтобы каждое село, каждый населенный пункт был защищен. Для этого сегодня мы с начальником Генштаба приняли решение о том, что большая часть подразделений, — как правило, они будут милицейскими, оперативными — будут комплектоваться по двум принципам. Первое: за счет местного мужского населения — по контракту, с тем чтобы люди с оружием в руках могли защищать свои села, своих родных, своих близких (я думаю, они в состоянии это сделать), при этом получая зарплату из федерального центра и нося погоны. Второе — призывники Курского района и других приграничных районов будут призываться только в эти подразделения.

Много будет зависеть и от нормальных рабочих мест, и от того, когда со Ставропольским краем рассчитаются по долгам. В ближайшее время на Совете безопасности будут рассмотрены и вопросы экономической политики правительства в этом регионе, ибо отсутствие рабочих мест во многом предопределяет латентность преступлений, толкает людей на кражи.

Я хочу вам откровенно сказать. К сожалению, воруют не только со стороны Чеченской Республики, к сожалению, воруют и местные. Мы уже знаем несколько бандформирований, которые работают здесь, находят наиболее обеспеченные семьи, выводят на них бандитов с той стороны и вместе крадут людей. Без вас

здесь — вы знаете всех — мы не справимся. Поэтому давайте работать вместе.

Сегодня у меня прошла закрытая встреча у станицы Галюгаевской с одним из руководителей Чеченской Республики — его лично ко мне прислал Аслан Масхадов. Мы и с ним договорились о совместной работе, так как это стал настоящий промысел.

Вы ставили вопрос о том, что надо установить особый режим в Курском районе — и по прописке, и по регистрации, и т. д. Вы понимаете, что чисто юридически мы не можем объявить Курскую приграничным районом, но я как член Совета безопасности поставлю на Совете вопрос о том, что особый режим здесь, в Курском районе, по прописке, проживанию, миграции, проезду должен быть. Иначе мы с преступностью, с похищениями людей не справимся никогда».

Его услышали, приняли, поддержали.

Через два месяца, 2 апреля 1999 года Степашин вновь появился в Курской, чтобы своими глазами посмотреть на то, что было создано.

На плацу стоял полк. Пусть не очень стройно он выглядел, пусть обмундирование на бойцах было необмятым, а сами они еще плохо обучены, но начало было положено. В шеренгах стояли местные жители.

Выступая перед бойцами сводного полка, Степашин сказал:

«Я как министр внутренних дел, а здесь присутствует зам. Генерального прокурора В. Устинов, официально вам заявляю — никаких ограничений по уничтожению бандитов с сегодняшнего дня нет. Это мой приказ, я за него нес ответственность».

ШПИГУН

Но между этими двумя событиями произошло то, что еще более усложнило взаимоотношения с Чечней. 5 марта 1999 года с борта самолета Ту-134, выполняющего рейс по маршруту Грозный — Москва, около 15 часов 35 минут неизвестными лицами был похищен полномочный представитель министра внутренних дел России в ЧРИ генерал-майор милиции Г. Н. Шпигун.

Досье

«В процессе оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий установлено, что 5 марта 1999 года самолет а/к «Асхаб» прибыл в аэропорт г. Грозный. Посадка пассажиров на обратный рейс происходила в обычном порядке. Досмотром пассажиров занималась группа досмотра, отдел перевозок, милиция и служба авиационной безопасности.

Примерно за 10—15 минут до посадки пассажиров в сопровождении дежурных по посадке зала официальных делегаций Шпигун Г. Н. прибыл

на борт самолета и расположился в кресле второго салона. Всего на борт было принято 26 пассажиров и 3 ребенка, которые были рассажены в самолете по желанию, а не согласно местам, указанным в билетах. В числе пассажиров зашли и неизвестные лица, которые не вызывали никаких сомнений у бортпроводников и пассажиров.

В момент движения самолета к месту взлета бортпроводница, объявив информацию о полете, вошла на бортовую кухню, где находились бортпроводник и двое вооруженных мужчин ростом 173—175 см, в масках с прорезями для глаз и гражданской одежде. Они вошли в бортовую кухню из салона самолета.

В это время через кухню к кабине экипажа из салона самолета очень быстро прошли еще 2 вооруженных человека в черных масках.

В момент нахождения самолета примерно в 50 метрах от разворотного рукава, бортинженер доложил командиру, что в дверь стучат и за ней находятся вооруженные люди и требуют открыть дверь, иначе станут стрелять на поражение. По команде командира бортинженер открыл дверь, в кабину вошли 2 вооруженных человека, сорвали с экипажа наушники и приказали остановить самолет. Неизвестные были одеты в черные кожаные куртки, на головах черные маски, в руках короткие автоматы российского производства. Все команды неизвестные отдавали на чеченском языке. По мнению допрошенных, они являются чеченцами.

Командир остановил самолет, один из неизвестных потребовал от бортпроводника открыть левую дверь самолета и ударил ее прикладом автомата. После того как бортпроводник от-

крыла дверь самолета, вооруженные мужчины привели из салона человека в гражданской одежде и потребовали от него прыгать на землю. На руках этого человека были наручники. Вооруженные мужчины толкали его в спину прикладами автоматов и вытолкнули из самолета. За ним спрыгнули и остальные.

Неизвестные в масках, подталкивая перед собой прикладами автоматов человека в штатском, побежали вправо в сторону совхоза «Аргунский», к разрушенному забору периметрового ограждения аэродрома. При этом неизвестные били в спину человека в штатском и подталкивали его. За забором ограждения рельеф местности идет н.л. понижение, и экипаж потерял группу из вида».

В розыскных мероприятиях по установлению лиц, причастных к похищению Г. Шпигуна были задействованы подразделения ГУВДТ, ГУБОП, ФСБ России.

События стали развиваться по нарастающей. С третьей попытки Степашину удалось связаться с президентом Масхадовым, которому министр сказал все, что думает и по этому поводу, и по другим вопросам. Суть формулировок можно свести к краткому тезису, изложенному простым и понятным языком: «Не можешь контролировать ситуацию, не можешь навести порядок в республике, которая тебе это доверила, нечего называть себя президентом». Впервые после декабря 1994 года со стороны руководства России прозвучала очевидная угроза. Не можешь навести порядок сам —

наведем мы. Это не было объявлением войны, это была констатация факта. Надеяться на эффективное сотрудничество, несмотря на все уступки, на которые пошла Россия (финансовая помощь правоохранительным органам Чечни, обучение их сотрудников в учебных заведениях МВД, обмен представителями и т. п.), не приходилось. Более того, МВД располагало данными, что отдельные высокопоставленные люди в правоохранительных органах ЧР были замешаны в самых гнусных преступлениях. Опора на малочисленные здоровые силы в Чечне была также малоэффективна.

7 марта 1999 года Степашин выступает в программе «Итоги» и делает ряд резких заявлений. Впоследствии ему не раз пеняли оппоненты, весьма далекие от проблем оперативной работы, за то, что он дал слово офицера вызволить Г. Шпигуна из плена. А что должен был говорить человек, который сам назначал Шпигуна на эту должность, человек, который был связан с похищенным генералом воинским братством? Что должен был говорить министр, глядя в заплаканные глаза родственников Геннадия Шпигуна? Или он должен был отречься от него, как это делали некоторые так называемые полководцы?

И хотя надежда была на тот момент прозрачной, но Степашин верил своим коллегам, верил в их корпоративную солидарность, а следовательно, был убежден в том, что они приказ министра выполняют.

Похищение Шпигуна было последней каплей в терпении руководства России.

На Совбезе принимается решение отозвать

представительство России из Чечни. Разрабатывается комплекс мер по борьбе с этническим экстремизмом и бандитизмом. Эта тема становится темой месяца.

Аслан Масхадов понимает, что Москва перешла от слов к делу. И дело было не только в том, что ей надоели акты бандитизма, терроризма. Москве надоели непонятные игры, которые в последние годы вело чеченское руководство. Троцкистский лозунг «ни мира, ни войны» был опасен для России. Президент Чечни заверил Степашина, что эвакуация представительства пройдет без эксцессов. Дополнительные силы милиции, выделенные для сопровождения колонны, прибыли в Грозный в считанные часы.

Досье

Интерфакс. Грозный, 7 марта. Правительство Чеченской Республики выразило недоумение в связи с отъездом из Грозного аппарата представительства президента и правительства Российской Федерации. В интервью ИФ вице-премьер чеченского правительства Турпал Атгериев заявил, что за похищением генерала Геннадия Шпигуна стоят спецслужбы, в том числе и ФСБ, которые добивались осложнения взаимоотношений между Чечней и Россией...

Интерфакс. Грозный. 7 марта. Чеченский полевой командир Шамиль Басаев, возглавляющий оппозиционную президенту республики шуру, обвинил в организации похищения генерала Геннадия Шпигуна российские спецслужбы.

Как утверждал Басаев в интервью Интерфаксу в воскресенье, спецслужбы России «тщательно подготовили и организовали похищение генерала Шпигуна для того, чтобы вызвать недовольство как в России, так и во всем мире, и представить Чеченскую Республику как регион, где процветает терроризм».

Басаев считает, что профессионализм, с которым проведена операция по похищению Шпигуна, сам по себе свидетельствует о том, что в данном случае действовали специалисты высочайшего класса.

Однако в том, что к похищению Геннадия Шпигуна имели отношение полевые командиры, сомнений не было. Как не было сомнений и в том, что между ними до конца не было достигнуто согласие по дальнейшей его судьбе: продать, обменять, судить или убить. Руководство НТВ передало Степашину видеопленку с записью интервью Шамиля Басаева, который грозил карами не только Шпигуну (если тот попадет в его руки), но и Степашину. Учитывая деликатность ситуации, в эфир его не пустили.

Примечательно, что это был принцип взаимоотношений НТВ и Степашина. После назначения его на пост министра с начальником Управления информации МВД связался один из руководителей канала, который сказал: «С назначением Степашина министром внутренних дел мы снимаем всю неконструктивную критику МВД. Мы уважаем этого человека, и будем поддерживать его во всех начинаниях. Передай ему это». Безусловно, речь шла

о неконструктивной критике. Но и Степашин, сохраняя собственную открытость для журналистов, и НТВ, сохраняя собственные творческие принципы, оставляли за собой право для полемики. И это было разумно. Это негласное соглашение давало результат. Не было ни одного случая, когда НТВ не пошло бы навстречу просьбе МВД. Даже тогда, когда в этой просьбе отказывали государственные каналы. МВД не предпринимало никаких попыток ограничить право канала на получение информации и не допускало неадекватной реакции на критику по существу. К слову отметить, что этой же позиции НТВ придерживалось и в период премьерства Степашина.

На протяжении всего срока пребывания на посту министра Степашин держал вопрос на контроле. Как всегда бывало в таких случаях, желающих стать посредниками для освобождения Геннадия Шпигуна было пруд пруди.

Назывались разные цифры — семь миллионов, пять, два. Но было ясно, что большинство посредников не имеют никакой возможности для решения этого вопроса. МВД опиралось на свои силы и было готово действовать не просто жестко, но и, если потребуется, жестоко. Расхожий тезис об отсутствии милицеской солидарности распространяли только недоброжелатели или далекие от проблемы комментаторы. За своих менты мстили жестоко. Не менее жестоко, чем американские полицейские.

Сегодня невозможно назвать число людей, занятых в работе по розыску и освобождению Геннадия Шпигуна. Были «расконсервирова-

ны» контакты, которые в последнее время были не востребованы. Весь Северокавказский РУБОП был поставлен в ружье для решения этой задачи. Сам Степашин искал и пытался использовать свои возможности, привлекая для освобождения политиков, бизнесменов, влиятельных чеченцев. Но операция затянулась. Было ясно, что слишком высоко тянутся нити этой провокации.

Практически до начала боевых действий 1999 года оставалась надежда и уверенность. Война смешала карты...

НЕ ТАК СЕЛИ

Продвижение Степашина по государственной лестнице в МВД встретили по-разному. Кто-то понял, что пост вице-преьера лишь первый шаг. А потому скоро сменится власть на Житной, и надо определяться...

Кто-то усмотрел в этом укрепление позиций МВД.

Короткий срок совмещения должностей Степашиным существенно оживил будни аппарата МВД.

Но все проходит. И вице-премьерство, и премьерство.

В октябре 2000 года бывший президент Ельцин проводил презентацию своей книги «Президентский марафон». На это, по нынешним меркам заурядное, событие собралась политическая элита. Приглашен был и Степашин.

Для людей, пристально наблюдавших со стороны, взаимоотношение Ельцина со своими соратниками открытием не было. Ярких личностей вокруг себя президент не любил. До конца своего правления он избавился от всех. И друзей, и товарищей. Для него было чуждо понятие человеческой благодарности. За друж-

бу, за преданность. Как нарцисс, влюбленный в себя, во власть (что было одно и то же), он к концу своей карьеры остался в окружении «сотрудников». Где те, кто начинал с ним? Кто поддерживал его в трудные минуты одиночества, в дни напряженной борьбы и поражений? Где та свита, которая делает короля? Где Гавриил Попов, Юрий Афанасьев, Анатолий Силаев, Галина Старовойтова, Геннадий Бурбулис, где многие другие... Они были яркими, хоть и неоднозначными личностями, а потому были изгнаны, отстранены, удалены...

Об отношении Степашина к Ельцину ходит много пересудов. Даже близкие друзья Степашина не могут понять, почему после многих предательств со стороны президента он так и остался верен ему. Как можно публично говорить, что с президентом он останется до конца?! И после отставок и откровенного пренебрежения...

Но пересуды пересудами, а логика в заявлениях Степашина все-таки есть. Однажды в кругу людей близких он сказал, что самым трагическим предательством XX века было предательство генералами последнего императора. «Как могли люди, взращенные Николаем, обласканные должностями и званиями, прийти к нему в критический момент и предложить ему отречься от престола?!»

Измена, по определению, чужда Степашину. К Ельцину же он относился не только как к должностному лицу. Что-то личное связывало его с ним. Такое, что не позволяет отвернуться, обидеться. Он относится к нему как старому больному отцу, для которого чья-то обида может сократить дни его жизни.

Но что бы ни замышлял президент в отношении судьбы Сергея Степашина, тот выполнял свои обязанности так, как от него требовала его совесть, понятие государственности, чувство долга. Но уже с первых дней стало ясно, что это будет делать не просто. Слишком много советчиков, недоброжелателей и интриганов было вокруг него и правительства, которое он хотел сформировать.

«БОЧАРОВ РУЧЕЙ»

К появлению в аэропорту Николая Аксененко председатель правительства отнесся спокойно. Во всяком случае, так показалось. Поздоровался, обменялся репликами. Для непосвященных интриги не было. Ну и что? Журналисты же стали искать скрытый смысл во всем. И в факте появления Аксененко в «Бочаровом ручье», и в целях.

Повод был серьезный. Практически сразу после назначения Степашин «взбрыкнул». Он заявил, что готов подать в отставку, если ему не дадут сформировать собственный кабинет. Формировал, но в муках...

«Конституционное большинство», полученное Степашиным, настолько впечатлило Ельцина, что он не только поздравил премьера, но и пригласил его пообедать. Пользуясь случаем, Степашин вытащил подготовленный заранее список нового кабинета министров. Ельцин пробежал фамилии и небрежно вернул список.

Степашин понял, что ему определяют роль декоративного премьера. Ельцин с его мнением считаться не собирается.

Ощущение угрозы не покидало Степашина практически весь срок пребывания премьером. Оговорка президента, допущенная в разговоре с Селезневым, не давала покоя ни ему, ни аппарату правительства. Под какой срок закладываться? Насколько серьезно все это?

Пытаясь сгладить сделанную в разговоре с Геннадием Селезневым («Аксененко — премьер») оговорку уже при беседе со Степашиным и Аксененко, Борис Николаевич оговорился еще раз. Дескать, «не переживай, Николай. Сегодня он премьер, а завтра — ты. Поживем до осени, там видно будет». Борьба с потенциальными конкурентами Степашин не хотел (дело надо делать, а не заниматься интригами, только результаты влияют на оценку личностей), определив для себя формулу поведения — пока я председатель правительства, я буду исполнять эти обязанности как подобает. Аксененко же почувствовал себя уязвленным. С первых дней своего назначения он начал вести себя по меньшей мере нелепо, демонстрируя некую независимость. В многочисленных интервью он подчеркивал собственное особое мнение, которое не совпадало с мнением председателя. Несколько раз Степашин пытался в корректной форме поправить коллегу, но тот был прям, как железнодорожная шпала.

Но как бы то ни было, настроение у Степашина несколько испортилось. Разговора с глазу на глаз (Александр Волошин не в счет) с президентом могло не получиться.

Президент был выспавшийся и отдохнувший.

В течение первого дня была согласована структура кабинета министров, а также ряд ключевых фигур. Еще вылетая в Сочи, Степашин был намерен решить вопрос по двум, по его мнению, удачным кандидатурам. На пост первого заместителя премьера он хотел предложить Александра Жукова — председателя комитета Госдумы по бюджету.

Кандидатура Жукова президентом была отвергнута с порога (все, что хоть косвенно имело отношение к Госдуме, у Ельцина вызывало изжогу). Тогда Степашин предложил второй вариант — Михаил Задорнов становится первым вице-премьером и одновременно министром финансов. Президент согласился.

Но не принял ряд других кандидатур. Тем не менее Степашину удастся назначить руководителем своего аппарата Андрея Черненко — заместителя министра внутренних дел.

После обеда президент прервал обсуждение. «Продолжим завтра. В пять».

Ситуация зависла до утра. Посетив премьера на госдаче номер два, он отправился на отдых.

Полдень Степашин, Волошин и Аксененко встретили спящими в креслах. Президент в эту ночь бессонницей не мучился, а потому принял их не в пять утра, как назначил, а только к обеду.

Начальник секретариата правительства мотался челноком от госдачи номер один к шифровальщикам, которые набирали на «красных» бланках новые указы.

Ситуация снова могла затянуться. Татьяна Дьяченко торопила: «Делайте все быстрее. Папа может лечь отдохнуть, тогда вы не улетите сегодня!»

Успели! К людям, с которыми работал его давний товарищ Евгений Примаков, Степашин относился с большим уважением. А поэтому около 70 процентов министров его кабинета составляли люди Примакова. Однако кое-кто его не устраивал. Не лично его, а интересы дела. Назначение после скандала со Скуратовым Николая Бардюжи (бывший секретарь Совета безопасности) на Государственный таможенный комитет было явно неудачным. Конечно, бывший глава погранслужбы был человеком авторитетным, профессионалом в своей области. Он, безусловно, понимал значение и роль таможни, но ее деятельность была значительно шире и сложнее... Бордюжа понял. Вместо него по инициативе Степашина был назначен Михаил Ванин — профессиональный таможенник. И хотя кое-кто считал эту кандидатуру неудачной (о таможе ходили разные слухи), Степашин остановился именно на нем. На должность министра внешней торговли был возвращен Михаил Фрадков. Министром по делам национальности назначен В. Михайлов.

На Пенсионный фонд назначается М. Зурабов. На первой встрече с ним Степашин осознает, что им была создана высокоэффективная система, позволяющая решить множество социальных проблем.

На одном из заседаний правительства Степашин поручает М. Зурабову рассчитаться по долгам с пенсионерами к 7 ноября. В октябре опальному Степашину позвонил председатель Пенсионного фонда: «Товарищ председатель правительства...» «Я не председатель», — перебил его Степашин.

«Товарищ председатель правительства, — словно не услышал поправки Зурабов. — Ваше поручение выполнено». Пенсии были выплачены раньше поставленного срока.

Хотя Ельцин согласился с предложением назначить вместо Жукова первым замом председателя правительства министра финансов М. Задорнова, буквально через несколько часов все перевернулось с ног на голову. Задорнова лишили поста министра финансов. И он объявил о своей отставке. Ельцин ее тут же принял.

Вакансия министра финансов осталась открытой. Через день на этот пост был назначен Михаил Касьянов. Ситуация была нелепой. Де-юре он был назначен, но де-факто Степашин еще хотел побороться за Михаила Задорнова.

И снова забарражировали слухи о неспособности Степашина назначить свое правительство. Расхожий термин о «слабости» раскручивался кремлевскими «пиарщиками». Примечательно, что после отставки Степашина В. Путин почти полностью сохранил состав правительства.

Но и здесь интриги нет. Просто в команду Степашина, за редким исключением помимо его воли, им были подобраны профессиональные люди.

И, зная их сильные и слабые стороны, он сегодня прекрасно осознает, какую ношу на свои плечи взвалил Владимир Путин. Впрочем, многие прежние завалы нерешенных проблем уже были разобраны. Будучи человеком последовательным, новый премьер, пришедший на смену Степашину, четко двигался по намечен-

ного пути, согласно ранее подготовленному плану работы правительства. Он не отменил ни одной поездки, которые ранее стояли в плане Сергея Степашина.

Три месяца пребывания Степашина у власти были месяцами напряженной работы. И не только в Москве.

Приближались выборы, и необходимо было формировать выборные блоки. Президент размышлял. Степашин торопил. Вариантов было немного. Либо блок Лужков — Примаков, либо коалиция губернаторов. Первый вариант для Ельцина был просто неприемлем. По второму варианту надо было работать. Собственно, эту задачу и пытался решить председатель правительства во время своих многочисленных поездок по стране.

Более тридцати губернаторов идею коалиции поддержали. Но президент выжидал. Степашин организовывал встречу президента и пятнадцати губернаторов. Один из них в лоб задал вопрос: «Надолго ли правительство?» Ельцин от ответа ушел.

Ситуация, фактически созревшая, зависла на неопределенное время.

«Ранним утром, пугая редких прохожих, президентский кортеж промчался в Кремль. Ельцин экстренно вызвал секретаря Совета безопасности, директора ФСБ Владимира Путина и сообщил, что назначает его премьер-министром вместо Степашина. Путин робко возражает, но Ельцин давит на него, ссылаясь на нерешительность Степашина и на серьезную ситуацию в стране. Получив согласие Путина, говорит о необходимости действовать жестко,

вплоть до введения в случае необходимости ЧП и роспуска Госдумы, компартии.

Вслед за Путиным вводят Аксененко, первого вице-премьера. Они переглядываются с Волошиным: мол, дело сделано. Затем на ковер вызывают Степашина. Аксененко уже увели, в кабинете, кроме президента, только Волошин и Степашин. Сергей Вадимович, конечно же, догадывался, с чем связано это неожиданное приглашение, и не собирался складывать руки.

— Вы исполняли обязанности председателя правительства, теперь займитесь Совбезом, — угрюмо бросил президент. — И вообще, не осадил Лужкова, не отрезали блок «Отечество» от губернаторов и Примакова.

— Я не исполнял обязанности, — возразил Степашин, — я был председателем правительства.

— Что вы там бормочете?! — не сдержался хозяин кабинета.

— Я не бормочу, а говорю о том, что сделано, — возразил премьер, напомнив о своей работе с Ельциным в 1990 году, в 1993-м, о том, что делается сейчас.

Б. Н. попросил Волошина выйти, и они еще час говорили один на один.

— Ладно, — заключил Ельцин и подчеркнул, что впервые в жизни отменяет свое решение. — Езжайте по регионам, укрепляйте связь с губернаторами. Поговорите с Титовым, Горячевым, Шаймиевым, убедите отказаться от союза с Лужковым. А там видно будет...»¹

Но это была лишь отсрочка.

---

¹ Андрианов В., Черняк А. «Одиноким царь уходит». Кн. 3.— М., 2000.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

82 дня

Много это или мало? Для того чтобы разрушить державу, достаточно трех дней.

Для того чтобы ее восстановить, нужны десятилетия.

Правительство Степашина просуществовало 82 дня. Точнее, он во главе своего правительства. Правительство осталось и продолжило реализовывать то, что было намечено сначала Примаковым, а затем Степашиным. К отставке премьера отнеслись по-разному. Кто равнодушно, кто с сожалением. Но и для тех и для других было ясно, что дело не в нем. Просто в конце своей карьеры изможденный президент продолжал, словно в забытьи, делать спорадические сильные по понедельникам ходы.

И ему было все равно, что с приходом Степашина на пост премьера приостановились, а кое на каких направлениях двинулись в обратную сторону негативные процессы, словно рок висевшие над страной.

В стране продолжало работать правительство, имевшее четкую программу, стабильно выплачивались пенсии и зарплаты. Проблема

шахтеров, дамокловым мечом висевшая над Черномырдиным и Кириенко, была решена.

Приостановилась инфляция.

Промышленность, долгое время не подававшая признаков жизни, стала их подавать. Ранее неразрешимый топливный кризис стал управляемым. Губернаторы, так долго требовавшие самостоятельности и пребывавшие в самоизоляции, стали тянуться к центру, понимая, что без жесткой вертикали невозможно построить коммунизм в отдельно взятом районе. Проведенные несколько совещаний в рамках региональных соглашений с губернаторами показали их готовность работать вместе с Москвой.

Стал более сговорчивым Международный валютный фонд. В новом премьерe западные политики увидели вменяемого представителя России, а потому готовы были иметь с ним дело, вкладывать инвестиции, развивать связи.

Был ли Степашин заложником президента или пал жертвой обстоятельств?

Время покажет. Но то, что он на посту премьерa оказался, несмотря на возможности, не до конца реализованной фигурой, очевидно.

Перед Новым годом, накануне XXI века Борис Ельцин сделал стране королевский подарок — подал в отставку.

Он попросился и попросил прощения. Народ отставку принял. Прощения...

Началась новая эпоха. И в этой эпохе Степашины обязательно будут востребованы.

Конец?

Продолжение следует?

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ, ИЛИ НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ ЭКС-ПРЕМЬЕРУ	3
ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО	13
КАРАМАХИ	20
ПОСЛЕДНИЙ АККОРД	42
ВАЛЬПУРГИЕВА НОЧЬ	47
КГБ ПО РАЗНЫЕ СТОРОНЫ БАРРИКАД	63
КОМИССИЯ	70
ПИТЕР	106
ФАТАЛЬНОСТЬ ДЕКАБРЯ	112
ОКТЯБРЬ	129
РАЗВОД ПО-ПРЕЗИДЕНТСКИ	154
ПЛУТОНИЕВЫЙ СКАНДАЛ	183
«КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК»	190
НАЧАЛО	210
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В АД	226
РАЗБОР ПОЛЕТОВ	229
ДЕКАБРЬ	237
ГРОЗНЫЙ, ЯНВАРЬ	242
ПОБЕДА, РАВНАЯ ПОРАЖЕНИЮ	254
ДУДАЕВ	257
ТУРЦИЯ	259
БУДЕННОВСК	264
ОТСТАВКА	289
БУМЕРАНГ	293
МВД	300
КОРОЛЯ ДЕЛАЕТ СВИТА	313
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ	317
КУРСКАЯ	325
ШПИГУН	331
НЕ ТАК СЕЛИ	339
«БОЧАРОВ РУЧЕЙ»	342
ПОСЛЕСЛОВИЕ	349

Александр Георгиевич Михайлов

**ПОРТРЕТ МИНИСТРА
В КОНТЕКСТЕ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ:**
Сергей Степашин

Редактор М. Нестерова
Младший редактор О. Никанорова
Художественный редактор И. Суслов
Технический редактор Н. Ремизова
Корректор Л. Логунова

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Лицензия ИД № 05480 от 30.07.01.

Подписано в печать 19.09.01.

Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 18,48. Тираж 5000 экз. Изд. № 01-3776 ДО.

Заказ № **1802**

Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»
129075, Москва, Звездный бульвар, 23

Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
103473, Москва, Краснопролетарская, 16

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВ

Александр Михайлов — выпускник факультета журналистики МГУ. С 1974 года — на оперативной работе в органах госбезопасности. В 1989 году возглавил пресс-службу Московского управления КГБ, а в 1994 году стал начальником Центра общественных связей ФСК. После операции в селе Первомайское вернулся на оперативную работу. В 1998 году — начальник Управления информации МВД России. В правительстве Сергея Степашина — начальник Управления правительственной информации РФ. Александр Михайлов — член Союза писателей, генерал-лейтенант милиции в отставке, генерал-майор ФСБ в запасе. Автор книг «Встать до счета «три», «Контрольный выстрел» и других. Автор сценариев художественного фильма «Мужской талисман» и ряда документальных фильмов. Лауреат премии им. К. Симонова.

Правительство Степашина просуществовало 82 дня. Точнее, он во главе своего правительства. Правительство осталось и продолжило реализовывать то, что было намечено сначала Примаковым, а затем Степашиным. К отставке премьера отнеслись по-разному. Кто равнодушно, кто с сожалением. Но и для тех и для других было ясно, что дело не в нем. Просто в конце своей карьеры изможденный президент продолжал, словно в забытьи, делать спорадические сильные по понедельникам ходы.

ISBN 5-224-03252-0

9 785224 032525 >